„ПРАВО и ЖИЗНЬ“.

КНИГА ВТОРАЯ.

ИЮЛЬ.

1922 г.

МОСКВА.

Издательство „ПРАВО И ЖИЗНЬ.“

2000 экз. (Р. Ц.) Москва. № 1064 25/VIII 22.
Тип. 31-ая МСНХ. (б. Губернская), аренд. Р.У.М. Никольская, 1—3.

Правовые идеи в советском законодательстве.

I.

Социалистическую доктрину можно рассматривать с двух точек зрения: во-первых, как экономическую доктрину, т.-е. с точки зрения коренного преобразования общественно-экономического уклада с заменой индивидуальной капиталистической собственности коллективистической собственностью; во-вторых, как правовую проблему, т.-е. с точки зрения норм закона—отрицательных по отношению к низвергнутому старому строю и созидательных по отношению к возникшему новому строю, устанавливающих и регламентирующих этот строй.

В первом случае мы имеем дело с социализмом в движении, с социальным движением, с процессом политической борьбы на почве классовых антагонизмов и при помощи партийно-политических методов и тактических приемов,—словом с динамикой социализма. Во втором случае мы имеем статику социализма, уже фактически, на практике государственности и быта, водворившееся состояние социально-экономических отношений на началах социализма, которые находят свое отражение и выражение в соответственных законодательных нормах.

Я остановлюсь на этой правовой стороне социализма, пользуясь тем, что из всех стран мира только в России социалистическая доктрина претворилась в правовую систему в виде действующего политического законодательства. За время $4^1/_2$ летнего существования советской власти накопилось огромное множество декретов и других законодательных распоряжений и административных мероприятий, касающихся разнообразных сторон нашего социалистического строя. Многие из этих законов, в процессе творческого строительства, подвергались часто всяческим изменениям, иногда радикального характера до полной отмены их; во многих из них усматривается неполнота, непоследовательность и противоречия, свидетельствующие о колебаниях и неустойчивости взглядов законодателя. Но при всем этом остаются неизменными общие руководящие начала, направляющие и объединяющие это разнообразное законодательство и сообщающие ему социалистический характер.

Из всего разнообразного законодательного материала я остановлюсь только на трех группах правовых отношений, наиболее существенно определяющих социалистический строй, именно на тех нормах, которые относятся к реформе собственности, к охране труда и к организации правосудия.

II.

Социалистическая литература обычно выводит социалистические идеи из экономических категорий (научный социализм) или из филантропических целей (утопический социализм) и совершенно не рассматривает

их с точки зрения правовых начал. Между тем, конечные цели социализма, клонящиеся к созданию нового порядка хозяйственной жизни человечества, сводятся, при практическом осуществлении их, не к чему иному, как к коренному изменению действующего имущественного права—вещного, наследственного, обязательственного. При этом оказывается, что действующий имущественный правопорядок, который многим представляется затвердевшим, веками и на веки освященным, на самом деле подвергался в течение истории беспрерывным изменениям и, можно сказать, находится в состоянии постоянного движения и революций.

Понятие „*собственности*", как это доказывается историею самого института,—понятие не постоянное, а изменяющееся по своему содержанию, об'ему и форме соответственно изменчивым условиям экономической и общественной жизни. Собственность—не неизменный социальный факт, не психологическая форма или абсолютная догма, а историческая категория, которая, подобно многим другим общественным и правовым институтам, принимает ту или иную форму, приспособляющуюся к потребностям, которые вызываются и обуславливаются данным общественно-экономическим строем. Это продукт общественного сожительства, подчиняющийся законам развития общества и беспрерывно изменяющийся по своему содержанию и форме под влиянием экономических, психических и этических факторов.

Я не буду вдаваться в исторические изыскания происхождения собственности. Достаточно отметить, что все эти изыскания сводятся к тому, что собственность появляется сначала как факт, а потом как правовая идея. По меткому афоризму Руссо, собственность появилась, когда первый человек об'явил. „это поле мое"—и нашел таких дураков, которые ему поверили. Первоначально всякое владение есть только факт, результат чувственно-инстинктивных побуждений без каких-либо правовых представлений о собственности. Впоследствии факту оккупации, как источнику происхождения собственности, было сообщено философско-правовое оправдание и найдено экономическое основание для установления института собственности.

Теоретически частная собственность об'ясняется различно. Одни видят главное основание ее в человеческом труде. „Хотя земля и все животные, говорит Локк, отданы всем людям сообща, но человек обладает правом собственности на себя самого, на свою собственную личность. Труд его тела, дело его рук принадлежит ему. Если он вкладывает труд в продукт природы, если он дает этим продуктам нечто от своей природы, то он делает их предметом своей собственности". *)

Другие видят оправдание частной собственности в потребностях личности (Фихте, Блюнчли); третьи об'ясняют ее волевым актом первоначального владельца (теория оккупации—Гуго Гроций); четвертые об'ясняют и оправдывают ее существование утилитарными соображениями, ее общест-

*) Многие писатели признают труд основой ценности продуктов—основой не только экономической и фактической, но и моральной. Еще Фома Аквинский указал на моральную сторону трудовой ценности в своем учении о справедливой цене (instum pretium), согласно которой цена обмениваемых продуктов может считаться справедливой только тогда, когда она соответствует затраченному на их производство труду. Это этический идеал экономических отношений, соответствующий учению христианства („воемуждо по трудам его"), который, однако, в действительной реальной жизни—несуществим. В действительности труд является не единственным моментом, регулирующим средние цены производимых товаров, а на последние влияют еще другие факторы. Эта относительность трудовой ценности выставлена Рикардо и другими теоретиками классической политической экономии, напротив, научный социализм в лице Маркса выставил теорию абсолютной трудовой ценности, по которой ценность есть овеществленный в товарах труд: „как ценность, все товары суть не что иное как определенная масса застывшего рабочего времени" (Маркс „К критике полит. эконом." Таким образом, по Марксу, только труд определяет ценность товаров.

венной полезностью и необходимостью (Гобе, Монтескье) Все эти теории являются только об'ясненнями происхождения частной собственности и основанием ее существования, как общественного института, но не устанавливают незыблемости ее в отношении формы и содержания; последние в течение истории беспрерывно изменялись, и, следовательно, не исключается возможность дальнейших изменений их в будущем. Идея собственности в ее юридической форме—есть сложный исторический процесс—психический и социальный. В первобытных человеческих обществах нет идеи собственности, обладание является только необходимым чувственным результатом борьбы за существование. Сила и право еще не дифференцировались, они составляют еще одно и то же понятие. Постепенно выявляется идея индивидуальной собственности, как общественный институт. В древне-римском праве принадлежность вещи кому-либо считалась нормальным состоянием, а отсутствие собственника считалось состоянием ненормальным. Отсюда возникает обряд оккупации, имеющей символическое значение превращения ненормального состояния в нормальное. Индивидуальная собственность исторически предшествует общей собственности, которая знаменует высшую ступень первобытной культуры и которая получает свое выражение главным образом, в общинном землевладении и также в ограничении индивидуальной собственности на движимости. Затем следует развитие современного, преимущественно индивидуалистического порядка владения; в настоящее время все более и более выявляется тенденция к коллективизации собственности и к переходу к социалистическому порядку владения. Нет сомнения, что и этот порядок не явится неизменным, конечным завершением эволюции, а получит новые формы, новое содержание.

III.

Условный характер права собственности с особою рельефностью обнаружился в воззрениях деятелей великой французской революции на отношение государства к частной собственности. По концепции воззрений, господствовавших во всей просветительной философии конца XVIII в., начиная с Фенелона, Руссо, Монтескье, Мабли, Рейналя и кончая деятелями революции—Мирабо, Робеспьером и др.,—государству принадлежит неограниченная власть во всех областях политической и социальной жизни—в силу теории общественного договора, по которому государству переданы гражданами все права. Поэтому оно обладает никем и ничем не ограниченными правами по отношению к личным и имущественным правам отдельных граждан, которые оно может ограничивать или полностью уничтожать, если того требует „благо народа", которое есть „верховный закон". Собственность, как социальный институт, является результатом общественного договора, „продуктом общественного творчества" (выражение Мирабо) и она не более и не менее священна и неприкосновенна, чем всякий другой результат договора; она подчиняется верховной власти государства, по воле которого она может быть отменена или изменена, ибо собственность нации выше собственности отдельных лиц.

Но, признавая условный характер частной собственности и верховное право государства на нее, Мирабо, Робеспьер и большинство деятелей революции не желали отмены этого института, потому что в ту эпоху расцвета индивидуалистических идей никто не сомневался в том что личная собственность полезна, благодетельна и необходима, а уничтожение ее должно влечь за собою опасные последствия для общества. (Поэтому Конвент 18 марта 1793 г. вотировал смертную казнь для всякого, кто предложит „аграрный закон", т. е. национализацию земли, а 30 марта то

же наказание установлено за всякое подстрекательство к нарушению права собственности). Но государство может и обязано ограничить пользование собственностью в известных случаях и для известных целей—для обеспечения существования всех элементов общества. Таким образом, по общему мировоззрению деятелей революции, государство является верховным судьей полезности частной собственности и допускаемых ее границ. Как известно, революционная власть предлагала много мер к установлению этих границ—для уничтожения пагубных последствий неравенства и для торжества эгалитарных идей революции: государственный подоходный налог, ограничение или даже отмену наследственного права, максимальный размер имущества, налог на предметы роскоши, общественную помощь нуждающимся, право на работу и открытие рабочих домов и национальных мастерских, наделение землей из государственного фонда, установление такс на предметы продовольствия и т. д.

Эта философская доктрина об условном характере частной собственности, как продукта общественного договора, не получила, как и многие другие концепции теоретиков французской революции, полного осуществления. Она была вытеснена другой теорией, исходившей от Локка и физиократов, которая выводила частную собственность из труда и свободы личности: человек в процессе труда, так сказать, ассимилирует часть материи; он тесно сливается с нею, и с этого момента она становится его собственностью, независимо от всяких прав государства и при всякой форме политического строя. Эту теорию приняло Учредительное Собрание во Франции, которое признало в декларации прав, что собственность вытекает из пользования человека своими способностями и составляет одно из священных неприкосновенных и неотъемлемых прав личности. Эту же мысль развивал Сиейс в „Введении к Конституции", и принимали также другие деятели революции, между прочим, вожди жирондистов Кондорсе, Верньо. Этой теории не противоречила отмена феодальных повинностей, отнявшая у дворянства и духовенства их собственность: она была произведена не во имя какого-либо принципа социального характера, а исключительно во имя прав личности. Это было раскрепощение *индивидуальной собственности* от разных феодальных, общинных, цеховых и других ограничений, утверждение этой собственности, а не нарушение собственности и национализация ее.

Согласно с этим учением, по конституции 1793 г. собственность определяется как „принадлежащее каждому гражданину право пользоваться и располагать, *как ему угодно*, своим имуществом, своими доходами, плодами своего труда и своего прилежания".[1]) Это определение в своей сущности вошло впоследствии в Code civil и от него заимствовано гражданскими кодексами других стран. Оно также легло в основание учений ортодоксальной политической экономии.

Итак, еще в конце XVIII в. был провозглашен принцип, по которому государству принадлежит неограниченная власть по отношению к личным и имущественным правам отдельных граждан, которые могут быть ограничены или полностью уничтожены во имя „блага народа", которое есть „верховный закон". Наиболее последовательные и решительные из этих теоретиков идеи всемогущего народного суверенитета доходили даже до

---

[1]) По проекту конституции, предложенному Робеспьером, этот пункт гласил иначе: „Право собственности—это право каждого гражданина распоряжаться тою частью имущества, *которая ему предоставлена законом*. Право собственности, как и всякое другое право ограничено обязанностью соблюдать права других. Оно не должно угрожать ни безопасности, ни свободе, ни существованию, ни собственности других. Всякое владение, всякое приобретение, нарушающее этот основной принцип, безнравственно и недопустимо".

того, что считали государство управомоченным устанавливать нравственные начала и принципы добра и зла для обязательного руководства. Известно, что Робеспьер установил культ высшего существа (Разума).[1] Отсюда прямой путь к учению о праве государства установить общественные и экономические отношения на началах социалистических. Раз частная собственность является результатом общественного договора, продуктом соглашенья, то она может быть осуждена и отвергнута, как всякая другая политическая или социальная условность, как например, монархия или наследственное право. Весь вопрос только в том, признается ли она злом или добром, необходимостью или вредом для счастья человечества. Деятели французской революции, несмотря на раздававшиеся уже в то время резкие нападки на социальное неравенство и несмотря на страстные стремления той эпохи к торжеству эгалитарных идей и установлению полного не только формального, но и экономического равенства (Соуравных Бабефа),—были так уверены в необходимости частной собственности, как неразрывного элемента личности, что не только не поднимали руку на частную собственность, а напротив, подчеркивали абсолютный и священный характер ее, как основы всякого общества.

Человечество должно было пройти длинный путь развития капиталистической собственности, чтобы постепенно выявились содержащиеся в недрах ее социальные противоречия, и чтобы вновь могла выступить старая проблема о частной собственности, которая столетием раньше стояла пред философской мыслью в виде бесспорного для него положения о необходимости индивидуальной собственности для свободы личности и счастья человечества. Развитие социалистического движения, начиная с Бабефа и различных малоизвестных предшественников его, продолжается Оэном, Фурье, Сен-Симоном и другими утопическими социалистами, а впоследствии—Марксом, Энгельсом и другими представителями научного социализма.

IV.

Если по догматическому определению права собственности—оно означает полное неограниченное господство над вещью, то это право в течение истории потерпело огромные ограничения и трансформацию—начиная от института рабства, распространявшего господство собственника даже на человека-раба и получившего признание не только в праве, но и в философии (Платон, Аристотель), и кончая современным правом, допускающим во многих случаях, где частная собственность сталкивается с общественными нуждами, многочисленные ограничения вплоть до принудительного отчуждения государством частной собственности в интересах государственных и общественных. В эпоху 12 таблиц в Риме кредитор имел право на жизнь должника,—до таких широких пределов простиралась суб'ективно и об'ективно защита собственности.

С течением времени, под влиянием гуманизирующих идей, отношения к должникам постепенно изменялись и современное право отказывается от всяких мер репрессии по отношению к личности должника в случаях его банкротства. За время, истекшее после того, как французская революция провозгласила в декларации прав и в конституциях принцип священной собственности, эта священная собственность постепенно подвергалась таким ограничениям как в фактическом об'еме, так и в правовых опреде-

[1]) 8 мая 1794 г. Конвент после речи Робеспьера о необходимости для демократии веры в бога, издал декрет, вменивший гражданам в строгую обязанность верить в бога и в бессмертие души.

лениях ее, что традиционные очертания ее, как полное господство над вещами, совершенно утратились. Уже Кодекс Наполеона, воспринявший идею неограниченной собственности, допустил целый ряд существенных ограничений ее. Так, в области наследственного права, в котором наиболее должна была бы проявиться неограниченная воля индивидуума к господству над имуществом, эта воля собственника, в интересах семейных и морально-общественных, ограничена установлением обязательных наследственных долей, и, таким образом, посмертная индивидуальная собственность подверглась коллективизации в пределах семьи наследователя (семейная собственность). Тот же кодекс впервые установил институт экспроприации (принудительного отчуждения) для государственных и общественных нужд, представляющий собою прообраз социалистического огосударствления частной собственности. Новейшие гражданские кодексы содержат в себе многочисленные ограничения права собственности в разных областях, в виде сервитутов и других институтов соседского права, ограничительных сроков владения, обязательных правил, такс, новинностей и других принудительных мер, суживающих сферу пользования и распоряжения имуществом — не только в интересах общественных и государственных, но и в целях защиты экономически слабых лиц. Начиная со второй половины XIX ст., во всех странах получило развитие рабочее законодательство, которое по самому существу содержащихся в нем мер представляет коренное ограничение права собственности, ибо во многих отношениях (вмешиваясь в свободу договора между предпринимателем и рабочим, фиксируя минимум заработной платы, продолжительность рабочего дня, регламентируя условия труда и т. д.) совершенно лишает собственника свободы распоряжения своим имуществом и до некоторой степени сообщает собственности, вместо традиционного индивидуалистического частно-правового характера, коллективистический публично-правовой характер. Это особенность обнаруживается в области коллективного (тарифного) договора, получившего в последние десятилетия столь широкое распространение и многими своими сторонами выходящего далеко за пределы действующего частного права, и еще более в области рабочего контроля над предприятиями в виде, например, германских Советов предприятий (Betriebsräte) или английских Союзов предпринимателей и рабочих. Идея о борьбе классов убила дух индивидуализма, на котором зиждется частная собственность, ибо вместо личности выступают социальные группы, вместо личной воли проявляется воля коллективов. Благодаря этому, собственность, которая в условиях капиталистического строя характеризует личность, составляет ее дополнение и продолжение, утратила свою социальную основу индивидуализма. Собственник — предприниматель уже не является автономным бесконтрольным хозяином своего предприятия и нанятого им труда. Государство разрешает ему пользование предприятием и трудом обслуживающих его рабочих только на известных условиях; управление фабрикой он делит с рабочими в лице их коллективов или с обществом в виде государственного контроля: ему могут быть предписаны, во имя общественных интересов, правила внутреннего распорядка предприятия, те или другие обязательные условия найма труда и расчета с рабочими, может быть ограничена свобода пользования прибылью, с обязательной организацией за ее счет страховых касс для рабочих и т. д.

Кроме рабочего договора, по некоторым новейшим законодательствам ограничена свобода договоров вообще — в интересах защиты стороны, заключившей договор под влиянием бедности и нужды: именно, в известных случаях допускается оспаривание сделок, совершенных с таким перевесом преимуществ на одной стороне, который свидетельствует о вынужденности сделки под влиянием нужды, напр., при продаже предмета за чрезмерно

рывную цену. В последнее время мировая война и последовавшая за нею эпоха восстановления разрушенного войной, внесли в область договорного права много новых правовых форм, совершенно изменяющих традиционные основы этого права, наиболее индивидуалистического, наиболее проникнутого автономией и свободой частных воль. Одной из этих новых форм является правовой институт *принудительных договоров* (Kontrahierungszwang), заключающийся в том, что субъекту прав вменяется в обязанность заключить договор с другою стороною в интересах последней или с определенным содержанием, причем неисполнение этой обязанности влечет за собою принудительное установление таких договорных отношений между контрагентами. Как известно, этот институт практиковался в широких размерах во время войны в области военного хозяйства. В настоящее время он имеет значительное применение в области имущественного найма и рабочего права. Достаточно в этом отношении указать на принудительные вселения в частные квартиры, на принудительные поставки для потребностей государства, на принудительный труд для больных или тяжело раненых, далее в области рабочего законодательства—на обязательность решений третейских судов по спорам между рабочими и работодателями также и для лиц и союзов, не участвовавших в спорах, на судебное признание обязательными условий коллективного договора или правил внутреннего распорядка, установленных в одном предприятии, также и для других предприятий, в этом коллективном договоре не участвовавших или этих правил не устанавливавших.

Все это указывает, что общий ход истории идет в направлении постепенного ограничения права собственности, постепенного сужения сферы автономного и свободного распоряжения имуществом, постепенно усиливающегося проникновения в индивидуалистические частно-правовые отношения начал публично-правовых и тенденций коллективистических.

V

Самая форма собственности изменилась до неузнаваемости. Первоначально, как указывает Гирке, [1]) „Собственность была правом, не отделенным от вещей—это была захваченная или обрабатываемая человеком земля, имущество, имеемый предмет. Каждое юридическое действие было связано с неизменными формами, с определенными торжественными формулами, с символами, основанными на идее, что вещи или личность при этом присутствуют сами физически или чувственно". Современная собственность сделалась безличной и безвещной. Огромные имущества находятся в распоряжении акционерных обществ, синдикатов и других экономических союзов, представляющих юридические лица, т. е. фикцию личности, и осуществляющих свое господство над вещами вне конкретного фактического держания их. Собственность какого-нибудь американского железнодорожного короля, распоряжающегося с неограниченною властью огромными транспортными средствами целых государств и владеющего колоссальными имуществами, символически, по выражению Людвига Штейна, сводится к обладанию небольшим ключем от кассы.

Коллективизация частной собственности все более и более проявляется в росте широко распространяющихся в современной экономической жизни разнообразных форм хозяйственных соединений—акционерных компаний, товариществ, кооперативов, торгово-промышленных коллективов, трестов, картелей и т. п., также все более и более расширяющейся

[1]) „Deutsches Genossenschaftsrecht"

муниципальной собственности и монополизированной государственной собственности. Осуществляемое этими хозяйственными соединениями право собственности совершенно потеряло свой вещный характер в смысле традиционного отношения суб'екта к об'екту собственности, а приобрело, как правильно замечает Жорес [1]), исключительно характер правового документа: она становится настолько чуждой акционеру, что последний узнает о ней новости только из газет.

Вообще, у современного капитализма право собственности в его чистом виде уничтожилось; капитал обезличился, сделался анонимным, принял форму обобществления, так как капиталист в значительной степени лишен возможности непосредственно распоряжаться своим капиталом. „Отдельное лицо, говорит Гильфердинг, имеет право только на выручку; собственность, которая некогда знаменовала фактическое неограниченное распоряжение средствами производства, а следовательно, такое же руководство производством, теперь превратилось в простой титул доходности, ибо у отдельного лица отнято право распоряжения производством.

Процесс обобществления частной собственности, по мере и в зависимости от развития капиталистического строя, идет все шире и глубже, так как капитал все более и более монополизируется в руках отдельных крупных торгово-промышленных, финансовых и банковских коллективов и организаций, диктующих свою волю, подчиняющих себе не только отдельных капиталистов, но и целые государства. Таким образом, в хозяйственной жизни капиталистических стран область частной собственности в ее чистой индивидуалистической форме все более суживается и самым естественным ходом вещей обрекается на постепенное отмирание. Само буржуазное право постепенно подготовляет разрушение частной собственности. Можно сказать, что социализм осуществляется в буржуазных странах каждый день на наших глазах—с одной стороны, постоянной трансформацией частной собственности в направлении коллективизации ее, с другой стороны, беспрерывными изменениями в области правосознания и социальной психики.

В особенности, эта трансформация и эти изменения проявились во время войны, когда в интересах общественного блага, государство во всех странах, в особенности в Германии, взяло на себя регулирование всех производственных отношений и организовало производство и потребление на началах вполне социалистического характера. Правда, это был так называемый „*военный социализм*", но, несомненно, многое из государственных мероприятий этого военного социализма получит признание целесообразной системы и сохранит свое значение и для мирного времени. К этому сознанию должно привести то состояние экономической разрухи, в которой очутились и еще долгое время будут пребывать все страны Европы, и с которым неразрывно связан дальнейший ход социалистического движения в культурных странах. Дальнейшая эволюция или грядущая революция в Европе будет проходить именно под знаком этих коллективистических идей.

Немецкий публицист Karl Renner в книжке своей „Marxismus, Krieg und Internationale" [2]), характеризуя прежние буржуазные революции, говорит, что они имели своей задачей—развязывать, освобождать людей и вещные элементы производства от всех традиционных, феодальных, сословных и других оков и предоставить их себе самим. От имени этих революций государство говорило человеку „отныне ты являешься личностью и экономически пользуешься свободой делать что и как тебе угодно; твое высшее основное право заключается в том, что в этой области ты от меня нисколько не

[1]) „Etudes Socialistes".
[2]) Книжка вышла в 1917 г. до нашей октябрьской революции.

зависимъ". Точно также оно обращалось и вещамъ: „Отныне вы ничто иное, какъ товаръ, чѣмъ бы вы ни являлись — земельными участками, плодами, животными, продуктами труда или чѣмъ угодно инымъ,—я не знаю никакого различія между вами, и основной вашъ законъ—находиться въ обращеніи безъ моего содѣйствія. Личности и товары! двигайтесь на основѣ свободныхъ договоровъ: у меня нѣтъ иной задачи кромѣ задачи—обезпечить имѣющимся у меня принудительными средствами исполненіе и осуществленіе всѣхъ договоровъ".

Грядущая революція будетъ имѣть задачу прямо противоположную; не освобождать, а связывать живые и вещные элементы производства—заставлять ихъ двигаться не на основѣ свободныхъ договоровъ, а сообразно съ интересами общественными и въ порядкѣ принудительной государственной регламентаціи.

Въ этомъ направленіи идетъ современное прогрессивное законодательство, которое все болѣе и болѣе проникается тенденціею къ регламентаціи индивидуальнаго договора, въ особенности договора труда, въ смыслѣ сужденія сферы свободнаго соглашенія, и къ примѣненію публично-правовыхъ началъ въ области частно-правовыхъ взаимоотношеній, въ видѣ государственнаго контроля надъ производствомъ и распредѣленіемъ или въ видѣ закономъ установленнаго участія рабочихъ коллективовъ въ производственномъ и хозяйственномъ процессѣ предпріятій. Эта тенденція проходитъ красною нитью чрезъ все законодательство, послѣдовавшее въ Германіи въ послѣреволюціонный періодъ (начиная съ ноября 1918 г.). Она сказывается также и въ новыхъ теченіяхъ соціалистической мысли (англійскій „гильдейскій соціализмъ") и въ новыхъ ученіяхъ о государствѣ и духѣ преобразованія его на основѣ хозяйственныхъ союзовъ.

VI.

Эта новѣйшая тенденція къ коллективизаціи гражданскаго оборота не могла не отразиться на наукѣ гражданскаго права, въ которой намѣчаются новые цивилистическіе доктрины, рѣзко отличающіяся отъ старыхъ традицій, идущихъ еще отъ римскаго права. Традиціонное гражданское право, какъ извѣстно, по самому существу своему, насквозь проникнуто духомъ индивидуализма, такъ какъ оно предполагаетъ автономію субъектовъ правъ, которымъ предоставляются такъ называемые *„субъективные права"*, т. е. предоставляется право дѣйствовать, распоряжаться и устраиваться вполнѣ автономно, исключительно по своей волѣ. Эта гражданская автономія личности, какъ субъекта правъ, встрѣчаетъ въ новѣйшихъ доктринахъ гражданскаго права сильную критику. Высказывается мысль, что идея субъекта правъ несостоятельна. „То, что придаетъ извѣстному имущественному комплексу юридическое единство и что индивидуализируетъ одинъ комплексъ отъ другого—говоритъ нѣмецкій профессоръ G. Schwarz—заключается отнюдь не въ субъектѣ, которому то или иное имущество принадлежитъ, а въ той *юридической цѣли*, которой это имущество служитъ. Имущество, вообще, служитъ не *кому-нибудь*, а *чему-нибудь*, т. е. тѣмъ или инымъ признаннымъ и одобряемымъ правопорядкомъ цѣлямъ. Человѣкъ есть не субъектъ правъ, а лишь *объектъ* правительственной заботы; онъ не автономный авторъ цѣлеполаганія, а лишь управитель имущества, предназначеннаго служить извнѣ положеннымъ цѣлямъ. Поэтому понятіе субъекта правъ должно быть замѣнено понятіемъ „правовой цѣли" (Rechtszweck). [1])

[1]) G. Schwarz. См. Петровскій „Основные проблемы гражд. права", стр. 88.

В том же направлении высказывается французский профессор Leon Duguit. По его мнению, ни общество, ни индивид не имеют прав. Но всякий индивид имеет в обществе известную функцию, которую он должен выполнять. В этом заключается основная сущность нового порядка—„реалистического и социалистического", который должен глубоко изменить все наши понятия, представления и учреждения. Возьмем, напр., понятие *свободы*. Ее в нынешней индивидуалистической системе определяют, как право делать все, что не вредит другим, т. е. прежде всего a fortiori право ничего не делать. Новое понятие свободы иное. Всякий человек должен выполнить некоторую социальную функцию, вследствие чего на нем лежит обязанность прежде всего, насколько возможно, развивать свои физические и духовные силы, необходимые для наилучшего выполнения этой функции. Он не в праве оставаться пассивным и ничего не делать. В случае его бездеятельности, власть может вмешаться, чтобы возложить на него работу (pour lui imposer le travail); тем более она может регламентировать его труд. Точно также она может регламентировать собственность. Собственность, конечно, есть и должна оставаться; она составляет непременное условие процветания и величия обществ, и все коллективистические доктрины представляют собою возврат к варварству. Но собственность не есть право, она также только социальная функция. Собственник, т. е. держатель известного имущества, уже вследствие факта своего обладания, подлежит выполнению известных, связанных с этим обладанием, обязанностей. Поскольку он выполняет эти обязанности, всякий его акт заслуживает охраны; но если он их не выполняет или выполняет дурно, если, напр., он не культивирует своей земли или оставляет свой дом на разрушение, власть в праве вмешаться и принудить его к выполнению социальной функции собственника, которая состоит в употреблении богатств сообразно их назначению. На собственнике лежит обязанность употреблять вещь для удовлетворения не только своих, но и общих потребностей, потребностей нации или других более мелких союзов, и лишь из этой его обязанности вытекает его власть над вещью. „В настоящее время, заключает Дюги, мы пришли к ясному сознанию, что индивид не цель, а средство, что он не что иное, как только колесо в той огромной машине, которою является социальное тело; каждый из нас имеет raison d'être лишь постольку, поскольку он выполняет ту или другую социальную миссию [1]).

Дюги далее высказывается против ортодоксальных юристов, большинство которых, пропитавшись римским правом и будучи склонно видеть в Дигестах и в Кодексе Наполеона последнее слово человеческой мудрости, считает главным основанием всякого цивилизованного общества — право индивида, *субъективное право*, т. е. власть индивида противопоставить свою личность, как таковую, обществу и другим индивидам. Это право индивида кажется им даже как бы кристализованным в неизменную форму, которую придали ему римские юристы и которую принял Кодекс Наполеона,—именно, в форму индивидуальной собственности, являющейся как бы синтезом всех индивидуальных прав. По мнению Дюги, это понятие субъективного права не должно иметь места в позитивной организации современных обществ. Это понятие субъективного права, которое многие принимают за абсолютную истину, было лишь моментом в вечно изменчивой истории учреждений и идей, правда, моментом важным, но не более. Явившись в свое время, оно играло в мире важную роль и имеле за собою громадные заслуги. Но ныне господство его кончилось. „Ныне вырабатывается новое общество, из которого будут одновременно исключены и понятие

[1]) Leon Duguit Les transformations générales du droit privé depuis le Code Napoléon. 1911.

принадлежащего коллективу права признавать индивиду, и понятие принадлежащего индивиду права противоставить свою личность коллективу и другим индивидам" [1]).

Замечательно, что еще отец позитивной философии Огюст Конт раздел это представление о частной собственности. „Во всяком нормальном состоянии человечества,—говорит он,—каждый любой гражданин представляет собою настоящего государственного чиновника, более или менее определенный атрибут которого одновременно устанавливает и обязанности, и права. Этот всеобщий принцип, разумеется, должен простираться вплоть до собственности, в которой позитивисты видят, главным образом, необходимую общественную функцию, предназначенную для образования и управления капиталами, благодаря которым каждое поколение приготовляет результаты труда для последующего поколения. Благоразумно понятая, эта нормальная оценка обязанностей гражданина облагораживает владение собственностью, не ограничивая ее справедливой свободы и даже вызывая еще большее уважение к ней" [2]).

Также еще Сен Симон указывал на общественный характер собственности и на условность ее форм. По его мнению, „закон, учреждающий власти и форму правительства, не настолько важен и не оказывает такого влияния на счастье нации, как закон, устанавливающий право собственности и регулирующий его осуществление". Но при этом должно быть принято во внимание, что право индивидуальной собственности основано на „общей пользе, вытекающей из осуществления этого права, пользе, которая может меняться в зависимости от времени. Изменения в режиме собственности, соответствующие общему прогрессу идей и нравов, вполне понятны, так как если безусловно необходимо для порядка и, следовательно, для самого существования общества, чтобы закон санкционировал известное право собственности, то нет никакой необходимости, чтобы всегда была одна и та же форма этого права" [3]).

Цитированные выше ученые—Schwarz и Duguit—не социалисты, а напротив, представители цивилистической науки,—как раз той науки, которая по самому существу своему наиболее индивидуалистична и, следовательно, наиболее антисоциалистична. Но с точки зрения этих цивилистов не только допускается, но и признается необходимой, в интересах общественного развития, социализация некоторых частно-правовых отношений путем расширения пределов государственного вмешательства и применения принципов коллективизма. Новейшие цивилистические учения (Штаммлер, Зомбарт, Менгер, Покровский) видят в этом только эволюцию правовых идей, естественное развитие правовых исканий, вызываемых цивилистическими проблемами, которые ставит праву усложняющаяся социальная жизнь.

Старое деление права на право публичное и право частное—первое, имеющее в виду интересы государства, как целого, второе, имеющее в виду интересы индивида, как такового (определение знаменитого римского юриста Ульпиана: publicum jus est quod ad statum rei Romanae spectat, privatum quod ad singulorum utilitatem), —в настоящее время, с усложнением социальной жизни и с расширением государственных задач, потеряло свое значение. Во многих случаях частные взаимоотношения и охрана частных интересов получают общегосударственное значение и публичный характер, и поэтому не могут быть всецело предоставлены инициативе и свободному волеизъявлению частных лиц, но могут подлежать системе юридической децентра-

---

*) Там же.
[2]) „Systeme de politique positive".
[3]) „Doctrine de S. Simon".

лизации, а должны войти в область принудительной регламентации со стороны государственной власти, подлежать системе юридической централизации.

Такое расширение пределов публичного права не представляет собою ничего особенного, являясь естественным фазисом в ходе исторического процесса. Как известно, в древнее время уголовные преступления составляли область не публичного, а частного права: разделываться с вором, разбойником и убийцей государство предоставляло самому потерпевшему. Но с течением времени такой порядок был признан неудобным и не соответствующим интересам общественной безопасности,—и государство нашло нужным централизовать в своих руках систему уголовно-карательной политики, отнеся частные уголовные правонарушения к области публичного права. И в настоящее время обнаружившиеся недочеты и неудобства существующей крайней децентрализации частно-правовых отношений могут заставить государство, в интересах общественных, включить в сферу своего ведения явления частного права, напр., некоторые отношения хозяйственной жизни страны, отношения между трудом и капиталом, ограничения права собственности, рабочее законодательство и т. д.

В этом заключается прямая функция права, которое, по словам Штамлера, представляет в человеческой общественной жизни управляющую, регулирующую, обусловливающую „*форму*“, а социальное хозяйство есть управляемая, обусловленная правом „*материя*“. Поэтому, по мнению Штамлера, „Политическая экономия в качестве особой социальной науки представляет не что иное и не может представлять ничего иного, как изучение определенных систем права со стороны их фактического осуществления“. „Исторические хозяйственные строи могут быть охарактеризованы, как компромиссы между централизованным и децентрализованным строем, как смешанные формы различного содержания, смотря по размеру сферы господства того или другого строя“ [1]).

Таким образом, социалистический строй, огосударствляющий орудия производства и централизующий в руках государства все хозяйственные производственные отношения, не представляет, собственно говоря, ничего невозможного с точки зрения эволюции права и является вполне нормальным правовым явлением организации известных частных отношений по принудительным началам публичного права. Юридическая сущность социализма именно заключается в замене частно-правового характера имущественных отношений характером публично правовым, т.-е. в замене порядка, построенного на началах личной инициативы и полной свободы индивида в распоряжении производственными силами, на начале индивидуальной собственности,—другим порядком, основанным на государственной организации производственных отношений, с обобществлением элементов частной собственности и имущественного оборота и с применением принципа коллективизма в области экономики.

Таким образом, в эволюционной цепи государственных идей социальная проблема, которая социалистами выводится из чисто экономических категорий отношений, сближается и сталкивается с другой проблемой—чисто правовой, над разрешением которой работал XIX век,—проблемой соотношения между государством и личностью, которая издавна, с тех пор как существует государство, занимала умы философов и государствоведов и всегда останется трудно разрешимой задачей. [2])

---

[1]) „Wirtschaft und Recht“. В русском переводе—«Хозяйство и Право», 1907.

[2]) А. Менгер считает, что социализм получит практическое значение „только тогда, когда социалистические идеи выйдут из круга экономических и филантропических исследований, составляющих главное содержание социалистической литературы, а превратятся в трезвые правовые понятия“. («Право на полный продукт труда»).

Социализм, рассматриваемый не с точки зрения исторического материализма, как категория экономических явлений, а с точки зрения юридической, как категория правовых идей, имеет то же культурно-прогрессивное значение, какое имела в конце 18 в. идея естественного права. Как тогда несправедливость феодального строя, закрепленная действовавшим положительным правом, вызвала в прогрессивных умах протест во имя требований права, истекающего из вечной справедливости, из абсолютного разума, из требований *естественного* права, и как тогда господствовала вера, что стоит „уничтожить старые законы и написать новые законы“ (завет Вольтера), и на земле, вместо угнетения, деспотизма, зла и неравенства между людьми, установится царство свободы, равенства и братства,—так и теперь социалистическая мысль питается уверенностью, что с уничтожением законов, охраняющих капиталистический строй, водворится истинная свобода и фактическое равенство. Правда, ортодоксальные марксисты основывают эту уверенность не на идеалистических предпосылках, а на материалистических учетах законов развития производственных сил и отношений, но всякому ясно, что внутренней движущей пружиной социалистического движения является неистребимо живущая в человечестве идея справедливости, без которой социализм не получил бы никакой силы массового движения и общественного явления, несмотря на всю стройность материалистического построения и логическую непререкаемость, вытекающих из него положений, а оставался бы предметом академического изучения в профессорских курсах. Социалистическая доктрина, несмотря на строго реалистическую марксистскую концепцию свою, есть, несомненно, в своей основе чисто идеалистическое построение, есть, в известной степени, проявление социального романтизма. И именно благодаря этому элементу социалистическое движение привлекает на свою сторону все более широкие круги населения,—подобно тому, как философско-просветительное движение конца 18 в. сделалось властительницей дум и чувств в широких кругах Франции и далеко за пределами ее и распространило свое влияние даже в среду представителей старого феодального мира.

И. Канторович

Имущественный наем.

(По проекту Положения об обязательствах, возникающих из договоров,—в связи с постановлениями о *трудовой аренде земли*, ст. ст. 19—28 декрета В. Ц. И. К. 22 мая 1922 г. о трудовом землепользовании). *)

Договору имущественного найма посвящены в проекте „Положения об обязательствах, возникающих из договоров", статьи 21—36 (во 2-ой ред.; соответствующие им ст. ст. 24—41—1-ой ред.). Как явствует из ст. 36 проекта, действие этого раздела „Положения" имеется в виду распространить на наем движимостей, кроме сельско-хозяйственного инвентаря и скота, а также на наем строений. **) Договоры найма земельных участков, сельскохозяйственного инвентаря и скота выделены проектом, как специальные институты, для которых будет иметь силу особое положение. В настоящее время относительно найма сельскохозяйственного инвентаря и скота каких либо особых норм пока еще не опубликовано (и—сколько известно—даже не спроектировано); относительно сельскохозяйственных земельных участков получил уже нормировку договор аренды (в разделе III-ем принятого в последней сессии В.Ц.И.К. декрета о трудовом землепользовании); наконец, договор найма городских земель остается в неопределенном положении. Дело в том, что в силу приведенной статьи 36-ой проектадействие общего „Положения" не может распространяться на наем каких-бы то ни было земель вообще (это особенно ясно при сопоставлении ст. 36 со ст. 41 первоначального проекта: в то время как первоначальная редакция исключала из действия Кодекса только земельные участки для сельско-хозяйственного пользования, последняя редакция говорит уже о найме земельных участков вообще *); с другой стороны, раздел III декрета о трудовом землепользовании, бесспорно, имеет применение только к сельско-хозяйственным землям. В настоящей статье имеется в виду рассмотреть раздел проекта „Положения", посвященный имущественному найму, в связи с декретом о трудовом землепользовании, предусматривающим, как уже указано выше, между прочим, трудовую аренду земли. Такое сопоставление любопытно в

*) Напечатано в „Бедноте", № 1226, 25 мая 1922 г. (также отдельно, под ред. И. Месяцева).

**) Квалификация строений, как вещей движимых или недвижимых, представляется, при отсутствии у собственника строения права собственности на землю, спорной; ср. Кассо. Здания на чужой земле. М. 1905, в особенности стр. 44 и сл.

*) Об аренде городских земельных участков упоминает Постан. В. Ц. И. К. об основных частных имущественных правах (Изв. В. Ц. И. К. № 134, 18 июня 1922 г.), но лишь в декларативной форме.

том отношении, что оно ясно обнаруживает различие принципов, заложенных в основу ст. ст. 21—36 проекта Положения об обязательствах, с одной стороны, и ст. ст. 19—28 декрета В. Ц. И. К. о трудовом землепользовании, с другой.

В самом деле, достаточно сравнить ст. 21 проекта „Положения" со ст. 19-ою декрета о трудовом землепользовании, и сразу бросается в глаза существенная разница в принципиальном отношении закона к тому и другому договору. Имущественный наем вообще ставится, как договор т. наз. нормального порядка, допустимый в любом случае, когда контрагенты достигают соответствующего соглашения, при условии лишь соблюдения общих предположений действительности договоров.

На аренду земли закон принципиально смотрит иначе. Отменив частную собственность на землю и признав за гражданами только право пользования землей по определенной норме (при исчислении которой принимается в расчет, между прочим, возможность обработки земли без применения наемного труда), закон, проводя дальше тот же трудовой принцип, не мыслит арендного отношения в качестве нормальной формы пользования.

Передача предоставленного определенному лицу земельного участка в пользование другому по договору аренды остается и после новейшего декрета о трудовом землепользовании принципиально недопустимой и лишь в особо уважительных случаях, при особо неблагоприятном стечении обстоятельств, допускается исключение: эти случаи обозначаются как „временное ослабление трудовых хозяйств" (от каких бы то ни было причин: вследствие ли стихийных бедствий, в роде неурожая, пожара, падежа скота и т. п., или от недостатка либо убыли рабочей силы, вследствие смерти, мобилизации и т. д.), (ст. 19 декр. о труд. землеп.). Но и то „сдача в аренду не разрешается, если сдающий землю двор полностью прекращает ведение самостоятельного хозяйства вследствие окончательного [1]) переселения или перехода к другим занятиям" (ст. 25 декр. о труд. земл.). Возможность заключения договора аренды земли ограничена не с этой только стороны. Тот же трудовой принцип приводит к ограничениям и на стороне арендатора: аренда допускается исключительно трудовая, и потому, если арендатор силами своего хозяйства не может обработать того количества земли, какое у него оказалось бы в случае аренды, договор не может получить силы (ст. 22 декр. о труд. землеп.). Такое принципиальное отношение декрета к договору аренды земли не могло остаться без следа и на детальной нормировке отношения; эту принципиальную позицию необходимо будет иметь в виду при рассмотрении вопросов о сроке аренды, о субаренде и др.

Подходя таким образом к договорам имущественного найма и аренды земли по существу с разных точек зрения, закон вместе с тем не связывает, видимо, с самым различием найма и аренды определенного значения и, во всяком случае, столь же мало отличается точностью терминологии, как и старое, дореволюционное русское право. Договоры о возмездном пользовании чужим имуществом были распространены в русском юридическом быту под различными наименованиями: найма имущества, аренды, проката; дореволюционный закон употреблял еще выражение „отдача в содержание". Все эти термины не имели точного значения и употреблялись один вместо другого.

---

[1]) В выработанном Наркоземом „Своде законов РСФСР о трудовом землепользовании" употреблен более точный термин „состоявшегося" (ст. 37).

Обиходное словоупотребление установило лишь одно разграничение: именно, термин „прокат“ никогда не употреблялся применительно к пользованию недвижимым имуществом; он приурочен был специально к договорам о возмездном пользовании движимыми вещами. Но термины „наем имущества“ и „аренда“ вкоренились в юридический язык на равных правах: в одном и том же договоре нередко употреблялись термины и „наем“ и „аренда“. В западном праве договор имущественного найма дифференцируется в разных странах в неодинаковом разрезе. Так, французское право различает louage и bail, в зависимости от того, какие вещи—движимые или недвижимые—составляют предмет договора; договоры второго рода различаются, в свою очередь, как baux à loyer и baux à ferme, в зависимости от того, городская или сельская недвижимость предоставляется в пользование (впрочем, первый термин применяется и к найму движимостей, Code civ. 1171). Германское и швейцарское законодательства проводят явственную грань между Miethe, наймом, и Pacht, арендой. Основным признаком этого различия считают там ту черту договора аренды, что арендатор получает право не только пользования самой вещью, но и потребления плодов, получаемых по правилам рационального хозяйства; напротив, договору найма имущества последний признак чужд: наниматель в праве только пользоваться вещью, но не плодами ее (Герм. Гражд. Улож. 535 и 581, ч. 1; Ш. О. З. 253 и 275) [1]). В рассматриваемых законодательных актах советской власти термины „наем“ и „аренда“ употребляются так, что не представляется возможным подметить точный признак различия между ними. В частности, германское различие Miethe и Pacht у нас определенно не признается: в ст. 21 проекта „Положения“ право нанимателя имущества определяется, как „временное пользование и извлечение доходов“; но в том же самом, в конце концов, заключается и право арендатора; в ст. 36 того же проекта к специальному законодательству относятся правила о найме земельных участков, а в специальном (земельном) законе говорится об аренде земли; даже в самом разделе проекта „имущественный наем“ ст. 33 содержит термин „арендная плата“. Если отмеченное смешение найма и аренды для русского юриста не имеет, как уже указано, прелести новизны, то такой новизной отличается другая особенность терминологии рассматриваемых постановлений. Именно, раздел III декрета о трудовом землепользовании, озаглавленный „О трудовой аренде земли“ имеет еще подзаголовок: „Временная переуступка прав на землепользование“. Таким образом, аренда понимается, как переуступка на время арендодателем своего права на пользование землею арендатору. С чисто юридической точки зрения этот подзаголовок нельзя признать удачным. Характеристика аренды, как переуступка на время права на пользование имуществом, предполагает как будто, что под пользованием имуществом разумеется непременно непосредственная эксплоатация его, непосредственное отношение к вещи. Между тем, такое ограничительное толкование термина „пользование“ ничем не вызывается: сдача в наем, в аренду, сама по себе есть одна из форм пользования (et qui locat utitur, Ulp. l. 12 § 2 D. 7. 1); таким образом, арендатор оказывается непосредственно стоящим у вещи, он непосредственно ею пользуется, а арендодатель пользуется косвенно, извлекая доход в виде вознаграждения за пользование, уплачиваемого арендатором.

1) Miethe и Pacht различаются, кроме того, по предмету: в первом случае предметом договора может служить только вещь, во втором — также и право (напр., право охоты, рыбной ловли и т. п.).

После этих предварительных замечаний можно обратиться непосредственно к содержанию интересующих нас постановлений об имущественном найме и трудовой аренде. Понятие имущественного найма определено в ст. 21 проекта Положения так: „По договору имущественного найма одна сторона (наймодатель) предоставляет другой (нанимателю) имущество за определенное вознаграждение для временного пользования и извлечения доходов". Относительно первого существенного элемента договора—предмета найма—проект дает еще рассмотренную выше оговорку (ст. 36), что на наем земли, сельскохозяйственного инвентаря и скота общие нормы об имущественном найме не распространяются. С другой стороны, широкая формулировка приведенной ст. 21 сама по себе позволяла бы признать, что предметом найма могут быть и такие части имущества, как, напр., патентное право, и в особенности различные угодья (право рыбной ловли, право охоты и пр.). При отмеченном выше смешении терминов „наем" и „аренда", можно в подтверждение справедливости этого вывода привести некоторые случайные указания в законодательстве; напр., декрет Совнаркома 31 мая 1921 г. (Собр. Уз. 1921 г. № 50, ст. 265) о рыбной промышленности и рыболовстве в ст. 4 регламентирует сдачу в аренду права эксплоатации рыбных промыслов; ср. вообще декреты и инструкции об аренде государственных предприятий. Однако широкое применение такого вывода встречает препятствия в специальном земельном законодательстве: взгляд на аренду земли, как на явление исключительное и принципиально нежелательное, распространяется и на такого рода угодья, которые сводятся к пользованию землей, ее недрами, и т. п. Поэтому очерченный в начале статьи круг предметов найма, хотя и не является безусловно точным, соответствует, в общем, действительности момента.

Второй существенный элемент договоров найма и аренды—вознаграждение за пользование. Ст. 29 проекта Положения предусматривает вознаграждение в виде определенных срочных платежей деньгами или натурой, в виде отчисления условленной доли продуктов, предметов выработки и денежного дохода, в форме выполнения нанимателем условленных по договору услуг, наконец, в виде сочетания всех или некоторых из перечисленных форм оплаты (напр., наниматель платит некоторую денежную сумму и, сверх того, оказывает определенные личные услуги). В декрете о трудовом землепользовании арендная плата определяется также широко: „деньгами, продуктами или другими видами вознаграждения". Такая постановка вопроса вообще—то не представляет из себя особого новшества: и в теории и в практике, как нашей, так и западной, не предполагается непременно денежная форма вознаграждения, напротив, наемная плата определяется самыми разнообразными способами. Но некоторые частности возбуждают сомнения. Так, существует взгляд, что, если вознаграждение за пользование имуществом состоит исключительно, или хотя бы главным образом, в личных услугах, то договор не может рассматриваться, как наем имущества или аренда [1]). Этому воззрению нельзя отказать в основательности: не все нормы об имущественном найме гармонируют с таким договором, где пользующийся имуществом расплачивается личными услугами. Например. Заключен договор найма на срок 12 лет; между тем закон во многих европейских государствах по социальным соображениям не позволяет обязываться к личным услугам на

[1]) Dernburg. Das bürgerliche Recht, II. 2, § 215. Ср. Crome, System des deutschen bürgerl. Rechts, II. 1, s. 534 (изд. 1902).

срок более 5 лет; как быть, если наемная плата выражается как раз в личных услугах? Другой пример: договор найма на неопределенный срок прекращается после предупреждения за известный срок; между тем, срок предупреждения об отказе от личных услуг в большинстве законодательств иной (так это будет и у нас в случае превращения проекта в закон): какими же правилами руководствоваться, если наемная плата выражена в личных услугах? Выход из положения, думается, только один: договоры о возмездном пользовании чужим имуществом, по которым в виде вознаграждения выговариваются исключительно или главным образом личные услуги, должны рассматриваться не в качестве имущественного найма, а как смешанные договоры, и из такой конструкции должны быть сделаны все соответствующие выводы.—Необходимо далее, в связи с определением наемной или арендной платы обратить внимание еще на одну разновидность обсуждаемого договора. В старой русской практике (равно как и в практике некоторых других европейских государств, особенно Франции, Италии) большим распространением пользовались такие арендные договоры, по которым арендатор обязывался выплачивать арендодателю определенную долю тех произведений, для добывания которых земля снята; напр., аренда из-полу, когда арендатор обязуется вносить в качестве арендной платы половину урожая, „аренда на третьяка", когда в качестве арендной платы отчисляется каждый третий сноп и т. д. Спрашивается: допустима ли будет теперь, при действии норм о трудовой аренде земли испольная и вообще долевая аренда?

В земельной практике, может обнаружиться тенденция толковать приведенную оговорку ст. 19 декрета ограничительно и испольной аренды не допускать, как противоречащей современному строю земельных отношений. Следует однако признать, что такое толкование не соответствовало бы совершенно ясному тексту закона. Если испольная аренда считается с политико-правовой точки зрения недопустимой, тогда необходимо в статье о формах вознаграждения употребить менее широкие выражения; а пока остается приведенная выше формулировка, аренда из-полу должна считаться закономерной. Да и с политико-правовой точки зрения нет серьезных оснований ставить специальные преграды для этого вида аренды: эксплоатация одной стороной другой пресекается общим постановлением 2-ой части 3-ьей статьи [1]) проекта Положения об обязательствах, так что какими-либо социальными опасностями допущение долевой аренды угрожать не может.

Нет в рассматриваемых законодательных актах упоминания еще об одной разновидности нашего договора, именно, об аренде из выстройки, при котором вознаграждением за пользование землей является предоставление арендодателю права собственности на постройки, возводимые арендатором. В виду принципиального признания, по крайней мере для городских земель, вещного права застройки, должно быть признано допустимым и указанное обязательственное отношение.

Старый русский закон. в качестве третьего существенного элемента найма имущества, называл еще срок пользования. [2]) Составив-

---

[1]) „В тех случаях когда одна из сторон воспользовалась крайней нуждой другой стороны в целях чрезмерной ее эксплоатации по договору, суд, по требованию потерпевшей стороны, может либо признать договор недействительным, либо прекратить его действие на будущее время".

[2]) X, ч. 1, ст. 1691: При найме или отдаче в содержание частных имуществ, должно определить предмет найма или содержания, срок и цену оного.

ким проекта пошли в данном случае по более правильному пути (проторенному западными кодексами) и ограничились глухим указанием, что вещь предоставляется для временного пользования. Нет сомнений, что срок пользования не является в договоре имущественного найма таким же essentiale, как предмет или вознаграждение; отсутствие данных в договоре для определения срока пользования отнюдь не равносильно недействительности договора, а приводит только к тому, что любая из договаривающихся сторон может во всякое время (с соблюдением лишь срока на предупреждение) отказаться от такого договора. Однако, с другой стороны, срок пользования не отдается всецело на усмотрение сторон, если они желают включить на этот счет специальную оговорку: гражданский закон не терпит договора имущественного найма, имеющего целью создать, если не вечное, то во всяком случае весьма продолжительное право пользования со стороны нанимателя снятым имуществом, потому что этим создается крайняя неопределенность положения; наниматель фактически становится как бы собственником, но и без устранения последнего. Положительная сторона дела, т. е. определение максимального срока найма или аренды, представляет большой практический интерес и связана с серьезными трудностями; ограничивая предельный срок найма, закон может при недостаточно осторожном решении вопроса создать вредное с социально-экономической точки зрения положение: недопущение найма (особенно строений и т. п.) на достаточно продолжительный срок лишит нанимателя уверенности в том, что он успеет за время договора использовать делаемые им затраты на снятое имущество, а это означает, что наниматель и не будет таких затрат делать, вследствие чего народное хозяйство будет страдать. Проект „Положения" (ст. 23) определяет максимальный срок имущественного найма в 12 лет, с правом возобновления (по ст. 27 первоначального проекта он определялся вообще в 6 лет, и лишь в тех случаях, когда наниматель обязан по договору произвести своими средствами капитальный ремонт или дорого стоящие улучшения либо оборудование, срок мог быть удлинен до 12 лет); для трудовой аренды земли (по ст. ст. 20—21 декр. о трудов. землепольз.) наибольшим сроком по общему правилу является время, необходимое для проведения одного севооборота, а при отсутствии правильного севооборота 3 года, и только в исключительных случаях срок аренды может быть удвоен. Норму о сроке трудовой аренды приходится расценивать, разумеется, в связи с основной идеей, на которой этот договор построен: как уже отмечено выше, арендный договор в сфере земельных отношений не рассматривается в качестве нормального отношения, договора обычного типа, заключаемого тогда, когда этого пожелают данные контрагенты; нет, аренда земли есть своего рода льгота, предоставляемая временно ослабленным по той или иной причине хозяйствам; это—отношение, которое в силу необходимости терпят, но нормальным не считают; отсюда и предельный срок аренды определен весьма ограничительно. Впрочем, и при такой ограничительной точке зрения на аренду земли, установленный новым декретом предельный срок аренды не является совершенно бесспорным. IX Съезд Советов, давая поручение ВЦИК об урегулировании трудовой аренды, предлагал исходить „исключительно из удовлетворения необходимых бытовых потребностей трудового крестьянского хозяйства, исключить всякую возможность закабаления одного хозяина другим и не допустить никаких отступлений от незыблемой основы земельного законодательства рабоче-крестьянской республики—государственной собствен-

ности на землю". Остается открытым вопрос, насколько эти задания делали необходимым такое крайнее сокращение допустимого срока аренды, как проведенное в ст. ст. 20—21 декрета. Что касается нормального случая найма имущества, в особенности, найма строений, то старая русская практика признала 12-летний максимум недостаточным. Тут нужно припомнить, что именно этот срок считался в русском праве предельным вплоть до 1911 года (т. X, ч. 1, изд. 1900, ст. 1692); однако вследствие обнаружившихся в практике серьезных неудобств и невыгод, связанных с этой нормой, начался такой жизненный напор на цитированное постановление, что оно его не выдержало: в 1911 году была издана новелла, в которой срок найма был увеличен до 36 лет. Что же заставляет теперь вернуться опять назад? Быть может, учитывается перемена в строе социальных отношений: в дореволюционном праве арендатор или наниматель противостоял частному собственнику, а теперь (в отношении большинства строений) ему приходится иметь дело с государственной организацией, в городах в лице коммунального хозяйства. Однако есть другая сторона в этом деле: если принять во внимание то печальное состояние, в котором находятся городские строения, колоссальные размеры затрат, необходимых для приведения их мало-мальски в порядок и для дальнейшего поддержания, то станет ясно, что и теперь возвращаться к 12-летнему максимальному сроку найма нецелесообразно. Не устраняет этого вывода и то обстоятельство, что для предоставления земли под застройку на продолжительный срок, а также и для долгосрочного пользования уже возведенными строениями, есть еще другое юридическое средство—в форме права застройки: ни в одной стране введение вещноправового института застройки не умаляло практической ценности и обязательственного отношения найма или аренды.

В дополнение к изложенному о существенных пунктах договора найма, нужно коснуться еще двух особенностей ст. 21 проекта „Положения". В первоначальном проекте (ст. 24) определялось, что имущество предоставляется для временного пользования или извлечения доходов; ст. 21-ой последней редакции „или" превращено в „и". Такую поправку нельзя признать удачной, даже помимо отмеченного выше смешения найма и аренды: первая формулировка шире и лучше охватывает пестроту жизненных случаев. Другая особенность ст. 21 заключается в выражении: наймодатель предоставляет нанимателю имущество; западные кодексы (Герм. Ул., 535; Шв. Об. Зак., 253) выражаются иначе, именно, что наймодатель обязывается предоставить имущество. Так как природа договора найма не требует ставить его, как договор реальный, и такой постановки ни одно положительное законодательство этому договору и не дает, то формулировку названных западных кодексов следует признать предпочтительной. В чем же состоит „предоставление вещи", лежащее на обязанности наймодателя? Западные кодексы постановляют, что наймодатель обязан предоставить нанимателю нанятую вещь в состоянии, соответствующей договору и назначению вещи и поддерживать ее в таком состоянии за все время найма (Герм. Ул. 536, Шв. Об. Зак. 254); т. е. обязанность предоставления не исчерпывается однократным предоставлением; на наймодателе в течение всего срока найма лежит обязанность периодических действий, вытекающих из понятия предоставления вещи [1]). В проекте Положения отношение ставится несколько иначе: ст. 25 проекта опре-

1) Составители герм. улож. для обозначения этой черты в содержании обязанности наймодателя употребляют выражение „gewähren", см. Motive, 2,369.

делает лишь, что наймодатель обязан своевременно предоставить нанимателю имущество в состоянии, соответствующем договору и назначению сдаваемого имущества, а затем в следующих, 26 и 28 статьях добавляется, что на обязанности наймодателя (при отсутствии иных указаний в законе или договоре) лежит производство капитального ремонта, текущий же ремонт производится нанимателем за собственный счет. Если принять во внимание, что обсуждаемые нормы носят характер не повелительных, а только диспозитивных, что договорным соглашением можно построить отношение и на иных началах, что, наконец, практика всегда имела тенденцию как раз к тому распределению тяготы по поддержанию отдаваемого в наем имущества, какое проектируется в „Положении", то придется признать разницу между постановкой вопроса в русском проекте и западных кодексах не имеющей особого практического значения. Но с принципиальной точки зрения это различие любопытно в том отношении, что в диспозитивной норме, имеющей получить силу при отсутствии специального указания в договоре, русский проект внимательнее относится к интересам более сильной стороны—наймодателя, определенно слагая с него всякую обязанность производить текущий ремонт; для сравнения сошлемся на ст. 263, ч. 2, Шв. Об. Зак., которая относит к обязанности нанимателя не весь вообще текущий ремонт, а „мелкие, необходимые для обычного пользования нанятой вещью, поправки", оставляя весь более значительный ремонт (die grösseren Wiederherstellungen) на обязанности наймодателя. Кстати, в договорах, заключаемых Московским Коммунальным Хозяйством с Жилищными Товариществами, эта особенность нормировки выражена особенно ярко: на Жилищные Товарищества возлагается обязанность нести весь ремонт вообще; пока Товарищества расплачивались с М. К. Х. в форме предоставления Жилищному Отделу 10 процентов жилой площади, это ничего особенного не представляло; но если осуществится мера, о которой так настойчиво говорят за последнее время, именно, отчисление некоторого (довольно высокого) процента получаемой Правлением Товарищества квартирной платы, оставление всего ремонта на обязанности нанимателей отразится на беднейшем населении слишком тяжело: квартирная плата будет превышать установленный соответствующими декретами максимум не в исключительных только случаях, как в настоящее время, а регулярно, из месяца в месяц.

Последствия неисполнения наймодателем лежащей на нем основной обязанности определяются в проекте значительно проще, чем в западных кодексах. Особенно сложны постановления на этот счет германского уложения: в зависимости от наличности тех или иных условий, в распоряжении нанимателя имеются различные средства. В основных чертах нормировка герм. улож. сводится к следующему. Наниматель в праве прежде всего требовать от наймодателя устранения обнаружившихся дефектов вещи, а если тот своевременно не устранит, сделать это своими средствами с возложением на наймодателя возмещения потребовавшегося расхода. За то время, пока происходит устранение оказавшегося в вещи дефекта, наниматель, не имея возможности сполна или отчасти использовать вещь, освобождается (сполна или в соответственной части) и от своей обязанности платить наемную плату. В иных случаях германское право предоставляет нанимателю иначе направить дело, а именно поставить вопрос на почву неисполнения договора и требовать то возмещения проистекающего отсюда ущерба, то—прекращения договора без соблюдения срока на предупреждение. Последнее, наиболее сильное, средство

признается за нанимателем лишь при наличности особых предположений: 1) значительность препятствия для пользования или вообще серьезный интерес нанимателя подсказывает ему именно этот выход (напр., неисправность отопления в квартире, снятой для больного; 2) предполагается безрезультатное предложение наймодателю устранить препятствие в течение соразмерного срока (впрочем, это второе предположение не требуется, если в сделку включена оговорка, что предоставление должно быть исполнено к точно определенному сроку, или если непредоставление вещи во время в годном для пользования состоянии устраняет для нанимателя всякий практический интерес в договоре; Г. У. 537, 538, 545). Проще нормировка этого вопроса в швейцарском праве: если вещь предоставлена нанимателю в таком состоянии, что пользование сообразно договору невозможно либо в значительной мере обесценивается, наниматель в праве или отступиться от договора или требовать соразмерного уменьшения наемной платы (подобно тому как при обнаружении недостатков в проданной вещи покупатель в праве требовать или расторжения договора или понижения покупной цены). Если вещь предоставлена наймодателем в исправном состоянии, но затем в течение срока договора пришла в такое состояние, что сообразное договору пользование становится невозможным (или в значительной мере утрачивает ценность), при чем наниматель не ответствен за наступившее изменение, то нанимателю предоставляется требовать соответственного уменьшения наемной платы, а затем, если дефект не будет устранен в течение соразмерного срока,—и вовсе отступиться от договора (Ш. О. З. 254, 255). Как же поставлен этот вопрос в рассматриваемых законодательных актах? Декрет о трудовом землепользовании, повидимому, вообще не мыслит случаев неисполнения своих договорных обязанностей арендодателем и нормирует лишь несоблюдение договора арендатором; это—бесспорно пробел в законе. Проект „Положения об обязательствах" предусматривает случаи неисполнения арендодателем своей обязанности, при чем в ст. 33 предоставляет нанимателю право досрочного расторжения договора, если наймодатель не предоставляет в пользование нанимателя условленного имущества или если оно не по вине нанимателя окажется в негодном для условленного пользования состоянии. Прямо только это крайнее средство и предусмотрено в проекте; но косвенно сюда же относится ст. 30: „Наниматель в праве требовать льготного изменения условий договора, если помимо его вины возможность предусмотренного договором пользования имуществом существенно уменьшилась". Частным случаем уменьшения возможности пользования является и обнаружение в нанятой вещи дефектов, за которые должен нести ответственность наймодатель. Тем не менее, к числу недостатков проекта нужно отнести отсутствие в нем прямой нормы, предусматривающей такие случаи неисполнения наймодателем лежащей на нем обязанности, когда нанимателю должно быть предоставлено право, не расторгая договора, требовать или возмещения ущерба или уменьшения наемной платы. Кстати, отступление от обычных выражений, употребляемых в подобного рода статьях, и включение общей категории „льготного изменения условий договора" также едва ли удачно, в виду неопределительности этого последнего выражения.

Относительно постановлений проекта об обязанностях нанимателя многое уже изложено выше (в связи с вопросом о наемной плате и о несении расходов на ремонт). К этому необходимо добавить еще несколько замечаний. Как уже указано, проект распределяет (при от-

отсутствии специальных оговорок в законе или договоре) обязанность производства ремонта таким образом, что капитальный ремонт ложится на наймодателя, текущий—на нанимателя. Проект не затрагивает однако другой стороны дела: может случиться так, что вопрос будет не в том, кому нести расход на необходимые исправления; наймодатель не отказывается от несения этого расхода, но наниматель возражает против самого производства работ в виду того, что это связано с прекращением на известный срок возможности пользования имуществом; напр., ремонт квартиры связан с выездом из нее, а выехать некуда. В современных условиях такие случаи едва ли могут считаться фантастическими, и оставлять их без нормировки нежелательно. В конце концов, в жизни пришлось бы, вероятно, привлекать сюда пункт „в" ст. 33, по которому умышленное ухудшение нанимателем состояния имущества служит поводом для досрочного расторжения имущества служит поводом для досрочного расторжения имущества; но, конечно, это—выход искусственный, так как подведение указанного случай под действие ст. 33 представляется насильственным. В остальном обязанности нанимателя определяются в проекте, в общем, удовлетворительно по существу, но редакции постановлений вызывает возражения. Именно, по ст. 27 „наниматель в праве пользоваться нанятым имуществом без его существенного изменения и при том в соответствии с договором, а также свойством и назначением имущества". Эта статья вызывает два главных возражения. Во-первых, ясно, что мысль статьи заключается в том, что нанимателю не предоставляется такое пользование вещью, которое влечет за собой существенное изменение ее и пр; но тогда так и надо сказать (хотя бы в такой технической форме, которой пользуется Герм. Улож. 550: если наниматель пользуется вещью так-то и так-то, то наймодателю предоставляется право на то-то и то-то). Второе редакционное замечание сводится к следующему: в жизни бывают случаи, когда по договору определяются такие формы пользования вещами, которые вовсе не соответствуют их свойствам и хозяйственному назначению; между тем ст. 27 требует от нанимателя, чтобы он пользовался вещью „в соответствии с договором, а также свойством и назначением имущества": очевидно, „а также" следует заменить чем-нибудь в роде „а при отсутствии указаний в договоре". По окончании срока договора наниматель обязан по ст. 34 проекта „сдать имущество со всеми принадлежностями в исправном состоянии", а „в случае последовавшего ухудшения или обесценения нанятого имущества по вине нанимателя, он должен возместить наймодателю происшедшие от него убытки" (ст. 35). По существу эти постановления бесспорны, но в редакционном отношении последняя фраза (происшедшие от него убытки) шероховата. Относительно произведенных нанимателем улучшений имущества та же ст. 35 не проводит различия между категориями издержек по степени их важности, а обращает внимание лишь на один момент: наличность или отсутствие согласия наймодателя; в первом случае за нанимателем признается безоговорочно право на соответственное вознаграждение от наймодателя, во втором—наниматель получает вознаграждение лишь по желанию наймодателя, если же наймодатель не желает вознаграждать, за нанимателем остается только ius tollendi, т. е., право взять улучшения назад, поскольку это можно сделать без вреда для имущества.

Нельзя отрицать простоты такого постановления, да и в хозяйственной его целесообразности едва ли можно сомневаться: правда, зависимость получения вознаграждения за сделанные улучшения от

воли наймодателя, как бы неизбежны по характеру дела эти затраты ни были, способна затормозить инициативу нанимателя; однако обременять наймодателя вопреки его желанию мероприятиями нанимателя было бы несправедливо, поскольку отношение находится под действием частноправовых норм, предоставляющих суб'екту права достаточно свободное, неточно выражаясь—автономное, положение. Любопытна постановка такого же вопроса в декрете о трудовом землепользовании: по ст. 28 „по окончании срока аренды земельный участок возвращается сдатчику со всеми улучшениями, произведенными с'емщиком и неотделимыми от земли без ущерба для хозяйственной годности участка, при чем взаимные расчеты по аренде, в том числе и за неиспользование с'емщиком улучшения, производятся на основании договора или дополнительных договорных соглашений". Не будет, думается, преувеличения, если сказать, что вопрос о вознаграждении арендатора за произведенные улучшения в декрете о трудовом землепользовании не урегулирован: при наличности соглашения (первоначального или последующего) между контрагентами, надобности в диспозитивной норме нет; а на случай, если соглашение не достигнуто, декрет выхода не дает.

Принципиальное различие наблюдается между обоими рассматриваемыми законодательными актами по вопросу о поднайме. Основная мысль, проведенная в декрете относительно трудовой аренды земли, привела в качестве логического последствия к воспрещению субаренды вообще: ст. 26 декрета не ставит вопроса о том, имеется ли в виду перенаем, когда первоначальный контрагент выходит из отношения и ставит на свое место другое лицо, или поднаем, при котором он остается ответственным перед наймодателем; не интересуется даже тем, согласен ли на субаренду арендодатель; названная статья выставляет общее и достаточно категорическое положение, что с'емщик не в праве передавать от себя землю другим лицам. Проект „Положения об обязательствах" остается на почве старой русской практики и допускает поднаем, поскольку тому не препятствует противоположная оговорка в договоре. Как известно, этот вопрос решается далеко не всеми законодательствами одинаково. В данном случае с точки зрения законодательной политики приходится иметь дело с двумя противоположными соображениями. С одной стороны, неправильно было бы утверждение, что для наймодавца безразлично, будет ли пользоваться имуществом наниматель, или новое лицо, с которым последний договорится от себя; это не безразлично для наймодателя, несмотря на признание нанимателя ответственным перед ним: для наймодателя самое важное—предупредить гибель или порчу имущества, так как иск о возмещении убытков может не дать результатов, да и вообще не всегда устраивает наймодателя. Но с другой стороны все таки ясно, что договор имущественного найма не принадлежит к числу отношений, где личные свойства участников имеют особое значение, так что не мыслимо допустить совершение условленных действий через посредство третьих лиц. Из этой коллизии разные законодательства выходят неодинако: французский кодекс (ст. 1717), по примеру римского права, исходит из того предположения, что поднаем вообще допустим, а если в конкретном случае желательно сделать его недопустимым, стороны должны позаботиться о включении в договор соответствующего указания, т. е., здесь та же точка зрения, что и в нашем проекте; германское уложение исходит из противоположной точки зрения: по § 549 поднаем допустим толь-

но с согласия наймодателя (правда, к этому суровому положению добавляется поправка в том смысле, что неуважительный отказ в согласии на поднаем дает нанимателю право до срока отказаться от договора). Близко к первой постановке стоит швейцарское постановление (обяз. зак., ст. 264), отличающееся однако от нее нюансами: за нанимателем признается право переуступить нанятую вещь третьему лицу, поскольку этим не вызывается невыгодного для наймодателя изменения положения; в частности, наниматель отвечает перед наймодателем за то, что поднаниматель не будет пользоваться вещью иначе, чем это дозволено нанимателю. Так новейший европейский кодекс возвращается к ученью глоссы, что поднаем допускается только alteri aeque idoneo et ad eundem usum. Возвращаясь после этой сравнительной справки к ст. 31 проекта, нужно признать, что вопрос разрешается ею удовлетворительно. Сомнения возбуждает лишь исключение, создаваемое для имуществ, принадлежащих государству, поднаем которых допускается только с письменного разрешения наймодателя: в распоряжении учреждений, сдающих государственные имущества, остается общая возможность включения в договор оговорки о неразрешении поднайма без особого согласия на то наймодателя; если учреждение этой возможности не использовало, создавать затем вновь препятствия для поднайма нет оснований. По вопросу о юридических отношениях в случае перехода имущества от наймодателя к другому лицу, проект стоит на почве принципа, отвечающего хозяйственным условиям современной жизни „Kauf bricht nicht Miete".

По поводу других статей проекта ограничимся несколькими дополнительными замечаниями. Ст. 22 (о форме договора) подчеркивает различие последствий несоблюдения формы договора в зависимости от того, сдается ли внаем частное имущество или государственное: в первом случае договор нельзя доказывать свидетельскими показаниями, но сила его сама по себе не отрицается, во втором—договор недействителен; обосновать такое исключение для найма государственных имуществ соображениями чисто цивильной политики едва ли возможно (в первой редакции проекта, ст. 25 ставила вопрос менее резко). Ст. 33 (о досрочном расторжении договора) недостаточно ясно определяет моменты, с которыми связывается право расторжения договора; напр. „если наниматель уклонился от взноса арендной платы": но что считать уклонением? во-первых, проект не определяет, когда именно должен производиться платеж; во-вторых, всякая ли задержка платежа есть уклонение от него? В первоначальной редакции проекта (ст. 37) соответствующий пункт гласил, что досрочное расторжение договора может иметь место, если наниматель упорно уклоняется от взноса арендной платы или производства условленного ремонта: эта формулировка, конечно, также не вносит определенности, но по крайней мере явственно показывает, что простая задержка платы на крайчайший срок не порождает таких суровых для нанимателя последствий. Наиболее ясное разрешение этого вопроса дано в постановлении Президиума Моск. Совета 5 мая 1922 г. о квартирной плате, где указан крайний срок платежа (7-е число каждого месяца) и затем от него отсчитывается некоторый еще период выжидания (2 недели), после чего допускается расторжение договора. В этом направлении (но, разумеется, с иными сроками) следовало бы искать выхода и для других случаев имущественного найма.

Наконец, нельзя не обратить внимания на некоторые пробелы в проекте; так, напр., проект не содержит никаких указаний в том

смысле, что на обязанности наймодателя лежит очистка нанимателя от всяких притязаний третьих лиц на то же имущество (ср. Герм. Ул. 541, Шв. Об. Зак. 358); остались не включенными в него специальные нормы о найме жилых помещений, хотя при современном состоянии этого дела было бы целесообразно ввести эти нормы в общий кодекс обязат. законов; почему-то отсутствуют принятые новейшими кодексами повелительные (zwingende) нормы о недопустимости соглашения об отмене ответственности наймодателя за недостатки нанятой вещи, если наймодатель умышленно умолчал о недостатках, и пр.

И. Новицкий.

Юридическая природа железнодорожной перевозки[1].

I.

Одним из основных начал современного железнодорожного права является обязанность железной дороги принимать к перевозке грузы и пассажиров. Международная конвенция о перевозке грузов по железным дорогам в ст. 5 гласит: „Tout chemin de fer désigné, comme il est dit à l'article 1—er, est tenu d'effectuer, en se conformant aux clauses et conditions de la presente Convention, tout envoi de marchandise constituant un transport international"... Германское Торговое Уложение 1897 г. определяет: Eine dem öffentlichen güterverkehre dienende Eisenbahn darf die Uebernahme von Gütern zur Beförderung nach einer für den Güterverkehr eingerichteten Station innerhalb des Deutschen Reichs nicht verweigern" (§ 453). Русское право также знало и знает этот принцип. Общий устав Российских железных дорог в ст. 1 гласил: „Перевозка пассажиров, багажа, почт и грузов составляет обязанность каждой открытой для пассажирского и товарного движения железной дороги и производится между всеми станциями, пассажирскими или товарными, смотря по роду перевозки". Ст. 2 указывала основания, по которым железная дорога могла не принять пассажиров, багаж или груз к перевозке. Согласно ст. 100, в случае неправильного отказа в принятии груза к перевозке или на хранение впредь до наступления очереди отправки (ст. 49), отказавшая в приеме железная дорога была обязана заплатить отправителю за каждые двадцать пять пудов брутто (вес с упаковкой), а равно за груз меньшего веса, тройную суточную наемную плату конного извозчика, не входя в рассмотрение того, был ли груз доставлен на станцию на лошадях или другим способом. Отправителю не возбранялось при этом отказаться от этого вознаграждения и искать с железной дороги убытки, понесенные от доставки груза на станцию и обратного его отвоза. Общий устав Российских железных дорог умалчивал об ответственности железной дороги за отказ принять пассажира, т. е. за отказ выдать ему билет. Ст. 93 касалась только ответственности за неправильное удаление из поезда, предоставляя пассажиру или искать убытки в порядке общих гражданских законов, или получить вознаграждение в размере двойной стоимости билета. Умолчание закона однако не устраняло ответственности железной

[1]) Статья была написана и сдана в печать, когда появился новый устав железных дорог Р.С.Ф.С.Р., утвержденный 12 июня с. г. Он сделался нам известен из частного издания: И. Д. Михайлов. Справочник по транспорту. Издание автора 1922 г. Новый устав не меняет наших выводов относительно юридической природы железнодорожной перевозки. На его анализе мы предполагаем остановиться в особой статье.

дороге за нарушение возложенной на нее законом обязанности на основании общих гражданских указаний. [1])

Действующее право,—„Общий Устав железных дорог Р. С. Ф. С. Р." (Изв. В. Ц. И. К. № 202 (1049) от 12 сентября 1920 г.) также устанавливает обязательность перевозок для железных дорог. „Перевозка пассажиров, багажа и грузов на основаниях, указанных в настоящем уставе, составляет обязанность каждой открытой для общего пользования железной дороги и производится от и до всех остановочных пунктов (станций, полустанций, раз'ездов, платформ). Об'ем операций остановочных пунктов устанавливается Народным Комиссариатом Путей Сообщения и публикуется в «Указателе тарифов железнодорожного и водного транспорта». Ст. 5 того же устава указывает случаи, когда железная дорога может отказать в приятии к перевозке пассажиров, багажа или груза. Но закон не содержит никаких специальных норм об ответственности дорог за отказ в приятии к перевозке. Из этого надо сделать вывод, что потерпевшему предоставлена возможность отыскивать убытки в общем порядке через Народный Суд.

Начало обязательности перевозок является, как мы указывали, основой современного железнодорожного права. Но законодательство распространяет принцип обязательности далеко за эти пределы. Обязательность перевозок и оказания некоторых других услуг установлена для почты. Прежнее наше законодательство подчинило началу обязательности операций деятельность товарных складов (т. XI, ч. 2 Св. Зак. Устав Торговый).

Обязательность оказания тех или иных услуг не всегда основывается на законе. Иногда она вводится административным актом, что, напр., имеет место в отношении железных дорог во Франции (ст. 50 декрета 1901 г.). Иногда обязательность устанавливается в концессионных договорах, как это обычно имеет место в отношении таких муниципальных предприятий, как водопроводы, трамваи, предприятия по снабжению газом, электрической энергией и т. п. Об общем, можно сказать, что подчинение тех или иных предприятий указанному режиму, делается об'ективным правопорядком в различных его формах (закон, административный акт, нормативное соглашение).

Таким образом, современное право дает материал для создания понятия, об'единяющего различные предприятия, подчиненные режиму обязательности оказания тех или иных услуг. Частичное обобщение в отношении транспортных предприятий мы находим в Гражданском Уложении Калифорнии, ст. 2168 которого дает определение общественного возчика: „каждый, кто выступает перед публикой с предложением перевозить людей, имущество или корреспонденцию, кроме телеграфной, считается общественным или публичным возчиком всего того, что он таким образом предложит или вызовется перевозить". Согласно следующим статьям (2169 и 2170) „общественный возчик обязан, по мере возможности, принимать и перевозить все, что ему будет предложено, своевременно и в надлежащем месте, на того рода предметы, перевозку коих он на себя принял или которые обыкновенно перевозит", и кроме того, „не должен оказывать предпочтение по времени, цене или иным чем-либо одному лицу перед другим" [2]).

---

[1]) См. Рабинович, Теория и практика железнодорожного права. Изд. 2, стр. 486. Против без достаточных оснований высказывался Зверев, который полагал, что могут иметь место только меры административного взыскания. (Общий Устав Российских железных дорог, 1911 г. Изд. 3, замечания составителя, стр. 20).

[2]) Цитирую по К. Малышеву. Гражданские законы Калифорнии, т. III, 1906 г., стр. 241. Понятие общественного возчика перешло в калифорнийское уложение из английского общего права. См. комментарий Малышева к ст. 2090 и 2168.

Понятие общественного возчика было введено редакционной комиссией в проект гражданского уложения, которое определяет его как транспортное предприятие, действующее на основании особого разрешения (концессии) правительства (ст. 464). На общественного возчика возлагалась обязанность принимать пассажиров и грузы к перевозке. Проект прямо устанавливал ее только для перевозки грузов: „общественный возчик не в праве отказаться от принятия груза к перевозке, если находящиеся в его свободном распоряжении перевозочные средства достаточны и приспособлены для перевозки данного груза (ст. 475). Аналогичной статьи относительно перевозки пассажиров не имеется. Но ст. 470 говорит: „общественный возчик имеет право не принимать к перевозке лиц, находящихся в нетрезвом виде"... Эта норма предполагает общее правило относительно обязанности общественного возчика принимать к перевозке и пассажиров. На такой точке зрения стояли и редакторы проекта, как это видно из мотивов к этой статье. Приведенные положения в той же формулировке проходят через все редакции проекта включительно до проекта обязательственного права 1913 г., внесенного министром Юстиции в Государственную Думу.

Выходя за пределы транспортного права мы можем установить понятие *общественного предприятия*. Этим условным термином мы будем обозначать *предприятие, подчиненное объективным правопорядком режиму обязательности оказания определенных услуг публике.*

Вопрос об юридической природе отношений общественных предприятий к лиц, пользующихся их услугами, весьма мало выяснен в юридической литературе. Он ставится обычно не в общей форме, а применительно к тому или другому виду предприятий, обычно к отношениям железных дорог и, иногда, почты. Основной задачей является выяснение того, имеют ли указанные отношения договорный характер, или нет. Так называемый договор железнодорожной перевозки столь своеобразен, что даже такой замечательный систематик как Г. Ф. Шершеневич не решился высказать вполне определенное мнение. Разбирая работу г. Рабиновича, — „Теория и практика железнодорожного права", он говорит: „автор отстаивает чисто договорный характер железно-дорожной перевозки, но аргументация его неубедительна". „...Дело не в том как называет закон это отношение, а как он его конструирует, а именно с точки зрения установленных обязанностей железной дороги и возникает сомнение в договорном характере перевозки" [1]). Но с другой стороны Шершеневич полагает, что нормы договорного права должны иметь применение к приему грузов железными дорогами и к вытекающим отсюда последствиям потому, „что самый закон признает это отношение договорным и тем самым привлекает к нему действие договорных положений" [2]). Наконец, в своем учебнике торгового права он просто констатирует *сомнительность* признания железнодорожной перевозки договором, не выдвигая взамен никакой другой конструкции [3]).

Аргументы, которые приводятся в пользу признания интересующих нас отношений договорными, часто носят совершенно случайный характер, не проникающий в существо вопроса. C. Vivante, который в своем курсе торгового права более подробно останавливается на юридической природе железнодорожной перевозки, чем это обычно делают, горячо отстаивает ее договорный характер, считая необходимым подчеркнуть свою позицию, чтобы противопоставить ее ошибочной в данном случае социалистической тенденции отрицать наличность договора [4]). Это впрочем не мешает ему самому заявлять, что современный договор железнодорожной перевозки

[1]) Г. Ф. Шершеневич, Наука гражданского права в России, стр. 172.
[2]) Его-же, Курс торгового права, т. II, стр. 246.
[3]) Его-же, Учебник торгового права, 9 изд. (-ое посм.) 1919 г. стр. 224.
[4]) C. Vivante, Trattatto di diritto commerciale, IV, № 2030.

можно было бы включить в социалистический общественный строй, а также что он, возможно, является этапом на пути общей реорганизации правопорядка [1]). В русской литературе Змирлов, отстаивая ту-же, договорную, точку зрения делает следующее рискованное утверждение: „любой из современных европейских гражданских кодексов содержит в себе целый ряд правил, которые . . . свидетельствуют о возможности возникновения договорных отношений в помимо согласного об'явления воли контрагентов" [2]). В качестве примера он указывает на „обязательность для поверенного по торговой доверенности производить торговлю, или управлять фабрикой, несмотря на смерть своего доверителя (другими словами, обязанность поверенного вступить в новые договорные отношения с наследниками доверителя, причем вступление в эти отношения имеет место в силу закона, помимо соглашения сторон)". Таким образом исключение из правила о прекращении договора, связующего доверенного с хозяином, за смертью последнего, устанавливаемое в некоторых случаях современными законодательствами, Змирлов принял за обязанность вступить в новый договор. Договор этот, как и следовало ожидать, носит странный характер, так как вступление в него „имеет место в силу закона, помимо соглашения сторон". К сожалению, автор оставляет читателя в неизвестности относительно того, что остается от понятия договора, если из него выкинуть соглашение сторон. Совершенно очевидно, что такими аргументами можно скорее погубить защищаемую точку зрения, чем поддержать ее.

В лагере противников договорной теории тоже не всегда мы встречаемся с достаточно тщательным обоснованием выставляемых утверждений. Так, напр., Schlossmann, отрицающий наличность договора, утверждает, что в тех случаях, когда, согласно господствующей в немецкой литературе точке зрения, имеется на лицо так наз. Kontrahierungszwang, на самом деле никакого принуждения к вступлению в договор нет, а лицу (след., при железнодорожной перевозке грузоотправителю или пассажиру) принадлежит непосредственное притязание на Leistung, к которому можно соответственно применять правила о *договоре* купли-продажи, подряда и т. п., поскольку отсутствуют специальные нормы [3]). Нормы о договорах купли-продажи, подряда и т. п. имеют в современных законодательствах диспозитивный характер, т. е. должны восполнять волю *договаривающихся сторон*. Очевидно, что распространение их на не-договорное отношение возможно только тогда, когда, выяснив его юридическую природу, мы придем к выводу, что она не служит к тому препятствием. Schlossmann, который, правда, формулирует свое мнение мимоходом, в примечании, этого не делает, и оно остается под знаком вопроса.

В русской юридической литературе убежденным противником договорной конструкции выступает г. Платов [4]). Свои выводы он формулирует следующим образом: „Таким образом отношения между жел. дорогой и публикой могут быть названы скорее quasi договором и эти отношения, как всецело основывающиеся на железнодорожном праве, должны, по нашему мнению, и оцениваться только с точки зрения этого права. Повидимому, и законодательство идет этим путем, потому что с каждым годом железнодорожное право обогащается все новыми и новыми правилами, а с этими правилами и само железнодорожное право все больше и больше приобретает право на название самостоятельной отрасли права". Положительная конструкция у автора отсутствует, так как, очевидно, наименование отно-

[1]) Ib. n° 2027.
[2]) Змирлов. Общий устав российских железных дорог. Изд. 3. стр 14.
[3]) Schlossmann. Ueber den Vorvertrag und die rechtliche Natur der sogenannten Realkontrakte. Jherings Jahrbücher, 1903, B, 45, s. 35.
[4]) Платов Н. Очерки русского железнодорожного права. Харьков, 1902 стр. 1—6.

шений quasi-договорными таковой не является. Можно было бы думать, что, развивая последовательно свой взгляд на своеобразие железнодорожного права, автор в дальнейшем при изложении и догматическом анализе русского законодательства подчеркнет отличия его от договорных правоотношений. В действительности мы имеем обратное. Плавтов не только именует железнодорожную перевозку договором, правда с оговоркой, что это делается ради краткости, но и определенно противоречит самому себе. Так, напр., он утверждает следующее: „Договор перевозки предполагает две стороны: *сторону, предлагающую услуги, и сторону, услуги покупающую*. Такими сторонами являются жел. дороги и пароходные О-ва, с одной стороны, и публика, отправляющая грузы или путешествующая, с другой" (курсив нам.). В этой фразе мы имеем определенное, не терминологическое, а по существу конструкции признание наличности договора.

Недоразумения, которые мы встречаем в литературе, преследующей практические цели (Змирлов, Плавтов), свидетельствуют об отсутствии в доктрине прочных теоретических основ изучения железнодорожного права. Случайность утверждений таких крупных теоретиков, как Vivante и Schlosmann, подтверждает это и указывает на необходимость подойти к решению проблемы путем разработки ее в связи с общими учениями гражданского права. Только таким способом возможно дать *положительную конструкцию* интересующего нас института или как особого вида договора, или же как не-договорного отношения, в зависимости от того, к чему приведет теоретико-догматический анализ. В юридической литературе, если не считать работ Biermann'a и Schott'a, которых мы цитируем ниже, такой разработки нет. Обычно в курсах, в общих работах по железнодорожному праву, иногда в специальных статьях, посвященных различным темам, можно встретить отдельные замечания, формулировку того или иного взгляда на юридическую природу железнодорожной перевозки и только.

Между тем вопрос, несомненно, заслуживает большего внимания и представляет интерес в разных отношениях.

а) Судебная практика по железнодорожным делам свидетельствует, что понятие договора постоянно фигурирует при рассмотрении взаимоотношений грузоотправителей, железных дорог и получателей грузов. Но выяснить *возможность и границы* пользования договорным правом при анализе этих отношений можно только разрешив предварительно общий теоретический вопрос [1]).

в) Не меньшее значение имеет проблема для доктрины гражданского права. Если мы признаем договорную природу железнодорожной перевозки и дадим ей точное определение как особого вида договора, то это несомненно будет материалом для теоретически мало разработанного вопроса об ограничениях свободы договоров. Если мы отвергаем договорную конструкцию, то это поставит перед нами не менее сложную задачу. Надо будет выяснить, какие юридические факты являются основанием возникновения обязательственных правоотношений между железной дорогой и лицом, которое обратилось к ее услугам. Надо указать этим фактам место в системе обязательств. Между тем классификация так наз. оснований обязательств до настоящего времени, в сущности говоря, мало продвинулась вперед со времени классического римского права. Предложенные классификации все должны быть признаны неудовлетворительными. Те перечисления оснований обязательственных правоотношений, которые иногда предлагаются, обычно бывают явно недостаточны, так как целый ряд обязательств не укладывается ни в какую группу. Так обстоит, напр., дело с классифи-

[1]) О значении вопроса для почтовой перевозки см.: F. Gény, Des droits sur les lettres missives, t. I. 1911, nn. 26—29.

кацией Г. Ф. Шершеневича: 1) юридическая сделка, 2) правонарушение, 3) неосновательное обогащение [1]). Нельзя также исходить из противопоставления закона и договора [2]), с чем нам придется еще иметь дело впереди по поводу теории Schett'a, так как при этом забывают, что сила договора тоже основана на законе. Закон не является основанием возникновения обязательств, *так как закон не юридический факт*, а совокупность норм, особый вид об'ективного правопорядка, *придающий тем или иным событиям и состоянием, в том числе и договору, характер юридического факта.*

Неудача таких попыток заставляет вернуться к приему классического римского права, а именно, отказавшись от классификации, выделить бесспорно установленные основания обязательств, как то— сделку, правонарушение, неосновательное обогащение, и обозначить остальные как обязательства ex variis causarum figuris. Такой практический прием не есть классификация, но он временно ее заменяет, *хорошо подчеркивая необходимость изучения отдельных юридических фактов, порождающих обязательственные правоотношения.* Только после завершения этой работы наука сможет дать безупречную классификацию. Выяснение того фактического состава, который является источником обязательственных правоотношений между железной дорогой и грузоотправителями, если они не окажутся договорными, будет шагом в этом направлении.

c) Для дисциплины торгового права поставленный вопрос имеет не только значение частной проблемы одной из глав этого предмета, а более общее. Торговое право изучает торгово-промышленное предприятие с разных сторон,—организацию суб'екта предпринимательских прав (товарищество, акционерные компании, тресты и т. п.), предприятие как предмет оборота (отчуждение, аренда предприятия), предприятие как совокупность охраняемых правом благ (недобросовестная конкуренция, товарные знаки, фабричные рисунки и модели и т. п.) и, наконец, отношения, предприятия к третьим лицам (торговые сделки). Последняя категория обычно состоит из изложения отдельных сделок. Между тем изучение юридической природы отношений железных дорог к тем, которые пользуются их услугами, и обобщение сделанных выводов в виде общей теории отношений общественного предприятия и публики дала бы возможность некоторой группировки обыкновенно разрозненного материала.

d) Наконец, интересующая нас проблема имеет, как нам кажется, политикоправное значение. Та роль, которая в современной хозяйственной жизни принадлежит крупным предприятиям в виде различных предпринимательских об'единений,—трестов, синдикатов и т. д., ставит перед законодательством проблему урегулирования их деятельности. Практика и теория склоняются в настоящее время к выводу, „что борьба должна быть направлена не на те юридические формы, в которые облекается деятельность союзов, а на самую деятельность“ [3]). Деятельность трестов и синдикатов является полем для злоупотреблений, направленных то против их конкурентов, то против потребителей. В отношении последних злоупотребления проявляются в монопольном диктовании цен и других условий договоров, заключаемых с покупателями [4]). Очевидно законодательные меры должны быть

---

[1]) Шершеневич, Учебник русского гражданского права, Изд. 11, т. II, стр. 12.

[2]) Planiol, Classification des source des obligations, Revue critique de droit, 1904 и Его же Traité de droit civil, t. II, nº. 807.

[3]) Проф. А. Каминка, Основы предпринимательского права, 1917 г. стр. 306. См, также А. В. Венедиктов, картели и синдикат, Вестник Гражданского Права, 1915 г. № 5. стр. 125 и след.

[4]) О различных видах выгодных для предпринимательских союзов контрактов см. С. Рундштейн, Синдикатское право. Учение о картелях, пер. Клименко. СПБ. 1905, стр. 213 и след.

направлены *на регламентацию деятельности* монопольных предприятий. К числу последних надо отнести и те, которые принадлежат юридическим лицам публичного права, — государству, муниципалитетам и др. и подчинить их соответствующему режиму, также как нормы железнодорожного права, касающиеся отношений между дорогой и грузоотправителями и пассажирами, распространяются и на частные и на казенные железные дороги. Произвол власти может быть не менее опасен для граждан, чем произвол частных предпринимателей.

Обращение к помощи общих средств гражданского права, напр., к § 138 Германского Гражданского Уложения для борьбы с черезмерно увеличенными ценами не может дать действительных результатов. Между тем мысль об „justum pretium" несомненно просачивается в современное право и проявляется в попытках применять нормы в роде упомянутого § 138 B.G.B. к таким социально-хозяйственным образованиям как тресты и синдикаты. Явная недостаточность подобных мер направляет взоры к тем предприятиям, которых действующий правопорядок подчиняет режиму обязательности оказания определенных услуг публике и оказания их при этом по таксированной цене. Возникает мысль о том, чтобы сделать продажу товаров для артелей обязательной, [1]) подчинить их по примеру железных дорог действию тарифов, так как именно в области железнодорожной перевозки по выражению проф. Каминки „получает свое завершение установление справедливой цены" [2]).

Однако такие меры не принадлежат к числу тех, которыми современная социальная политика и законодательство овладели как покорным орудием. Возможность их общего применения должна возбуждать ряд сомнений экономического свойства. Но даже оставляя в стороне экономическую проблему, нельзя не задаться вопросом о том, является ли юридическая форма общественного предприятия всеобемлющей, можно ли всякое предприятие, независимо от его особенностей, подчинить режиму обязательного оказания публике соответствующих услуг (совершения тех или иных действий или передачи определенного товара). Очевидно, для ответа на этот вопрос необходимо предварительно выяснить правовую природу отношений общественного предприятия и публики, чтобы затем определить возможные пределы распространения этой юридической формы.

Нашей задачей является попытка подойти к решению конструктивной проблемы. Рассматривать ее мы будем применительно к железнодорожному праву. Основания к тому следующие. Железнодорожное предприятие является типичным в интересующей нас области. Начало обязательности перевозок твердо установлено как основной принцип современного железнодорожного права. Правда, оно столь же твердо установлено и в почтовом праве. Но последнее стоит несколько в стороне от системы частного права и даже, по мнению некоторых авторов, регулирует чисто публично-правовые отношения [3]). Поэтому для устранения осложняющих проблему моментов мы предпочитаем брать ее в более бесспорной постановке. Железнодорожная перевозка по всем современным законодательствам подпадает под действие общих и специальных норм частного права (гражданских и тор-

---

[1]) Рундштейн, Op. cit. стр. 213.

[2]) А. Каминка, Op. cit. стр. 306.

[3]) На этой точке зрения Zorn, Das Straatsrecht des deutschen Reichs 1897 B II § 30. Обычно все же немецкая доктрина подчиняет отношения между почтой и отправителями действию частного права. См. Cosack, Lehrbuch des Handelsrecht, §§ 98—99; Schott в Endemann's Handbuch des HK B. III § 366, Wolcke, Postrecht §§ 8, 15; Hellwig, Die Verträge auf Leistung an Dritte, 1899, s. 619. Подробные обзоры литературы по относящимся сюда вопросам см. у A. Kann, Die Transportgeschäfte der Post, 1892. Для французской доктрины — F. Geny, Op. cit. I, n°n° 26—29. Geny стоит на частно-правовой точке зрения.

говых уложений). Особенно типична железнодорожная перевозка грузов, которой поэтому мы и уделили преимущественное внимание. После выделения из этого материала элементов, конституирующих юридическую природу отношений предприятия к публике, можно будет воспользоваться результатами для догматических анализов в других специальных отделах современного права.

II.

Положительные взгляды на юридическую природу железнодорожной перевозки, высказанные в литературе, можно разбить на две группы: договорные теории и не—договорные теории. Как мы дальше увидим, не всегда возможно резко и отчетливо провести эту грань. Тем не менее мы воспользуемся ею, как удобным способом при изложении и рассмотрении отдельных мнений.

В договоре мы всегда имеем две стороны. Одна делает предложение (офферту), другая его принимает. Среди сторонников договорной точки зрения нет единогласия по вопросу о том, является ли железная дорога акцептантом или офферентом. В соответствии с тем или иным пониманием мы имеем две договорных теории.

C. Vivante утверждает, что общая обязанность железной дороги перевозить грузы согласно установленным законам и регламентам не содержит в себе определенной офферты, а только правила для офферт со стороны грузоотправителей. Офферту делают последние, так как только в их волеизъявлениях содержится указание на существенные элементы договора,— определение груза и места назначения. Железная дорога принимает сделанное ей предложение и договор является заключенным [1]). Эта точка зрения является господствующей в немецкой науке. Сторонники ее логически неизбежно приходят к необходимости обосновать обязанность дороги принимать всякое предложение, не противоречащее существующим правилам перевозки. Это делается теорией, согласно коей *железная дорога на основании повеления закона находится в положении, аналогичном положению лица, связанного предварительным договором* (Vorvertrag, pactum de contrahendo). Закон обязывает ее вступать в определенное договорное отношение. In obligatione находятся волеизъявление дороги и совершение действий, необходимых для заключения договора перевозки,—принятие груза [2]). Таким образом отношения железной дороги к каждому отдельному грузоотправителю разделяются на две стадии. Первая включает в себе обязанность железной дороги заключить договор принятием офферты грузоотправителя, вторая—обязанность перевести груз согласно договору. Первая стадия создается законом, вторая основана на договоре. Закон возлагает на дорогу не обязанность перевозки, а принуждает ее к заключению договора (Kontrahierungszwang). Biermann, наиболее обстоятельно развивавший эту теорию, формулирует свои взгляды следующими словами. „Die Ausführungspflicht folgt aus dem Vertrage, nicht aus dem Gesetze, mit anderen Worten: es giebt nur einen gesetzlichen Kontrahierungszwang, keinen gesetzlichen Transportzwang. Dass im regelmässigen Verkehr beides zusammenfliesst, dispensirt nicht davon, theoretisch das eine von dem anderen zu trennen. Die Eisenbah-

---

[1]) C. Vivante, op. cit. nº 2031. См. там же: Endemann, Das Recht der Eisenbahnen, s. 531, Cosack, Lehrbuch des HK § 86.

[2]) Договор железнодорожной перевозки с точки зрения западно-европейской теории считается заключенным с момента сдачи груза. См. G. Eger, Eisenbahnrecht, 1910 s. 176; Lyon-Caen et Renault, Traité de droit commercial 1906, t. III p. 493. Art. 8 Бернская Конвенция говорит: „Le contrat de transport est conclu dès que la gare expedition a accepté au transport la marchandise avec la lettre de voiture".

den stehen rechtlich so, als hätte sie Vorverträge über die Güterbeförderung abgeschlossen. Das Vorvertrag ist durch das Gesetz ersetzt" [1]. До заключения договора перевозки связана только железная дорога, так как публика не обязана, конечно, вступать с нею в какие бы то ни было договорные отношения. Поэтому сравнение с предварительным договором должно быть более специализировано,—положение создается на подобие одностороннего предварительного договора, т. е. такого, который обязывает только одного контрагента.

Согласно цивилистической теории предварительным договором (pactum de contrahendo) называется соглашение, в силу которого обе стороны или одна из сторон обязываются в будущем заключить определенный договор. Все существенные условия будущего договора должны быть установлены в той же степени, как это необходимо для перфекции оферты. Нет надобности вместе с Cosack'ом утверждать, что условия будущего договора должны быть «soweit angeben, als dies der künftige Vertrag, um gültig zu sein, selber thun muss» [2]. Вполне мыслимо, что предварительный договор может предоставить в определенных пределах право одному из контрагентов односторонне установить при заключении договора то или иное его условие. Предварительный и главный договоры отличны по своему содержанию,—имеют различные об'екты. Первый направлен на заключение второго, второй на реальное действие [3]. Согласно господствующему мнению, обоснованному еще Degenkolb'ом, предварительный договор в случае его неисполнения порождает не только иск об убытках, но и об исполнении, т. е. о заключении главного договора [4]. Ср. ст. 182

В цивилистической литературе вопрос о праве „предварительного договора" на существование крайне спорен. Указание на его бесцельность в отдельных случаях имели место в доктрине [5]. Обще отрицательная точка зрения на этот институт была развита Schlossmann'ом [6]. Schlossmann отрицает существование в гражданском обороте предварительного договора. Никто в действительности никогда не имел его перед глазами, также как ни один моряк не видел легендарного морского змея. Стороны не имеют разумного интереса к заключению такого договора. Двухсторонне обязывающий предварительный договор следует рассматривать как окончательный договор. Даже, если стороны действительно имели в виду взаимно обязаться только к заключению в будущем основного договора, то и тогда надо придать ему действие основного, т. к. правопорядок не обязан давать сторонам ради их неосновательного желания возможность двукратного обращения к суду, когда можно обойтись одним процессом. По тем же основаниям не нужна фигура одностороннего предварительного договора. Интерес стороны в том, чтобы обеспечить себе в будущем заключение договора, *если она того пожелает*, в совершенно достаточной степени удовлетворяется свя-

---

[1]) Biermann, Rechtszwang zum Kontrahieren. Jherings Jahrbücher, 1893, B. 32 s. 268. Эта точка зрения, господствующая в немецкой литературе. В русской литературе ее разделяет Рабинович, теория и практика железнодорожного права, стр. 3.

[2]) Cosack, Lerbuch des B. R. I § 83.

[3]) Degenkolb, Zur Lehre vom Vorvertrag. Archiv für civ. Praxis. B. 71 s. 22; E. Berndt, Verpflichungsverträge (Vorverträge) nach dem Bürgerlichen Gesetzbuch. 1911 s. 24—25.

[4]) Degenkolb, op. cit. s. 41 и след. В русской литературе на этой точке зрения повидимому стоит В. Л. Исаченко,—Обязательства по договорам. т. I § 11, стр. 10—12. Однако в противоречии с этим другое место той-же работы: т. II, § 138, стр. 277—278. Обратный взгляд защищает Е. Н. Данилова.—Договор запродажи и его нормировка в действующем русском праве и проекте обязательственного права. Сбор. памяти А. В. Завадского, Казань, 1917 г. Цитирую по отдельному оттиску, стр. 3.

[5]) Bechmann «Der Kauf nach gemeinem Recht, B II s. 281.

[6]) Schlossmann, Ueber den Vorvetrag und die rechtliche Natur der sogenannten Realkontrakte. Jherings Jahrbücher, 1903, B. 45.

зующей оффортой с указанием срока согласно § 148 В. Г. В. Современный гражданский процесс (§ 894 С. Р. О.) также делает предварительный договор совершенно излишним. Возможность заменить вошедшим в законную силу судебным решением обещанное волеиз'явление позволяет рассматривать договор, как заключенный после из'явления воли истца. Единственный результат различения в этом случае предварительного и основного договора заключался бы в бесполезном по существу втором процессе. Те случаи, которые в цивилистической литературе обычно подводят под понятие предварительного договора, на самом деле таковыми не являются, а представляют из себя договоры, с относительно определенным содержанием, которые требуют в дальнейшем не заключения договора об исполнении тех или иных действий, а только дополнительного определения содержания договора управомоченным на это контрагентом. В некоторых случаях для этого нужно содействие другой стороны [1]).

Такова аргументация Schlossmann'a. Конечно на практике едва ли можно часто предполагать, чтобы стороны, заключая договор, желали обязаться не к совершению определенных реальных действий, напр., передача вещи, уплата той или иной денежной суммы, а к заключению в будущем другого договора, направленного на эти действия. Но трудности будут лежать в этом случае в области факта, а не права. Гораздо более существенным аргументом является указание на юридическую бесцельность такого договора. Для юридического анализа необязательны теоретические конструкции законодателя. Тем более необязательны юридические конструкции договаривающихся сторон, если последним приходит в голову фантазия этим заниматься. Юридические последствия сделки, порождаемые ею права и обязанности, должны устанавливаться на основании намерений сторон, направленных на определенный практический эффект, на некоторый в большинстве случаев экономический результат, а не согласно их представлениям о тех или иных юридических формулах. Между тем практическая бесцельность предварительного договора может быть иллюстрирована многочисленными примерами. Возьмем в качестве одного из них сделанный Planiol'ем образцово—ясный анализ договора, согласно коему одно лицо обязуется продать вещь по требованию другого контрагента [2]). Такой договор является односторонним предварительным договором. Один из контрагентов обязуется продать в будущем вещь другому. Последний не обязан купить, но ему принадлежит право это сделать. С момента из'явления им желания совершить куплю—продажу таковая имеется на лицо, так как недостающее волеиз'явление покупателя сделано. Незачем заставлять продавца делать еще одно, второе с его стороны, волеиз'явление. Да едва ли это возможно. Тем более не за чем ставить вместо него подпись, как это делали французские судьи до Code civil. Достаточно согласно art. 1589 C. c. [3]) признать, что договор купли—продажи заключен и вступили в действие все его последствия. Намерение одного продать вещь за определенную цену было выявлено, другой из'явил желание купить,—соглашение состоялось и все необходимые элементы договора купли—продажи имеются. Такой вывод уничтожает необходимость в самостоятельном юридическом существовании предварительного договора о купле—продаже и Е. Н. Данилова совершенно правильно по этому поводу замечает, что автоматическое превращение запродажи после из'явления желания другого контрагента превращает запродажу в связующую оферту. Е. Н. Данилова видит в этом противоречие [4]). Нам кажется, что

---

1) Schlossmann, op. cit. s. 1—12.

2) Planiol, Traité de droit civil, II, nº nº 1398—1406.

3) „La promesse de vente vant vente, lorsqu'il y a consentement reciproque des deux partie sur la chose et sur le prix".

4) Е. Н. Данилова, Op. cit стр. 8.

это противоречие мнимое и всякие недоразумения легко устраняются, если гражданский процесс (§ 894 C. P. O.) также делает предварительный договор связующей оффертой с указанием срока согласно § 148 BGB. Современный признать, что *при наличности связующей офферты конструирование предварительного договора является излишним.*

Нам нет надобности останавливаться на вопросе о том, действительно ли предварительный договор всегда является только созданием бесплодной схоластической теории, не имеет ли он иногда и практическое значение в связи с какими-либо особенностями того или иного исторически данного правопорядка, напр., т. X ч. 1 Св. Зак. (запродажа). Нам достаточно сделать вывод, что в ряде существенных случаев привлечение понятия предварительного договора является излишним. Он сливается с главным договором. Для того, чтобы определить, нужно ли тот или иной фактический состав разбивать на два юридических отношения, относящихся друг к другу как предварительный договор к главному, необходимо ответить на следующий вопрос: *нужно ли кроме первого еще и второе согласие воль для установления контрагентами предусмотренного эффекта; даст ли второе соглашение такие элементы, которые внесут новое в содержание взаимных прав и обязанностей по сравнению с первым?* При отрицательном ответе фигура предварительного договора будет лишней для юридического анализа.

Как же отразится такая постановка проблемы на выяснении интересующего нас вопроса о юридической природе железнодорожной перевозки? Прежде всего отметим, что в этом случае мы не имеем даже дела с предварительным договором, а, согласно разбираемой теории, с некоторым предварительным правоотношением между дорогой и грузоотправителями подобным тому, который возникает из предварительного договора. Эти отношения созданы законом, установившим для железной дороги Kontrahierungszwang. Продолжая аналогию мы убеждаемся, что положение подобно отношениям из одностороннего предварительного договора, так как обязанной стороной является только железная дорога. Публика, эвентуальные грузоотправители, естественно не обязаны пользоваться услугами железной дороги. Но от каждого из них зависит привести в действие обязанности железной дороги. Если грузоотправитель совершит необходимые волеиз'явления и действия (доставит груз на станцию отправления), то железная дорога не может отказаться от перевозки, кроме как в случаях предусмотренных законом. Нет никакой надобности во встречном волеиз'явлении железной дороги о желании ее заключить договор перевозки. Если такое волеиз'явление и имеет место, то оно юридически иррелевантно. Без него все элементы, необходимые для возникновения конкретного юридического отношения между дорогой и отправителем, на лицо. Ей остается только принять груз, доставить его на станцию отправления и сдать получателю. Грузоотправитель со своей стороны должен выполнить свои обязанности (провозная плата). Нет никакой надобности усматривать волеиз'явление железной дороги в акте принятия груза. К этому обычно приводит рассмотрение договора железнодорожной перевозки как реального договора, требующего для своей перфекции передачи груза [1]. Существование категории реальных договоров в современном праве спорно [2]. Сопоставление ее с понятием предварительного договора приводит к любопытным результатам. Действительно, в силу принципа свободы договоров консенсуальный

---

[1] C.: Eger, Op. cit s. 176; Lyon-Caen et Renault Op. cit III p. 493; K. Lehmann, Op. cit. s. 880.

[2] См. G. Bochmer, Realverträge im heutigen Rechte. Archiv für bürg. Recht. B. 38; Combescure, Existe-t-il des contrats réels en droit français? Revue critique de legislation. 1903; A. A. Симолин. Влияние момента безвозмездности в гражданском праве, стр. 187 и след. Там же подробный обзор и разбор мнений по данному вопросу.

договор о займе, ссуде, поклаже имеет силу. Обычно его рассматривают как предварительный договор, согласно коему в будущем должны быть заключены соответствующие реальные договоры. Однако эта конструкция искусственна. Если есть консенсуальный договор о займе, ссуде, поклаже, то реальный является излишним, так как передачу вещи можно рассматривать не как заключение второго договора, а просто как исполнение первого. Реальный договор при таком понимании отпадает совсем, а консенсуальный не является предварительным, но основным договором о ссуде, займе, поклаже. „То обстоятельство, что требовать возвращения вещи можно только после того, как она передана, еще не означает, что обязанность возвращения установлена с момента передачи: ведь и нанявшийся по личному найму в состоянии исполнить свои обязанности только тогда, когда нанявший дает ему указания, что он должен сделать, и портной может сшить костюм только после того, как заказчик принесет ему материю и явится для примерки, но разве можно видеть здесь особые договоры, где обязанность нанявшегося или подрядчика возникает с момента дачи указаний или с момента явки для примерки? Ясно, что нет“ [1]). Schlossmann, который хотел спасти понятие реального договора для современного права, должен был прибегнуть к весьма натянутому об'яснению и выводу, что консенсуальный договор о займе, ссуде и поклаже не имеет силы, что явно противоречит основным началам действующего гражданского правопорядка [2]).

Нам остается применить эти соображения к железнодорожной перевозке и рассматривать приёмку груза не как договорное волеизъявление, а как действие входящее в тот комплекс, который образует исполнение дорогой своих обязанностей по перевозке [3]).

Таким образом рассмотрение теории Kontrahierungszwang'a в связи с понятием предварительного договора, на аналогии с которым она построена, заставляет прийти к следующим выводам: а) эта аналогия не даст надлежащей конструкции, в) железную дорогу нельзя рассматривать как акцептакта.

Остается—или считать железную дорогу офферентом, или отрицать договорную природу железнодорожной перевозки.

М. Агарков.

(*Окончание следует*).

---

[1]) Симолин, Op. cit. стр. 191.

[2]) Schlossmann, Op. cit См. выводы s. 89—91.

[3]). Вопрос о реальности договора железнодорожной перевозки несколько осложнялся при действии Устава Российских железных дорог. Дело в том, что железная дорога была обязана принимать груз с обождением на складе. Это было особенностью русского права. Западно-европейское законодательство и Международная Бернская Конвенция не знали ее. Создавалось два момента, имеющих юридическое значение: 1) принятые грузы на станции и 2) принятие его к отправке согласно очереди. Эти два момента могли совпадать, могли и не совпадать, о чем делалась отметка на накладной (о указании очереди). Ст. 61 говорила, что договор считается заключенным с момента принятия груза вместе с накладной к отправке. С этого момента применялись к перевозке специальные нормы железнодорожные права, до этого норма обще-гражданского права. Это особенность прежнего русского законодательства, весьма спорная de lege ferenda, не допуская бы мешать теоретически правильной конструкции. Ст. 61 говорит больше чем надо, когда говорит о моменте *заключения* договора перевозки, а не о вступлении его в силу. Поэтому правильным договорит конструкции Н. Плавтов, когда он встав на договорную точку зрения, говорит: прием происходит единожды при передаче дороге грузы и накладной и при получении отправителем дубликата (Н. Плавтов, о начальном моменте договора перевозки грузов по железным дорогам. Право, 1904 г. стр. 1588). Вопреки обычному мнению наших комментаторов с точки зрения договорной конструкции именно этот момент и должен бы считаться моментом заключения договора.

Коммунальный Банк и его роль в деле восстановления города.

В условиях новой хозяйственной политики, когда центр тяжести экономического творчества перелагается на свободную частную инициативу, без кредита жить, в буквальном смысле, нельзя. Не только промышленность и сельско-хозяйственное производство нуждаются в правильной организации кредита, но даже самое маленькое индивидуальное потребительское хозяйство испытывает время от времени острую потребность в притоке чужого капитала для того, чтобы заткнуть те или иные экономические „дыры".

Тем более должно опираться на кредитное основание домовое хозяйство. Дом обслуживает два или три поколения и, разумеется, издержки на его постройку и содержание должны быть разложены на плечи этих нескольких поколений. А это достижимо только при помощи кредита и притом кредита, правильно организованного.

Неудивительно, что современный город,—этот характерный продукт капиталистической культуры и, вместе с тем, естественный очаг культуры социалистической, и в России и на Западе был построен всецело в долг (при помощи своеобразной формы долгосрочного кредита—ипотечного).

Учреждения ипотечного кредита, являясь посредниками между денежным рынком и городским строительством, создали русло, по которому потекли в город и крупные и мелкие сбережения. Какую громадную роль играют ипотечные банки в Германии можно судить по следующим цифрам: в Германии в 1910 г. было 38 акционерных банков, обладавших основным капиталом в 678 миллионов марок и выпустивших закладных листов на сумму в 10,3 миллиарда мар. Эти банки обслуживают почти исключительно только города (на 94 %).

Само собою разумеется, и в России важное дело восстановления города и его приспособление к возросшим потребностям городского населения не может обойтись без правильно организованного кредита, без возникновения специальных кредитных учреждений, специальных банков, по возможности приспособленных к своеобразным условиям нашей экономической действительности. Если богатая Англия, если Германия, быстрым темпом возрождающая свою экономическую жизнь, не смогли ослабить послевоенной жилищной нужды (очень острой), без помощи частного кредита, лишь опираясь на принудительно собранные налоговые средства государственного казначейства, то тем более обнищавшая Россия, изнуренная тяжелым экономическим кризисом, не в силах решить этой проблемы, не прибегая к помощи частного капитала.

Весь вопрос только в том, в каких пределах возможно возникновение в переживаемый момент сложных банковых организаций. Скептики определенно утверждают, что вне условий чисто индивидуалистического хозяй-

ства в стране, пережившей тяжелый экономический кризис, нельзя говорить о правильной организации кредита, тем более долгосрочного. Для этого нет предварительных условий: и юридических (устойчивое частное право) и экономических (накопленные в стране капиталы). И в известной степени это утверждение правильно, но лишь в известной степени.

Разумеется, без устойчивого частного права кредитные сделки не мыслимы. Но с другой стороны, частное право в теории допустимо и за пределами чисто капиталистического, индивидуалистического строя. Правда, при отсутствии права собственности, грубо, но резко отграничивающего мое и твое, сферу личной самодеятельности от области закономерного государственного вмешательства, вопрос о правовых гарантиях ставится гораздо сложнее, чем в „буржуазном" мире.

Как раз в области земельно-жилищных отношений западно-европейская жизнь выработала сложные и интересные формы частного (вещного) права, не тожественного с правом собственности, но дающего необходимую устойчивость юридическим отношениям между заинтересованными лицами (в том числе, конечно, и кредитным сделкам). Мы говорим о праве застройки [1]). И в тех пределах, в каких это вещное право sui generis привьется к жизни, можно говорить о возможности (с юридической точки зрения) организации и у нас даже долгосрочного кредита и ипотечных кредитных учреждений.

Впрочем, против самой идеи организации ипотечного кредита в переживаемый момент выдвигается очень серьезное возражение экономического характера.

Каким существенно это возражение, но оно имеет слишком абстрактный характер. Средняя низкая цифра распределения национального капитала не исключает ни возможности сосредоточения значительных средств у отдельных групп населения, ни концентрации капиталов в отдельных географических центрах. Как раз Москва включает в себе сравнительно значительный процент зажиточного торгово-промышленного населения и, по давним централистическим тенденциям нашего финансового строя, стягивает к себе (или оставляет у себя) значительные запасы денежных средств. Таким образом, есть реальные основания рассчитывать на развитие успешной и безубыточной деятельности именно московского банка, если, разумеется, его организация выразится в скромных формах. И как бы ни были затруднительны первые шаги проектируемого московского кредитного учреждения, но если его устройство удовлетворит, хотя бы в скромных пределах болезненно ощущаемую сейчас потребность в кредите,— за ним обеспечено будущее [2]).

Жилищная нужда сейчас до такой степени обострена, проблема крова получила до такой степени важное значение в жизни, что обыватель, в пределах экономически возможного, охотно идет на риск, вызываемый падением курса, только бы оградить себя от последствий, связанных с разрушением жилищ и выделяет из своего заработка максимум средств для его поддержания.

Впрочем, новая экономическая политика, апеллируя к частной экономической инициативе, неизбежно делает кредит органической частью существующей экономической системы. Это доказывается развитием кредитных сделок до возникновения и за пределами существующих банковых

---

1) См. „Право и жизнь", № 1, стр. 57.

2) Но то, что верно для Москвы, mutatis mutandis верно для любого городского центра, хотя бы краевого: Петербурга, Киева, Харькова. И потому, позволительно думать, наши соображения об организации коммунального банка, построенные по преимуществу на московских данных, московском опыте, могут иметь общероссийское муниципальное значение.

организацій (Госбанка и Покобанка) и, конечно, и деятельностью этих последних. Правда, при современных условиях кредит неизбежно носит спекулятивный характер, характер игры на большее или меньшее понижение курса, но дело руководителей банковой политики ослабить значение этого спекулятивного момента, опираясь при выдаче ссуд или на золотую валюту или на условный курс гипотетически, теоретически самим банком выводимый и по договору с заемщиком формально устанавливаемый, или, наконец, на легально принятый курс.

Разумеется, на организации банка не может не отразиться и своеобразие нашего жилищного законодательства.

До тех пор, пока вещное право на строения не будет признано и, вместе с тем, не будет допущен свободный оборот для недвижимостей, ипотечные операции будут, естественно, ограничены только выдачей ипотечных ссуд под залог демуниципализированных и немуниципализированных имуществ и, быть может, установлением посредничества между капиталистами и лицами, ищущими таковых.

Что же касается до кредита жилищным товариществам, эксплуатирующим муниципализированные имущества на правах краткосрочной аренды, то здесь, разумеется, речь может идти не столько о реальном, сколько о личном кредите, укрепленном круговой порукой членов товарищества и основанном, в существе, на началах публично-правовых. При этом и долгосрочность приходится понимать в очень ограниченном смысле (заем на срок не свыше 6 лет). Принимая во внимание, что капитальный ремонт обеспечивает невыселение в течение 3-х лет, можно ожидать, что в Москве найдется не мало отдельных лиц или товариществ, которые пойдут на риск возврата ссуды по ипотечнической валюте, вычисленной или на основании средней падения ценности дензнаков за последние полгода или по легальному курсу. Да и независимо от этого для многих производство ремонта квартир является необходимым под угрозой смерти от невыносимых жилищных условий.

При таком положении значительная (наиболее культурная) часть населения охотно пойдет на значительный вычет из заработка в целях обеспечения ремонта. Все дело в том, как избежать спекуляцию занятыми деньгами и обеспечить их употребление сообразно с целью займа. Это может быть достигнуто построением кредита на мелиоративных началах, допускающих, как известно, кредитование даже имуществ, исчерпавших свою залогоспособность. Предварительная проверка планов и смет предполагаемого ремонта и подчинение его выполнения контролю дает принципиальное основание для того, чтобы освободить заемщика от необходимости представить ипотечное обеспечение. Экономическое обеспечение лежит в создании, улучшении или увеличении жилой площади, которая при настоящем остром спросе на квартиру, не может остаться неиспользованной. Юридические гарантии могут быть представлены или требованием круговой поруки со всех жильцов дома или предоставлением банку права в самом уставе обращать взыскание на движимое имущество отдельных неисправных плательщиков, членов товарищества. Такое право предоставлено немецким „ландшафтам“, которые при мелких ссудах могут продавать движимое имущество неисправных плательщиков при посредстве своих агентов, и лишь при взысканиях на более высокую сумму обязаны прибегать к содействию судебной власти. В русских условиях наиболее действительным средством было бы предоставление банку по суду права распоряжения жилой площадью неисправного плательщика. При этих, правда, драконовских условиях можно считать возврат занятых ссуд и их целесообразное употребление обеспеченными.

Организационные формы.

Какие методы привлечения в банк средств возможны при настоящих условиях? Вот основной вопрос, который придется нам разрешить прежде всего. Не следует ли уже в период предварительной организации банка обратиться непосредственно и исключительно к частному капиталу?

Но такая постановка вопроса сейчас вряд ли возможна. Если решение жилищной проблемы не мыслимо без привлечения частного капитала, то без участия государства она у нас, в России, сейчас не может быть даже поставлена. И на Западе государственные средства играют большую роль в решении жилищного вопроса[1]). Следовательно, неизбежно искать „сложной смешанной организационной формы, в которую могли бы вложиться и государство и частная инициатива. Такой формой является обращение к существующим полукооперативным, полупубличным организациям — жилищным товариществам, а, может быть, и к частным домовладельцам. Обеспечение им права на участие в управлении банком (в лице представителей), права на кредит по образцу германских Landes Kreditkassen, а также некоторых льгот по пользованию коммунальными услугами в виде

---

[1]) Приводим системы—германскую и английскую—финансирования постройки общедоступных жилищ.

Германская система финансового содействия дешевому строительству. Указом Союзного Совета от 1-го ноября 1918 г. было постановлено выдавать беспроцентные субсидии на постройку дешевых жилищ. Субсидии должны покрыть разницу между «нормальными» строительными издержками и непомерно высокими расходами на строительство после войны. В частности, размер субсидий определяется разницей между действительными издержками и, так сказать, «оффициальной» ценностью имущества, которая определяется капитализацией квартирных цен, допускаемых в данной местности (не свыше 20% уровня 1914 г.). В 1919 г. на субсидии было ассигновано 500 милл. марок общегерманским правительством, отдельными государствами и общинами, но денег хватило только до конца августа. Тогда был создан специальный „санитарный фонд“ в 200 милл. марок и такую же сумму добавили общины. Для Пруссии в 1919 г. общая сумма субсидий равнялась 1¼ миллиарда марок. Закон исходил из предположения, что дороговизна имеет временный характер и, таким образом, выдача субсидий была рассчитана на короткий срок. Но это предположение не оправдалось: напротив; как удостоверяют оффициальные источники, в дальнейшем обнаружился значительный рост цен, при чем сам закон содействовал этому повышению строительных издержек, «так как в общем, покрытие добавочных расходов государством не вызывало понуждения к бережливости» (Scheidt, стр. 14). Такой неожиданный финал заставил покончить с системой субсидий и ввести систему беспроцентных ипотечных ссуд, притом в строго ограниченных размерах. С 1920 г. ссуды выдаются в размере 165—180 мар. на 1 кв. метр площади, но так, что, в общем, на отдельную постройку не может быть выдано свыше 15.000 — 16.500 мар. (в исключительных случаях ссуда может быть увеличена вдвое). Ссуды, вначале беспроцентные, подлежат погашению и теряют свой безвозмездный характер с того момента, как дом начинает приносить достаточный доход. Окончательно вопрос о том, какая часть суммы, данной под залог постройки не подлежит возврату, будет решен через 20 лет специальной оценкой. На основании этого нового закона.

Английская система финансирования (Housing Additional Act 1919). Каждому предприятию и каждой корпорации может быть оказана субсидия в размере 160 ф. ст. (по закону 1920 г.—260 ф. ст.) на каждый дом определенных размеров, построенный в 1920 г. Постройка должна быть начата в течение 12 месяцев между 23 дек. 1919 г. и 23 дек. 1920 г. или с специального разрешения Мин-ства не позднее 21 апр. 1921 г. Запоздание влечет за собой понижение субсидии: на 2 месяца—на $^1/_{12}$, на 4 месяца—на $^1/_6$. Срок этот парламент 1920 г. предполагал продолжить на 1 год. Размер субсидии колеблется в зависимости от числа комнат (не больше 4-х): спален, приемной и кухни, и не свыше известного размера (126 кв. метр.) от 230 до 260 ф. с. В 2-х этажных домах, допускаемых с особого разрешения, каждый этаж может приниматься за дом. Субсидия выдается до окончания стройки немедленно после израсходования сумм, полученных с пенни налога, но на основании специального удостоверения местной власти о годности постройки. Она должна отвечать предварительным условиям: 1) Не свыше 12 (по исключению 20) на акр., в сельских округах—не свыше 8. 2) Вышина помещений, по крайней мере, 2_{44} метр. 3) По возможности должны быть ванна и водяной клозет. Допускается не только массивная стройка, но, с особого разрешения, и другой тип.

скидок с платы за квартиру, за пользование телефоном, водой, газом или преимущественное предоставление их могли бы сразу обеспечить распространение между московским населением акций банка. Этот метод организации основного капитала, в виду той близкой связи, которая существует между товариществом и МКХ, заслуживает особого внимания. Установление тесной связи между товариществами и обывателями, с одной стороны, и коммунальным банком, с другой, имело бы важное организационное значение и даже в том случае, если бы был восстановлен свободный оборот недвижимых имуществ и дома товариществ, сданные им в краткосрочную аренду, переданы были им, при условии выкупа у государства или прежних собственников, на праве застройки, то можно было бы об'единить товарищества около Банка на начале публично-правовой круговой ответственности по типу Landeschafter, что могло бы содействовать привлечению средств из-за-границы. Это было бы, быть может, наиболее нормальным переходом от полной муниципализации имуществ к относительно свободному обороту городских недвижимостей. Но пока этого нет, пока право застройки еще не узаконено, экономически трудно строить банк исключительно на основе жилищных товариществ. Наиболее практической формой при настоящих условиях является поэтому коммунальный банк, опирающийся на государство и одновременно апеллирующий к частному денежному рынку путем выпуска облигаций (Такие банки мы встречаем в Германии — в Дрездене, Дюссельдорфе). Но вместе с тем нельзя, разумеется, и совершенно игнорировать жилищные товарищества, которые представляют собой своеобразную городскую мелкую единицу. Коммунальный банк и юридически и экономически должен быть связан с жилищными товариществами. Это может быть достигнуто преимущественным распределением облигаций между товариществами и предоставлением им вместе с тем специальных прав на участие в управлении банком (участие в выборах правления, учетного комитета, специальная организация комитета облигационеров с правами полномочного органа и т. п.).

Средства банка.

Ипотечные банки в качестве посредников между владельцами недвижимостей, капиталистами или публикой, ищущей надежного помещения для своих сбережений, дают в собственных капиталах дополнительную гарантию возврата займа; они кроме того, обеспечивают им своевременную уплату % независимо от того, внесены ли своевременно владельцами платежи по ссудам или нет. Капиталы земельных банков должны поэтому получать соответственное назначение. Во первых, они не должны подвергаться обесценению, не должны быть помещаемы в сомнительных бумагах, не должны быть заняты в операциях, которые могут подвергаться сильному риску. Во вторых, они должны быть легко реализуемы (при нормальных условиях должны во всякое время находиться в банках в легко реализуемых бумагах и пр.).

С точки зрения этих общих принципов мы и рассмотрим вопрос как об организации средств банка, так и о доступных для банка операциях, принимая во внимание все тяжелые, ненормальные условия переживаемого времени. При этом мы должны помнить, что охарактеризованная нами выше сложность целей потребует и сложного построения собственных капиталов банка. Собственный капитал банка должен быть дан государством, лучше всего в золоте; не в золотом исчислении, а в реальном металле. Это сразу поставило бы солидность банкового обеспечения вне сомнений. Но если это окажется недостижимой мечтой, то, разумеется,

придется удовлетвориться по примеру государственного банка ассигнованием дензнаков в золотом исчислении.

Прежде всего нужно дать ответ на существенный предварительный вопрос. Нужен ли основной собственный капитал для коммунального банка, если его главной задачей является выдача ипотечных ссуд закладными листами или ссуд публичным организациям из средств, полученных путем выпуска специальных коммунальных облигаций? На этот вопрос приходится ответить утвердительно и по следующим мотивам: Во первых, какие бы специальные меры мы ни принимали в целях обеспечения распространения среди населения закладных листов и облигаций (нужно ясно представить себе всю трудность этой задачи при настоящих условиях), это распространение пойдет чрезвычайно медленными шагами и сделает необходимым запас наличных средств. Во вторых, этого же (организации основного капитала и притом на средства государства) требует и вероятная медленность темпа в развитии долгосрочного кредита в собственном смысле. Некоторое время банку придется допускать и краткосрочные ссуды в большем размере, чем это допускается уставами, например, провинциальных немецких банков даже смешанного типа. Повидимому, в этом отношении коммунальному банку придется пойти по стопам земского галицийского банка, который, получив полномочия на организацию не только облигационного, но и личного краткосрочного кредита, снабжен был соответственным капиталом.

Быть может, даже желательно образование специального запасного капитала, который рассматривался бы уставом как самостоятельная имущественная масса и для производительного помещения которого были бы установлены в уставе особые правила.

Важную часть оборотных средств банка могли бы составить вклады и текущие счета государственных и, главным образом, коммунальных учреждений. Текущий счет является и в государственном банке единственной банковой операцией в собственном смысле слова [1]). Текущие счета, образованные из поступлений квартирной платы с муниципализированных зданий могли бы составить специальный жилищный (квартирный) фонд.

Правда, эта цифра поступлений не будет значительна, так как вряд ли превысит (по существующим тарифам) 20 миллиард. рублей в месяц, но все же она может быть положена в основание кредитных операций по ремонту. Сюда же должно быть обращено 60—90% поступлений с торговых предприятий, представляющих собой значительную сумму [2]).

---

[1]) См. „Месяц работы Правления Государственного Банка Р. С. Ф. С. Р. М. 1921, стр. 13 и прил. №№ 12 и 13.

[2]) Торговые помещения сдаются по следующей расценке:

Р А Й О Н.	Общая сумма.	Количество сданных помещений.				Сдано всего.
		По минимуму	По средн. кондиции	По максимуму.	Предполаг.	
Городской	5,514,961,880	1,099	654	13	100	1,766
Хамовнический. . . .	1,188,044,621	385	—	6	15	391
Бауманский	698,761,867	78	324	412	9	814
Замоскворецкий. . .	804,953,475	577	42	22	12	641
Красно-Пресненский.	1,220,015,018	160	505	400	16	1,055
Сокольнический . . .	887,729,524	522	97	1	12	620
Рогожско-Симонов . .	49,589,216	100	148	77	3/4	325
	10,459,855,601	2,721	1,770	991	164	5,482

Нужно твердо помнить, что не только поддержание, но и содержание городских жилых домов в порядке прямо не мыслимо без обращения на домовой ремонт сумм, поступающих с торговых помещений. Если для заемщиков из этого источника установить обязательство уплачивать занятые деньги ежемесячно, то получится значительный текущий фонд. Если же коммунальное хозяйство увеличит размеры фонда путем выпуска специальных займов, то дело ремонта в известной мере несомненно будет поставлено на ноги.

Разумеется, банк не может держаться только на капиталы, ассигнованные государством. И если устав должен предоставить банку право выдавать ссуды ипотечные и коммунальные из собственных его капиталов, то все же ему должна быть обеспечена возможность обращаться за средствами к частному денежному рынку, хотя эта возможность могла бы быть обеспечена в полной мере только с наступлением нормальных условий экономических (восстановление курса) и юридических (признание вещного права на строения), права застройки. Все же опыты в этом отношении следовало бы сделать в виду полной безвыходности положения. Разумеется, было бы наивно рассчитывать на успех выпуска закладных листов или облигаций на обычных условиях.—Никто их приобретать не станет. Но если в существующих условиях частичного рецидива натурального хозяйства коммерческий (кооперативный) банк вынужден прибегать к замене дензнаков товарами (был случай, когда кооперативный банк принял взнос пая... игральными картами), то в аналогичном направлении придется пойти и коммунальному банку. Мы даже полагаем, что организация коммунального банка чрезвычайно облегчается именно тем, что он располагает, и притом монопольно, некоторыми материальными благами, является хозяином некоторых промышленных предприятий.

Как мы уже указывали, выпуск облигаций может иметь успех только в том случае, если держатели их получат некоторые натуральные привилегии, право на продление арендного срока, право на преимущественное пользование некоторыми коммунальными предприятиями специального характера (газ, телефон и т. п.) и на скидку при уплате коммунальных услуг, выраженную в известном % с общего тарифа. Это право в известной мере заменит оплату облигаций процентами, установление которых в настоящее время будет иметь, разумеется, почти всецело фиктивный характер. Но, конечно, при такой постановке дела трудно предположить долгосрочный характер облигаций, и потому уставом должен быть допущен выпуск облигаций краткосрочных, оплачиваемых держателю по предварении за известное время, напр., за год.

Краткосрочные облигации известны германской банковой практике и не вносят затруднений в деятельность ипотечных учреждений. Особенное применение они получили в первый период создания ипотечного кредита.

Гораздо сложнее обстоит дело с выпуском закладных листов, в собственном смысле слова. Если даже с изданием нового закона о праве застройки могут быть преодолены правовые трудности (отсутствие залогового права, неясность прав держателей даже немуниципализированных зданий), то все же распространение закладных листов при падающей валюте встретит чрезвычайные трудности. Только выпуск закладных листов по принципу специализации, т. е. прикрепление их к определенным недвижимостям и увеличение % по закладным листами по подвижной скале пропорционально росту валовой доходности недвижимости или тарифу квартирной платы может дать некоторое основание для распространения закладных листов. Разумеется, и ипотеки должны допускать периодические переоценки специальной комиссией с участием заинтересованных лиц по масштабу курса Госбанка.

Всего труднее при настоящих условиях организовать кредит на постройку новых зданий тем более, что новая постройка непосильна для той доли народного дохода или той доли народного капитала, который современное поколение может тратить на поддержание существования. Единственным выходом, использованным на практике, являются только специальные займы из государственного казначейства, быть может, даже обеспеченные специальными выпусками бумажных денег. В Германии проект Яспера, основанный на идее особых выпусков бумажных денег под обеспечение построек, довольно сочувственно встречен специальной прессой [1]).

У нас, разумеется, сейчас нет необходимости в организации такой сложной системы кредитования. Но можно себе представить случаи исключительно острой нужды в новых жилищах, когда даже при установлении точных пределов эммиссий могут быть допущены специальные выпуски бумажных денег под обеспечение новыми постройками и обязательством непременного погашения из квартирной платы. Из других методов собирания средств вклады, допускаемые практикой ипотечных банков смешанного типа, вряд ли могут в настоящий момент дать сколько-нибудь существенные результаты. Впрочем, путем периодических переоценок, можно обеспечить приток вкладов, так сильна потребность в сбережении денежных знаков. Хотя те-же соображения парализуют возможность привлечения *мелких вкладов* (типа вкладов сберегательных касс), но все же здесь можно ожидать несколько более благоприятных результатов. Удобства хранения с возможностью в каждую данную минуту воспользоваться вложенными суммами столь привлекательна, что приток средств можно считать обеспеченным, особенно принимая во внимание неизбежный высокий % по вкладам. Быть может, в целях усиления притока мелких вкладов потребуется образование специального фонда для гарантии уплат вкладов этого типа. А раз мелкие вклады привьются, в дальнейшем их развитие весьма вероятно пойдет по законам, свойственным, как показывает история сберегательных касс всех стран, операции мелких вкладов, — и у нас можно ждать увеличения устойчивости этого вида вкладов и повышения его среднего размера. В Германии, по последним данным (1918 г.) опе-

---

1) Предложение Яспера может быть формулировано в следующих тезисах, своеобразно комбинирующих начало субсидии и начало ссуды:

1) Застройщик может требовать от государства безвозвратной субсидии на дороговизну (Uebertenerungszuchies) для каждого выстроенного им здания, соответствующего определенным условиям.

2) Субсидия может быть выдана только в том случае, если застройщик обяжется принять от государства под условием ипотечного обеспечения ссуду в бумажных деньгах. Заем должен достигать 75% у частных лиц, 85% у кооперативов постоянной стоимости здания и оплачиваться $4^3/_4$% (заем и погашение) в течении 70 лет. По истечении этого срока ипотека прекращается.

3) Суммы, необходимые для уплаты субсидии, государство получает путем займов.

4) Средства, необходимые для выдачи ссуд, получаются государством путем выпуска бумажных денег.

5) Проценты, получаемые государством, идут сначала на погашение займов, а потом уже на погашение ипотек, вложенных в здание.

6) Общины берут на себя ручательство за уплату %.

7) Исполнительным органом является община.

Приведем цифровой пример, конкретно иллюстрирующий мысль Яспера;

1) При довоенной стоимости здания в 5000 мар. оно в 8 лет переходного времени будет стоить 15.000 мар., нормальная ценность в будущем 10.000 мар.

2) Издержки на постройку покрываются таким образом: 5.500 м. безвозвратной ссуды на дороговизну, 7.500 м (75%) длительной нормальной стоимости дома—ссуда от государства, 2500 (25%) длительной нормальной стоимости — собственный капитал застройщика.

3) 5.500 мар. безвозвратной ссуды обходятся государству в 330 м. в год (5% по уплате по займам и 1% погашения), но по ипотеке $4^3/_4$% оно получит 356,25 мар. Остается в его пользу даже 25,25 мар., которые могут быть переданы общине.

рации сберегательных касс развиваются усиленным темпом, несмотря на переживаемый страной кризис[1]). Поэтому нельзя не признать большого значения при настоящих условиях за привлечением мелких вкладов. Быть может, было бы практичней и в организационном отношении выделить эти операции, рассеяв при финотделах советов и при других советских учреждениях по Москве сеть коммунальных сберегательных касс. Если бы возложить на эти кассы обязанность исполнять для своих клиентов, имеющих минимум вкладов, поручения по уплате коммунальных сборов и налогов, то можно бы ожидать, что, несмотря на пережитый печальный опыт, постепенно образуется приток к ним мелких вкладов и, таким образом, явится устойчивая связь между коммунальным банком и „народным" спекулятивным денежным рынком, недооценивать значения которого при настоящих условиях было бы ошибкой. Типическое для сберегательных касс с вложением капиталов в ипотечные ссуды дает лишнее основание к слиянию городских сберегательных касс с коммунальным банком по примеру Германии и отчасти Венгрии, где ипотечные банки существуют в виде отделений долгосрочного кредита *при сберегательных кассах*. Наконец, за соединение сберегательных касс с коммунальным банком говорит и серьезное принципиальное соображение: капиталы, собираемые сберегательными кассами с московских граждан, должны находить применение в пределах Москвы.

Наконец, устав должен предусмотреть и прием *судедных депозитов*, операции, играющей большую роль в балансах немецких провинциальных банков. Потребность в учреждении, куда можно было бы вкладывать в спорных случаях депозиты, в настоящее время сильней, чем когда бы то ни было.

Актив. Операции банка.

Активные операции банка: 1) *выдача долгосрочных ссуд*—ипотечных—частным лицам, владеющим немуниципализированными зданиями, и ссуд, необеспеченных залогами — организациям публичного права, в частности, жилищным товариществам, представляющим собой сложное соединение кооперативного товарищества и публично-правой организации. Что касается до кредита жилищным товариществам, то он может считаться вполне обеспеченным, несмотря на краткость арендного срока, в течение которого трудно погасить затраты на капитальный ремонт, своеобразной юридической конструкцией товарищества, устанавливающей круговую поруку всех жильцов дома за обязательства товарищества. При настоящем остром спросе на жилища состав жильцов дома и, следовательно, ответственных членов товарищества не поредеет и круговая порука не останется пустым звуком. Но, конечно, для этого необходимо предоставить более реальные полномочия товариществам по отношению к неисправным плательщикам. Никакой кредит недопустим, пока отдельные жильцы расплачиваются „удостоверениями" или отказываются от платежа, а на угрозу судебного преследования обещают уплатить через три месяца обесцененными деньгами. Кредит товариществам должен быть организован по типу мелиоративного кредита т. е. под общественным контролем. В этом отношении несомненную пользу могут принесть организации типа кредитного бюро, возникающего при подотделе жилищной кооперации Ц. С. Задачей бюро является предварительная проверка смет, контроль за приобретением матерьялов и за самим производством ремонта. Ссуда выдается частями по мере закупки матерьялов и

[1]) См. Statistisches Jahrbuch f. den Preussischen Staat 1920, стр. 239.

продвижения ремонта. В условиях падающей валюты такой контрольный аппарат необходим и для борьбы со спекулятивными тенденциями отдельных заемщиков. Конечно, и при этих гарантиях в настоящий момент этот вид кредита будет долгосрочным только относительно—срок уплаты в год, три года, пять лет, шесть, собственно, не дают основания для наименования кредита долгосрочным. Но все в мире относительно и сравнительно, например, с недельным сроком кредитной сделки, типичным, если не ошибаюсь, для Покобанка, сроки кредита, исчисляемые годами, представляются достаточно длительными. По мере упорядочения экономической жизни постепенно получают развитие и нормальные операции долгосрочного кредита.

Первое время банку неизбежно придется в сильной степени развивать: активные *краткосрочные* операции. Сюда относятся:

1 *Учет* векселей и других бесспорных срочных обязательств членов жилищных товариществ и других физических и юридических лиц, связанных экономически с коммунальным хозяйством. Учет коммерческих векселей в ипотечном банке даже смешанного типа не допустим. Но учет обязательств ограниченного и связанного с коммунальным хозяйством круга лиц необходим. Иначе при типичном запаздывании расплат со стороны государственного казначейства, играющего такую громадную роль в нашем экономическом обороте, исполнение обязательств в срок вообще окажется невозможным и вся система кредитных отношений рушится. (Учет векселей сравнительно редко допускается уставами германских провинциальных ипотечных банков, но с успехом осуществляется австрийскими земскими банками, например, галицийским.

2) *Выдача краткосрочных ссуд* районным совдепам, быть может, уездным городам, если окажется возможным распространить компетенцию банка на всю губернию, а также отдельным коммунальным предприятиям, действующим на основе хозяйственного рассчета и представляющим собой самостоятельную экономическую единицу.

3) *Ломбардные операции* могут в первое время сыграть большую роль в развитии операций банка. Нужно только бояться, что бы они не приняли слишком больших размеров, и предоставить банку право специальными инструкциями регулировать предельные границы ломбардных ссуд. Если нельзя ожидать развития ссуд под процентные бумаги, даже

Сообразно с тремя главными группами операций (ст. 3) Московский Коммунальный Банк может быть разделен на три отделения: ипотечное, коммунальное (коммунального кредита) и банковое с сберегательной кассой и ломбардом (ссудной кассой).

под металл, то ссуды под товары и разные движимости могут теперь получить громадное значение и, обеспечивая верное употребление свободных средств банка, принесут громадную пользу населению. Тот факт, что МКХ располагает складами под товары и складочными амбарами бывшего ломбарда, дает возможность практической постановки ломбардного кредита.

4) *Коммерческие операции.* Возможность их предоставления банку может быть оспариваема. Но в той мере, в какой МКХ приходится производить закупки и последующее распределение материялов для целого ряда коммунальных предприятий, работающих по принципу хозяйственного рассчета, операции могут быть, как исключения, допущены при наличии свободных средств у банка.

Меры взыскания по неисполненным обязательствам.

Банку должны быть предоставлены в известных случаях права взыскания по неисполненным обязательствам в административном порядке под контролем специально административно-судебных комиссий с участием

представителей заемщиков и облигационеров. В частности, в случае предоставления кредита на специальные нужды по восстановлению тех элементов домового оборудования, которые связаны с муниципальными предприятиями, банку должно быть предоставлено право отказывать в пользовании последними, в случае злостного и длительного прекращения платежей по займам на эти специальные цели.

В заключение мы приводим проект основных положений организации Коммунального банка (применительно к московским условиям).

Общие принципы организации Московского Коммунального Банка.

Статьи устава.

1) Московский Коммунальный Банк учреждается в Москве Московским Коммунальным Хозяйством при финансовом содействии государства и жилищных товариществ, между которыми, по преимуществу, распределяется облигационный капитал. Государству принадлежит право специального надзора за деятельностью Банка. Жилищные товарищества принимают участие в управлении Банком в порядке, в уставе определенном.

2) Целью Банка является содействие банковыми операциями как расширению и восстановлению жилой площади г. Москвы, так и вообще решению жилищного вопроса в г. Москве и Московской губернии, облегчение правильного хода Московского коммунального хозяйства и развитие экономической жизни Московской коммуны.

3) Для осуществления задач, установленных в ст. 2, Банк выпускает закладные листы (под ипотечное обеспечение), краткосрочные и долгосрочные облигации (по обязательствам коммунальных и общественных учреждений), принимает вклады, учитывает срочные обязательства и производит всякие банковые операции, согласные с его целями в пределах, в уставе определенных.

4) Московский Коммунальный Банк действует по принципу хозяйственного рассчета и безубыточности и находится под контролем коллегии МКХ.

5) Банк пользуется всеми правами юридического лица и имеет право приобретать всякого рода имущество в России, закладывать и отчуждать его, вступать во всякого рода соответственные его целям обязательства с правительственными, кооперативными, общественными учреждениями, частными лицами, заключать с ними договоры, организовывать представительства (агентства) в России и за границей.

6) Банк имеет свою печать с надписью: Московский Коммунальный Банк.

М. Д. Загряцков.

Законодательство о языках в многонациональном государстве.

Если национальность есть культурная общность людей, если она прежде всего и главным образом проявляется в их сборном культурном творчестве, то орудием этой общности является язык, тот язык, на котором говорят все ее сочлены. „В языке,— справедливо замечает С. Н. Булгаков,— мы имеем неисчерпаемую сокровищницу возможностей культуры, а вместе с тем и отражение и создание души народной". „Вот почему,—добавляет он,—любя свой народ, нельзя не любить, прежде всего, свой язык; вот почему, при всем своем скептицизме и западничестве, такой мастер русского языка, как Тургенев, столь ясно сознавал, что великий русский язык может быть дан лишь великому народу" [1]).

Так оценивает значение языка мистик и славянофил, член нации, создавшей в процессе своего исторического роста могучее государство и сильную культуру. Но ту же оценку мы находим и у представителя другой нации, нации, утерявшей в многовековой период диаспоры свое культурное и языковое единство—у еврея Макса Нордау. „Лишь благодаря языку,—пишет он,—человек становится членом своего народа. Он один дает ему его национальность" [2]).

Значение языка, как могучего фактора национального прогресса и единства, лучше всяких аргументов отдельных философов и ученых, подтверждает нам сама жизнь. Стоит только, в этом отношении, проследить с каким упорством и энтузиазмом отстаивали и отстаивают отдельные национальности свой родной язык; какое значение придают ему широкие, часто мало культурные народные массы, чтобы признать, что в словах С. Булгакова и М. Нордау нет преувеличения.

Без языка поистине нет национальности, и это прекрасно понимали на протяжении истории, как защитники национальной идеи у отдельных народов, так и их гонители, стремившиеся денационализировать ту или другую национальность.

XX век поставил перед современным государством национальную проблему во всей ее широте. События последних лет ясно показали, что только то государство, которое сумеет урегулировать в своих пределах национальные противоречия, может рассчитывать на прочность своих границ и долговечность своего существования. Но национальная проблема, как отмечалось нами выше, есть, прежде всего, проблема языка. Понятно поэтому, что всякое законодательство по национальному вопросу открывается обычно (часто впрочем и ограничивается) законами о языках.

В России вопрос о предоставлении известных прав языкам отдельных народов, входящих в ее состав, встал на очередь еще в дни рево-

---

[1]) С. Н. Булгаков. Два града стр. 296 т. II Москва, 1911 г.
[2]) М. Нордау. Соб. соч. т. V стр. 287 рус. пер. Москва, 1913 г.

люции 1905 г. Уже тогда в требования различных общественных групп, защищавших интересы национальных меньшинств, непременно включался пункт об уравнении местных языков с русскими в школе, суде и административных органах. Революция 1905 г. не принесла все-ж, существенных завоеваний в этой области национальным меньшинствам. Статья 3 Основных Законов 1906 г. разрешала, правда, „употребление местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях", но она же ставила его в зависимость от издания по сему поводу особых законов. Таких законов, в период между первой и второй революцией, наши законодательные органы, за немногими исключениями [1]),не издавали, и к 1917 г. языковая проблема в России осталась благодаря этому совершенно неразрешенной.

Указ Временного Правительства от 21 марта 1917 г. не внес в разрешение вопроса о равноправии языков ничего нового. Он отменил, правда, наряду с вероисповедными и национальные ограничения, но эта декларация не вошла в плоть и в кровь русского законодательства и не установила тех норм, которые могли бы урегулировать взаимоотношения между государством и отдельными национальностями. Естественно, поэтому, что вновь созданный при Министерстве Внутренних Дел Национальный Отдел поставил одной из первых своих задач правовое урегулирование вопроса о языках. После длительной подготовительной работы во Временное Правительство был внесен проект закона „Об употреблении местных языков в органах управления и самоуправления и местных судебных учреждениях".

Закону этому не суждено было, однако, увидеть свет. Октябрьская революция, уничтожив старую структуру правительственного аппарата, прекратила и работу Национального Отдела. Самая постановка национальной проблемы получила теперь совершенно иное направление. Базируясь на постановлениях первого и второго Всероссийских С'ездов Советов, Совнарком с первых же дней существования советской власти провозгласил: 1) равенство и суверенность народов России, 2) право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, 3) отмену всех и всяких национально-религиозных привилегий и ограничений и 4) свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России [2]). Эти положения, декретированные Совнаркомом, несколько более детализированные, вошли затем и в Советскую Конституцию [3]).

Западно-европейская практика выработала два подхода к решению этого вопроса. И они тесно связаны с двумя различными путями политики государства в национальном вопросе.

Один путь—это германский, вернее прусский. В политике надо отбросить всякие сантиментальности—говорят его сторонники. Благо государства требует внутренней однородности состава его населения и для достижения этой цели нечего останавливаться перед насильственной денационализацией отдельных „недержавных" народностей, перед Völkermord'ом — как образно выражается один из апологетов этой политики, Трейчке. Практически эта система проявлялась в целой гамме мероприятий, которые принимались прусским правительством в целях денационализации нацио-

---

[1]) Как на одно из исключений можно указать на «Городовое Положение Ц. Польского».

[2]) «Декларация прав народов России», см. Собр. Узак. и Расп. Р. и Кр. Правительства № 2 от 4 декабря 1917 г.

[3]) Конституция РСФСР, принятая 5 Всер. С. Советов §§ 2, 8, 11 и 22 см. Собр. Узак. и Расп. Р. и Кр. Прав. № 51 от 20 июня 1918 г.

нальных меньшинств, волей исторических судеб, попавших в орбиту прусской государственности. Особенно разительна в этом отношении прусская политика в польском вопросе. В частности, в области языка, закон 1908 г. запретил употребление польского языка на публичных собраниях в тех местностях, где число жителей, говорящих по-польски не достигало 60%. И так как во многих пунктах польских областей Пруссии число жителей поляков было несколько ниже этой 60% нормы, то фактически польские подданные Прусского Королевства были лишены права использовать предоставленное им конституцией право собраний и союзов. Еще жестче были мероприятия, принятые в школе. Польский язык не только был изгнан из школы, но даже воспрещен в частном обучении детей. Бывали случаи, когда женщины, собиравшие у себя по несколько детей для обучения их родному языку, подвергались тюремному заключению. Правительство при этом действовало не только путем устрашения местного населения, но и всячески поощряло наградами учителей, ревностно работавших на поприще германизации поляков.

Такова прусская система разрешения национальной проблемы.

Иной путь избрала Англия. Английская правительственная политика, как правило, учитывает национальный момент в своем великодержавном строительстве, стремясь примирить с государством национальные меньшинства и, даже более того, превращая их в опору государства. „Почему мы не могли бы все заключить дружбу? — говорил Черчиль в одной из своих речей по ирландскому вопросу.—Мы это сделали в Канаде, мы это сделали в Южной Африке;многое сделано в последние месяцы в Бенгале. Удовлетворите жалобы, врачуйте раздоры, хороните ненависть, связывайте интересы, соглашайте, консолидируйте, об'единяйте!.. Вот имперская точка зрения!“ [1]).

Эта тенденция английской политики находит свое отражение и в отношении общегосударственной власти к местным языкам. Ее прекрасно формулировал, в своей резолюции по вопросу о праве французских детей на школу с родным языком, парламент канадской провинци и Онтарио. „Уже издавна установившаяся политика Великобритании заключается в уважении веры, обычаев и языка жителей, ставших британскими подданными вследствие перехода их страны договорным или иным путем под суверенитет короны [2]).

Английский метод разрешения вопроса о языках усвоили себе и другие европейские государства, в частности—Бельгия, Швейцария, ныне покойная Австрия и возродившаяся на ее развалинах Чехо-Словацкая республика.

К анализу их законодательства мы и перейдем в нашем дальнейшем изложении.

Материальный об'ем законодательства о языке охватывает вопрос о применении языков национальных меньшинств в законодательстве, суде, в делопроизводстве органов управления и самоуправления и, наконец, в школе. Исчерпать вопрос во всей его широте мы не имеем сейчас возможности. И это заставляет нас несколько сузить его рассмотрение, исключив чрезвычайно важный вопрос о родном языке в школе.

Излишне говорить о том значении, какое имеет в многонациональном государстве опубликование законов на языке, доступном каждому гражданину. Если в современном государстве считается незыблемым правило, — „что никто не может отговариваться неведением закона“, — то, очевидно, государство само должно притти на помощь своим гражданам и облегчить им знакомство с каждым законом, изданным в его пределах. В Швейца-

---

[1]) Цит. по статье Н. Гредескула в сборнике «Отечество» стр. 63. Петроград, 1916 г.
[2]) См. „Round Table“ сбор. 1916 г. стр. 737.

рии это достигается опубликованием законов на трех языках — немецком, французском и итальянском, в Бельгии на двух—французском и фламандском. При этом как в том, так и другом государстве все тексты закона считаются аутентичными. В Австрии, согласно § 2 зак. 10 июня 1869 г.[1]), Reichsgesetz blatt печатался на всех местных языках королевств и областей, представленных в рейхсрате. Однако аутентичным признавался лишь немецкий текст.

Из внеевропейских стран регулируют вопрос об опубликовании своих законов на языках национальных меньшинств Канада и Трансвааль.

В первой, наряду с провинциями с преобладающим английским населением, мы имеем провинцию Квебек, в которой огромную часть граждан составляют французы. Сообразно с этим канадская конституция требует опубликования законов общефедерального парламента, а также и законодательных органов Квебека не только на английском, но и на французском языках[2]). В Трансваале все „постановления" законодательного совета и законодательного собрания точно также подлежат опубликованию на английском и голландском языках[3]).

Таким образом во всех перечисленных государствах в законодательном порядке устанавливается перечень тех языков, на которых опубликовываются их законы.

Применим ли такой порядок в России?

Очевидно, что нет.

„Если в двународной Бельгии или трехнародной Швейцарии вопрос об издании законов на всех языках представляется сравнительно простым,—справедливо замечает М. Я. Лазерсон,—если в Австрии он является уже более сложным, то в России, в состав которой входит несколько десятков народностей, имеющих определенный литературный язык, вопрос этот является необычайно сложным. Опубликовать в официальном сборнике общие законы на нескольких десятках языков, при невозможности установления даже точного количества этих языков, является прямо таки технически невозможным"[4]). Вот почему проект закона „О местных языках", разработанный Временным Правительством, возлагал на государственную власть опубликование законов лишь на русском, т. е. общегосударственном языке, требуя в то же время, чтобы на местах эти законы опубликовывались „местными правительственными учреждениями или заменяющими их автономными учреждениями в местных официальных изданиях на всех языках, кои установлены в делопроизводстве органов управления, самоуправления и суда данной местности[5]).

Аутентичным может быть признан при таких условиях, конечно, только один русский текст, т. е. текст, опубликованный на общегосударственном языке. За это говорит прежде всего то соображение, что центральные органы опубликовывают закон только на одном языке и, совершенно очевидно, суд не мог бы руководствоваться, быть может, и не совпадающими друг с другом переводными текстами, опубликованными в отдельных частях государства. Но, кроме того, нельзя не признать правильным и аргументацию Herrnritt'a, считающего, что языковое равноправие должно найти здесь свои естественные пределы и множество языков должно уступать принципу единства законодательного текста, во имя единства государствен-

---

[1]) Закон 10 июня 1869 г. R. Ges. Bl. № 113.

[2]) Акт об унии 29 марта 1867 года § 133. См. 30 and. 31 vict. c. 3.

[3]) The Transwaal constitution Letters Patent 1906 г. ст. 34-я, цит. по книге М. Лазерсона «Национальность и госуд. строй». Петрг. 1918 г.

[4]) М. Я. Лазерсон ibid. стр. 154.

[5]) Проект Постановления Врем. Правит. «Об употреблении местных языков» § 1.

ной воли [1]). Ведь общегосударственный язык, добавим мы от себя, является не только орудием культурно-технического общения для отдельных национальностей, входящих в состав многонационального государства, но и одним из факторов, при помощи которого достигается единство и целостность этого государства.

В административных и судебных органах местные языки могут найти свое применение в двоякой форме—как языки внутреннего и внешнего делопроизводства. Техническое различие этих двух областей заключается в том, что во внутреннем делопроизводстве язык употребляется в ведомственных сношениях государственных органов власти, а во внешнем он является средством сношения правительственных и судебных учреждений с гражданами.

Большинство ученых, исследовавших интересующий нас вопрос, склоняется к мысли, что только язык внешнего делопроизводства государственных органов затрагивает непосредственно интересы граждан. Что же касается языка внутреннего делопроизводства, то эта область лишь косвенно затрагивает их интересы [2]). На этой же точке зрения стояла и Австрийская конституционная практика, в частности, в чехо-немецком конфликте о языковом законодательстве. Впрочем, в отношении Галиции и Коронных земель юга Австрии законодатель отступал от своей точки зрения, допуская в первой употребление польского, а в остальных итальянского языка не только во внешних сношениях административных и судебных органов, но и во внутреннем их делопроизводстве [3]). Чехо-Словацкая республика, в своем законодательстве о языках национальных меньшинств, осталась верной старой австрийской традиции, причем место немецкого занял конечно чешский язык [4]). На той же точке зрения стоял и законопроект Временного Правительства [5]).

В чем же заключается сущность этого права граждан пользоваться в сношениях с органами власти своим родным языком? Ответ на этот вопрос дает нам § 4 закона „О местных языках" Врем. Правительства. „Местные правительственные учреждения,—читаем мы в этой статье,—обязаны принимать ходатайства, жалобы и заявления всякого рода и в ответах на них пользоваться местным языком, на коем написаны означенные ходатайства, жалобы и заявления". Это правило обычно распространяется и на органы судебного ведомства, с тем добавлением, что приговоры, а также и иные решения судов и органов следственной власти излагаются не только на общегосударственном, но и на родном языке истца или подсудимого. На этот же язык переводится обвинительный акт, протоколы дознаний, допросы свидетелей и экспертов.

Необходимо отметить, что в армии и во флоте все законодательства сохраняют общегосударственный язык. Этим лишний раз подчеркивается то значение, которое современная юридическая мысль придает языку, как фактору, создающему единство государства.

Шире права местных языков в органах самоуправления. Здесь, как правило, употребление местных языков допускается не только во внешнем, но и во внутреннем делопроизводстве. Даже австрийская практика, крайне ригористичная в этом вопросе, допускает такое расширение прав местных

---

[1]) Herrnritt «Nationalität und Recht» стр. 125.

[2]) См. Herrnritt цит. соч. стр. 106 сравн. A. Fischel Das oesterreichische Sprachenrecht.

[3]) См. сбор. «Областное, административное и общинное устройство Галиции» рус. пер. Птрг. 1915 г.

[4]) Закон 29 февр. 1920 г. Сбор. зак. Ч.—С. Респ. № 122 рус. пер. в материалах Нар. Ком. Юст. вып. X 1921 г.

[5]) §§ 4 и 5.

языков. На тот же путь стало отчасти и старое дореволюционное русское законодательство [1]).

Большие разногласия вызывает само понятие „местного языка". Нормативного определения „местного языка" не дает в сущности ни одно законодательство. В Канаде и Швейцарии вопрос разрешается перечислением языков в тексте конституции [2]). В Австрии, где вопрос о местных языках ставился особенно остро, понятие „местного языка" (Landessprache) выяснялось в каждом отдельном случае в порядке решений административных судов (Verwaltungsgerichtshof'a и Reichsgericht'a).

Проект закона „О местных языках" Временного Правительства, передавал решение этого вопроса правительству, которое должно было его урегулировать после предварительных сношений с органами местного самоуправления областей с инациональным составом населения. Иного решения для России с ее ста отдельными народностями придумать было, конечно, невозможно.

В заключении необходимо остановиться на тех правовых гарантиях, которыми обставляется право национальных меньшинств пользоваться в сношениях с государственной властью своим родным языком.

В Бельгии, Швейцарии, Австрии и Германии [3]) вопрос этот разрешается путем включения соответствующих статей в тексты конституции. Но все эти статьи носят чисто декларативный характер, а некоторые из них не создают даже надлежащего суб'екта права [4]).

Недостаток этот восполняется обычно судебной и административной практикой. И в той же Австрии судами ст. 19 придавался не только декларативный, но и непосредственно правотворческий характер. Новейшее законодательство высказывается в данном случае более определенно. Чехо-словацкая конституция [5]), как и проект закона „О местных языках" Временного Правительства [6]) дают ряд правовых гарантий, обеспечивающих за каждым гражданином судебную защиту его права в этой области.

Итак, конституционное законодательство западных государств закрепило за отдельными гражданами право пользоваться родным языком в своих сношениях с органами власти, как неот'емлемое, суб'ективное право, стоящее в одном ряду с теми правами, которые признала за ними, в свое время, французская „Декларация прав человека и гражданина".

Б. Д. Плетнев.

---

[1]) См. Городовое Положение Царства Польского, не введенное впрочем в жизнь, в виду оккупации Цар. Польского германской армией.

[2]) См. § 116 Швейцарской к-ции 1874 г. и § 133 «Акт об унии» Канады.

[3]) См. § 23 Бельгийской к-ции 1831 г.; § 116 Швейц. к-ции 1874 г.; § 19 австрийск. „Основного закона об общих правах граждан" от 21 дек. 1867 г. и § 113 Германской к-ции 1919 года.

[4]) Еще G. Jellinek указал на то обстоятельство, что в § 19 Австрийской к-ции совершенно невозможно понять, кто является суб'ектом права — национальность, язык или отдельный гражданин, см. G. Jellinek «System d. subjektiven öffentlichen Rechte» стр. 99 и след. Tübingen 1905 г.

[5]) § 7 чех.-слов. закона 29 февр. 1920 г.

[6]) § 22 закона „О местных языках".

Русско-германский договор в Рапалло.

Договор в Рапалло явился едва-ли не самым существенным результатом Генуэзской Конференции, знаменуя новый этап распадения системы международных отношений, так ярко отпечатлевшийся в Версальском мире. Политическое значение его видно хотя бы из той реакции, которую он вызвал во Франции. Интересно сопоставить с этим его политическим значением конкретное его правовое содержание. Что дает он нового по сравнению с временным соглашением между РСФСР и Германией, заключенным в Берлине 6 мая 1921 г.

Прежде всего в нем как бы устанавливаются правильные дипломатические отношения между Германией и РСФСР. В этом смысле он отличается от временного соглашения, которое не меняло существующего порядка, а лишь расширяло компетенцию наличных делегаций. „Круг деятельности" говорилось там, в ст. 1-ой, „существующих уже делегаций обеих государств, для попечения о военно-пленных, расширяется таким образом, что им поручается защита интересов граждан их страны. К делегациям присоединяются торговые представительства для развития экономических отношений между обеими странами." Все это до полного восстановления нормальных сношений. Следовательно, соглашение имело в виду временный порядок. Правильного представительства Германии в РСФСР не было ни в эпоху Брест-Литовского мира, ни после окончания войны. Мирбах и Гельферих точно также стояли во главе делегаций для попечения о военно-пленных. Но естественно, что эти делегации брали на себя и ряд других задач, касающихся охраны прав германских граждан и т. д. Постепенно к этому прибавилась деятельность по экономическим сношениям. Не было традиционной формы и этикета, но установилась фактическая дипломатическая связь.

Отсюда однако не следует, чтобы возобновление дипломатических и консульских сношений, как оно намечено Рапалльским договором, имело бы только формальное значение. Политически существенно, что временное положение уступает место постоянному, соответствующему состоянию прочного и подлинного мира.

Правда, здесь еще должна быть выработана консульская конвенция. Но она обычно отделяется от заключения общего договора о правильных дипломатических сношениях. Это мы имеем в отношениях между РСФСР и Финляндией, Прибалтийскими государствами, Польшей и т. д. В связи с этим находится вопрос о признании.

В соглашение 6-го мая ряд статей регулировало преимущества руководителей и членов представительств. Им давалось нечто в роде дипломатического иммунитета. Является вопрос, в какой мере соответствующие статьи соглашения будут сохранены и при восстановлении дипломатических отношений, согласно ст. 3 Рапалльского договора. Очевидно, во всяком случае, эти права, предоставляемые будущим миссиям, не окажутся

меньшими, чем права представительств, и впредь до заключения нового аналогичного соглашения эти статьи сохраняют силу. Надо помнить, что общее международное право устанавливает дипломатические привиллегии и иммунитеты лишь в основных чертах, предоставляя подробность обычаю или дополнительному регулированию.

Со всем этим связан вопрос о признании. В сущности говоря фактическое признание содержится в первой статье временного соглашения: Представительство РСФСР в Германии признается единственным представительством Российского государства в Германии. Такой оговорки не имелось в торговом соглашении РСФСР и Великобретании от 16 марта 1921 г., хотк и там предполагалось, что официальные агенты советской власти являются „российскими официальными агентами в Соединенном Королевстве" (ст. 5). Рапалльский договор не говорит об оффициальном признании, но оно достаточно выражается в немедленном и безоговорочном возобновлении дипломатических и консультских сношений. Ибо если мы будем искать какого-либо другого содержания в этом понятии признания, мы его не найдем. Можно сказать, что признание на лицо даже при отсутствии подобных правильных отношений, если практически через временные делегации устанавливается правовое общение двух государств. Но там, где удовлетворены даже обычные требования международного обихода и формы, там признание бесспорно. С другой стороны, это последнее вовсе не исключает, что ряд важнейших экономических и политических вопросов между двумя государствами остается не урегулированным. Вообще, не следует признанию придавать преувеличенного юридического значения. Тем более, что современная эпоха в международном праве, как она создала целый ряд переходных состояний между полным миром и подлинной войной, и здесь показала возможность промежуточных отношений между полным признанием и совершенным не признанием. Политические потрясения лишили эти правовые грани их традиционной четкости.

Далее, в договоре окончательно разрешается вопрос о репарации, оставленный без ответа в договоре 6-го мая. „Германское Государство и РСФСР взаимно отказываются от возмещения их военных расходов, равно как и от возмещения военных убытков, иначе говоря тех убытков, которые были причинены им и их гражданам в районах военных действий, вследствие военных мероприятий, включая и предпринятые на территории противной стороны реквизиций. Равным образом обе стороны отказываются от возмещения не военных убытков, причиненных гражданам одной стороны посредством так называемых исключительных военных законов и насильственных мероприятий государственных органов другой стороны". Эта статья, как известно, вызвала резкие возражения *особой* стороны бельгийских и французских представителей, так как она нарушает Версальский мир. В действительности такого рода нарушения здесь вовсе не имеется, и на Генуэзской Конференции это было признано экспертами Антанты, несмотря на общее отрицательное отношение к русско-германскому договору. В самом деле, 231 ст. Версальского Договора гласит, что Германия и ее союзники ответствуют за все ущербы и убытки, понесенные союзниками и их гражданами вследствие войны, начатой с стороны Германии. Кроме того, в ст. 116 союзные державы формально подтверждают права России на получение от Германии вознаграждения согласно принципам настоящего договора.

Но дело в том, что Германия здесь не односторонне отказывается от выполнения своих обязательств, данных в Версальском мире. Она это делает по соглашению с Россией. Если чьи нибудь права могли быть нарушены, то только России, но она сама на это согласилась и другие государства не могут в этом отношении с Германии чего-нибудь требовать.

Нужно помнить, что Россия вообще не участвовала в заключении Версальского Мира и Советское Правительство его не признало. В полемике, возбужденной настоящим пунктом Рапалльского договора, иногда проводилась мысль, что если даже Россия отказывается от своих прав на возмещение убытков, то эти права должны перейти к другим Государствам, требующим от Германии возмещения: ответственность Германии здесь имеется пред всей коалицией. Но такое рассуждение представляется юридически в достаточной мере искусственным, именно потому, что Россия в эпоху заключения Версальского договора вообще в коалиции не участвовала. Впрочем, эта ликвидация взаимных счетов, вызванных войною, не закончена и потребует особых соглашений, о которых вскользь упоминается в договоре и которые должны быть заключены на основах взаимности. В частности, сюда относится и вопрос, по которому велся ряд сношений между Германией и Р. С. Ф. С. Р: вопрос, о судьбе попавших под власть другой стороны коммерческих судов.

Напротив того, настоящий договор ликвидирует взаимные счета за содержание военнопленных. Эта статья представляет достаточно резкий контраст с статьями 214—217 Версальского договора, по которым все расходы по репарации падают на Германию и определяются особой комиссией военнопленных. Сюда же относятся и расходы за интернированные в Германии части Красной Армии—очевидно, разумеются части, перешедшие германскую границу во время русско-польской войны (корпус Гая), а с другой стороны Россия отказывается от возмещения суммы, вырученных продажей военного имущества, ввезенного в Германию этими интернированными частями. Следовательно, здесь не нужно никаких дальнейших соглашений, и наследие войны ликвидируется полностью.

Особый интерес, в связи с Генуэзской конференцией, представляла ст. 2, по которой: „Германия отказывается от претензий, вытекающих из факта применения до настоящего времени законов и мероприятий РСФСР к германским гражданам и их частным правам, равно как и к правам Германии и германских граждан в отношении России, а также от претензий, вытекающих из мероприятий РСФСР и ее органов по отношению к германским гражданам, или к их частным правам, при условии, что правительство РСФСР не будет удовлетворять аналогичных претензий других государств". Здесь германские граждане ставятся в сущности в то же положение, как и русские и ни о каком особом возмещении их убытков нет речи. Правда, значение этой жертвы со стороны Германии существенно ослабляется оговоркой относительно претензий других государств. Само собою разумеется, что и без договора, если правительство РСФСР получит от Англии, Франции и Соединенных Штатов отказ от претензий за нарушение имущественных прав их граждан от возмещений за произведенную национализацию, то едва ли и Германия может оказать в этом смысле какое-нибудь сопротивление. Тем не менее, эта статья не безразлична, ибо она свидетельствует о присоединении германского правительства к наиболее благоприятной для РСФСР точке зрения в данном вопросе. Некоторое сомнение возбуждает слово „аналогичный", которое по смыслу отличается от тождественного. Можно понять, что Германия откажется от притязаний, указанных в ст. 2 в случае, если правительство РСФСР получит такой отказ, хотя бы и не в полной мере, от других государств.

Весьма существенной является ст. 4: оба правительства дали согласие в том, что для общего правового положения граждан одной стороны на территории другой и для общего урегулирования взаимных торгово-промышленных и хозяйственных отношений должен действовать принцип наибольшего благоприятствования. Принцип наибольшего благоприятствования не распространяется на преимущества и льготы, которые

РСФСР предоставит другой Советской Республике или государству, которое ранее было составной частью бывшего Российского государства. Подобные оговорки о наибольшем благоприятствовании вообще мы не находим в соглашении 6-го мая, хотя там несколько раз говорится о духе взаимного благожелательства, направленного к развитию экономических и прочих отношений.

Еще недавно в соглашениях и конвенциях оговорка о наибольшем благоприятствовании была совершенно обычна, и государства не опасались ее давать. Сейчас, при неустойчивости политического и экономического положения, дело существенно меняется. Дать другому государству право наибольшего благоприятствования значит связать себя по отношению ко всем другим государствам. Сейчас, в особенности в области международной торговли, чувствуется потребность выступать не огульно, а индивидуализировать свои отношения к каждому из иностранных государств. Рискованно создавать обязательные прецеденты. Вот почему появление сейчас оговорки о наибольшем благоприятствовании есть уже серьезный симптом желания встать именно с данным государством в ближайшие отношения. В особенности это касается России, так как Германия здесь и без того связана Версальским договором. Нужно иметь в виду, что если по отношению к западным государствам у нас существует в общем временныя соглашения, то на востоке достигнуто гораздо более законченная правовая регулировка. Эти договоры с Турцией, Персией, Афганистаном, Монголией несомненно проникнуты мыслью о солидарности России и стран Востока. Есть здесь упоминание и о наибольшем благоприятствовании, главным образом правда, по отношению к гражданам каждой из договаривающихся сторон к другой стране (Персидский договор ст. 18, Турецкий договор ст. 11, Монгольский договор ст. 7), но также, например, и относительно транзита из Персии через Россию (ст. 20). Но существующие договоры с этими странами, являясь весьма важными политическими актами, еще далеко не устанавливают правовых условий для торговых и вообще экономических отношений. Необходимо заключение ряда торговых договоров, и здесь нам придется считаться с оговоркой о наибольшем благоприятствовании, принятом в Рапалльском договоре.

С другой стороны, здесь установлены и пределы наибольшего благоприятствования. Германия не может требовать автоматического распространения на себя льгот и преимуществ, которые РСФСР представляет государству, возникшему на территории бывшей Российской Империи, или другой Советской Республики. Поэтому, во первых, на Германию не распространяются преимущества, которые дает РСФСР государством, как Финляндия, Эстония и т. д. В 13 ст. Русско-Эстонского мирного договора Эстонии дается право наибольшего благоприятствования, но именно в пределах договоров, заключенных с государствами возникшими на довоенной территории России. Поэтому, если преимущества предоставленные Эстонии не могут составлять оснований для анологичных притязаний Германии, то и обратно, преимущества которые даны были бы Германии не создают последствий в порядке ст. 13 Русско-Эстонского договора.

Что касается Советских республик, то они в настоящее время уже об'единяются в некоторую обще-советскую федерацию, или точнее сказать конфидерацию, причем целый ряд важнейших отраслей государственного управления точно также об'единяется. Отношения РСФСР к Украйне и Айзербейджану качественно в правовом смысле иные чем к Польше или Германии. На распространение здесь оговорки наибольшего благоприятствования уже утверждалась в Русско-Персидском договоре (ст. 20).

Наконец, ст. 5-ая говорит о доброжелательном духе, в котором оба правительства будут идти навстречу друг другу к удовлетворению взаим-

ных хозяйственных потребностей. „В случае принципиального урегулирования этого вопроса", говорится там, „на международном базисе они вступают между собою в предварительный обмен мнений", Германское правительство об'являет о своей готовности оказать возможную поддержку сообщенным ей в последнее время проектируемым частными фирмами соглашениям и облегчить проведение их в жизнь". Эта статья не имеет в строгом смысле, правового значения. Слова „принципиальное урегулирование этого вопроса на международном базисе остается неопределенным". Имеется ли здесь в виду некоторое общее международное соглашение, которое стояло перед Генуэзской Конференцией и о которой теперь будут вестись переговоры в Гааге. Но эта статья важна, как выражение готовности Германии содействовать экономическому сближению с Россией поддержкой конкретных соглашений, которые исходят от частных фирм. Здесь нет прямого обязательства, но современное международное право и не требует в этом отношении слишком формальных утверждений: достаточно, что здесь констатируется воля правительства идти по определенному пути, выражена. Таково содержание этого договора, который целиком вступит в силу после ратификации, но который уже вступил в силу немедленно после подписания по отношению к ст. 2, 3 и 5-ой. Можно сказать, что юридически он беден содержанием и как будто не соответствует тому волнению, которое он вызвал и среди участников Генуэзской Конференции, и в прессе задержав согласия, но важность дипломатических актов не может быть измеряема их юридической содержательностью. Они являются, прежде всего, символами сохранения старых или избрание новых путей в международной политике государства. Теперь, когда все еще так темно, и проторенные пути внезапно оказываются оборванными, эти символы становятся особенно существенными. А главное, Рапалльский договор, несомненно устраняет различные препятствия к экономическому сотрудничеству двух стран, которые обе имеют достаточные мотивы этим сотрудничеством интересоваться.

С. А. Котляревский.

Уголовный кодекс Р.С.Ф.С.Р. и германский проект уголовного уложения.

(Параллели).

I. Историческая справка об их происхождении.

Перед нами русский Уголовный Кодекс 1922 г. и германский проект уголовного уложения 1919 г.

Кодекс наш явился плодом недолгой работы. После октябрьской революции первоначально принципиально отрицалась необходимость и самая возможность составления уголовного кодекса. В докладе, представленном 23 апреля 1918 г. Всероссийскому С'езду Губернских и Областных Комиссаров юстиции на тему: „Пролетарская революция и уголовное право", М. Ю. Козловский выставил такие положения: „установить наперед детальный план мер борьбы с преступлением, сводить их в кодекс сейчас—значило бы измышлять более или менее остроумную утопическую систему"; „так называемая кодификация уголовного права во время социалистической революции—напрасный труд". В то время казалось, что отсутствие кодекса не должно вызвать никаких затруднений: „необходимо предоставить революционным массам самим проявить правотворчество" [1].

Через два года эти тезисы превратились прямо в противоположные. Тот же М. Ю. Козловский на 3-м с'езде деятелей юстиции 28 июня 1920 г. говорил в докладе о проекте уголовного кодекса: " Несомненно, что кодекс должен иметь место. Мы должны его принять потому, что мы не можем стоять на той точке зрения, что каждый судья, каждый районный совнарсуд разрешает тот или иной вопрос о тех или других преступлениях, по своему реагируя на них" [2]. Необходимость уголовного кодекса была признана и С'ездом; не разрешенным остался только вопрос, должны ли быть в этом кодексе установлены каратедьные санкции, или он должен заключать в себе только перечень преступлений" [3]. Тот же С'езд наметил, по докладу М. Ю. Козловского, и схему уголовного кодекса [4]. После этого начались подготовительные работы по составлению кодекса. В VII выпуске „Материалов Народного Комиссариата Юстиции" (1920 г.) был напечатан выработанный Комиссией Общеконсультационного Отдела Народного Комиссариата Юстиции „Проект общей части уголовного кодекса для Р.С.Ф.С.Р.", в X выпуске—проект особенной части кодекса, составленный той же комиссией, а в № 15 журнала „Пролетарская революция и право" (дек. 1921 г.) — „Проект общей части уголовного кодекса Р. С. Ф. С. Р.", выработанный Институтом Советского Права. Наконец, 4-му всероссийскому с'езду деятелей Советской юстиции, состоявшемуся 26—30 января 1922 г., Комиссариатом Юстиции был предложен в законченном виде проект „Уго-

---

[1]) „Пролетарская революция и право", 1918 г. № 1, стр. 27.

[2]) Материалы Народного Комиссариата Юстиции, вып. XI—XII, стр. 73—74.

[3]) См. резолюции III Всероссийского С'езда Деятелей Советской Юстиции № 1 1920, стр. 5.

[4]) Ibid стр. 17.

левного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.". С'езд нашел, что проект „пролагает новые пути в области уголовного законодательства, учитывает 4-летний опыт работы советских судов, отвечает требованиям науки и практическим задачам переживаемого периода пролетарской революции, однако, „нуждается в исправлениях и дополнениях и в общей и в особенной его части [1]).

Во исполнение этой резолюции с'езда, проект был подвергнут новой переработке. В этой новой редакции проект был внесен в Совнарком, как значится на его последнем издании, в феврале 1922 г. и, наконец, с некоторыми изменениями был принят Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом. В № 15 „Собр. узак. и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства" за 1922 г. Уголовный кодекс Р.С.Ф.С.Р. опубликован вместе с постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета о введении его в действие на всей территории Р.С.Ф.С.Р. с 1-го июня 1922 г.

Гораздо более длительна история германского проекта. Она ведет свое начало от 1902 г., когда имперским министром Нибердингом были предприняты шаги к общей реформе уголовного законодательства. Основа для реформы была заложена монументальным коллективным трудом: „Сравнительное изложение германского и иностранного уголовного права". Одновременно с окончанием этого труда в 1909 г. был опубликован проект германского уложения о наказаниях, выработанный составленной для этого комиссией под председательством прусского министра юстиции д-ра Лукас. Проект вызвал обширную критическую литературу и появление контр-проекта, составленного профессорами Калем, Лилиенталем, Листом и Гольдшмидтом. Проект, контр-проект и критические отзывы печати послужили основой для выработки нового проекта, над которым работала в течение 1911—13 г. особая комиссия по уголовному праву, составленная из представителей практической и теоретической юриспруденции с привлечением к рассмотрению отдельных вопросов представителей других специальностей. Комиссия не успела опубликовать своего проекта, так как работы по составлению об'яснительной записки к нему, которая должна была быть опубликована вместе с проектом, были прерваны войной. Только в 1918 г. реформа уголовного законодательства была вновь поставлена на очередь. Небольшому числу юристов — практиков было поручено подвергнуть пересмотру предположения комиссии по уголовному праву. Так как работа, предпринятая во исполнение этого поручения, продолжалась с 15 апреля 1918 г. по 21 ноября 1919 г., т. е. в течение времени, совершенно исключительного в жизни Германии, когда она проиграла свою войну и когда рушились старые устои ее государственного строя, то, естественно, что пересмотр комиссионного проекта привел к составлению нового проекта. Этот новый проект (1919 г.), хотя и опубликованный по распоряжению германского министерства юстиции, подобно проекту комиссии по уголовному праву, не имеет оффициального характера и, следовательно, знаменует собою только один из этапов подготовительной работы к реформе уголовного законодательства.

II. Система построения кодексов.

I.

Начать сопоставление нашего кодекса и германского проекта естественно с внешней стороны—со стороны системы их построения.

---

[1]) Резолюции IV Всероссийского С'езда Деятелей Советской Юстиции М., 1922 г., стр. 4.

Система, принятая проектом нашего уголовного кодекса, могла бы быть охарактеризована, как система единого (всеобъемлющего) уголовного кодекса. Он задавался целью об'единить в одно целое все нормы, снабженные карательною санкциею. Этим он существенно отличался от германского проекта; последний, с одной стороны, сам распадается на два самостоятельных кодекса законов: на кодекс законов о преступлениях и проступках („Verbrechen" и „Vergehen") и кодекс законов о наказуемых правонарушениях („Uebertretungen"), с другой стороны, не включает в себя специальных законов о воинских преступлениях и не задается задачей охватить все так наз. Nebengesetze—уголовные законы, угрожающие наказаниями за нарушение различных специальных уставов и положений.

При окончательной редакции нашего кодекса произошло сужение его задачи: было признано целесообразным сохранить возможность издания административных постановлений с наложением административных же взысканий за их нарушения, [1]) вследствие чего большинство постановлений, ранее помещенных в главе VIII („Нарушение правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и публичный порядок"), были из нея исключены.

Тем не менее и теперь указанные черты различия нашего Кодекса и германского проекта остались.

Начнем с первого различия. Германский проект распадается на две части: одна—о преступлениях и проступках, другая—о наказуемых правонарушениях; каждая из книг имеет свои общую и особенную части. Наш Кодекс относит одну общую часть к постановлениям о всех наказуемых деяниях без различия степени их важности. Такое подразделение материала обычно и для зап.-европейских законодательств; напротив, необычно то, которое установлено германским законодательством. Но содержа в себе только одну общую часть, западно-европейские кодексы в пределах самой этой части дифференцируют постановления, давая особые определения, относящиеся к маловажным наказуемым деяниям. Из более новых западно-европейских законодательств так, напр., поступает норвежское (1902 г.), имеющее две особенных части (одну, посвященную преступлениям, другую-проступкам), но одну общую часть; так поступало и наше Уголовное Уложение 1903 г. (имевшее, однако, одну особенную часть). Как на пример того, каким образом постановления общей части могут и должны быть дифференцируемы применительно к преступлениям большей или меньшей важности, сошлемся хотя бы на ст. 49 Угол. Улож., предусматривавшую, что покушение на тяжкие преступления наказуемо всегда, на преступления (т. е. наказуемые деяния средней важности) лишь в случаях, особо предусмотренных законом, покушение же на проступки не наказуемо (ср. § 49 Норвежского Общегр. Угол. Кодекса). Примеров аналогичных постановлений можно было бы привести много. Ничего подобного не дает, в своем стремлении к упрощенности Уголовный Кодекс Р. С. Ф. С. Р. Он, напротив, устанавливает принцип равной (по общему правилу) наказуемости совершенного преступления и покушения на него (ст. 14)—и, следовательно, требует наказания за покушение на самые незначительные проступки. Этому указанию может быть противопоставлено предположение о наделении органов преследования правом воздерживаться от преследования мало значительных проступков, но пользование таким правом, чтобы не превратиться в произвол, может быть допущено только, как исключение, а между тем ненаказуемость покушений на незначительные проступки должна составлять правило, ибо, как верно

---

[1]) О мотивах, по которым это было сделано, дают основание судить произнесенные в III сессии ВЦИК речи Болобородова и Тера (см. Изв. ВЦИК от 17 мая 1922 г.).

замечают составители германского проекта 1919 г., „ничто не умаляет в большей мере влияния уголовных законов, чем излишество уголовных угроз и наказаний" (стр. 9 об'ясн. записки) — излишество не только в размере их, но и в их количестве. Другой пример, иллюстрирующий то-же неудобство, проистекающее от излишней упрощенности общей части уголовного кодекса, вернее, невозможность доведения этой упрощенности до неразличения важных преступлений и маловажных проступков: по ст. 2 нашего кодекса, действие его распространяется на граждан Р. С. Ф. С. Р. и в том случае, когда преступные деяния совершены ими за пределами Республики. Не говоря уже о том, что при этом нигде не выражен принцип „ne bis in idem" [1]), по точному смыслу ст. 2, русский гражданин, учинивший за-границей самый незначительный полицейский проступок, предусмотренный Уголовным Кодексом Р. С. Ф. С. Р., должен быть за него подвергнут наказанию по возвращению в Россию, если только со времени учинения проступка не протечет давностного срока.

Переходим к следующему различию в построении германского проекта и русского кодекса.

Наш Кодекс включает в себя, как законы об общегражданских преступлениях, так и законы о воинских преступлениях (гл. VII), как законы, предусматривающие нарушения общих норм, так и законы, угрожающие наказанием за нарушение различных специальных уставов и положений („Nebengesetze").

Включая в общий Уголовный Кодекс постановления о воинских преступлениях, его авторы лишь завершили, довели до конца ту тенденцию, которая, по компетентному свидетельству проф. В. Д. Кузьмина-Караваева, существовала у нас всегда: тенденцию „установить единство начал законов военных и общих". „При первоначальном издании каждого нового сборника,—констатирует тот же автор,—оно всегда принималось во внимание: но дальнейшее развитие военного законодательства не шло параллельно с развитием общего, и потому единство начал с течением времени также всегда разбивалось" [2]). Конечно, слить военно-уголовный кодекс с общим возможно лишь в том случае, если законодатель признает положения общей части общегражданского кодекса целиком применимыми и к воинским преступлениям. На эту точку зрения и встали с большею решительностью, чем их предшественники, составители рассматриваемого проекта. Если бы они хотели мотивировать свой взгляд, то они не могли бы сделать ничего лучшего, как повторить соображения, занесенные в журнале заседаний совещания 1865 г. по рассмотрению общей части проекта Воинского Устава о наказаниях. Вот эти с большою убедительностью изложенные соображения: „В общей части каждого уголовного кодекса выражается взгляд законодателя на относительное достоинство различных систем и теорий уголовного права, определяются те коренные начала справедливости, на которых законодатель желает установить отправление уголовного правосудия—одним словом, высказывается разум всего уголовного законодательства в данную эпоху. Очевидно, что в одном и том же государстве, в одно и то же время двух подобных общих частей существовать не должно. Иначе законодательство было бы в разладе с

---

[1]) В Уголовном Уложении он был оговорен в ст. 10-й. По Угол. Улож. маловажные преступления («простуики»), учиненные вне пределов России должны были караться в России лишь при условии, если наказуемость их предусмотрена заключенным Россией с иностранным государством международным договором (2 п. 9 ст. Угол. Улож.).

[2]) В. Д. Кузьмин-Караваев, Военно-Уголовное право, 1895 г., стр. 123.

самим собою по самым основным и жизненным вопросам, на которые, оставаясь последовательным, нельзя дать два различных ответа" [1]).

Составители германского проекта отстранили от себя задачу переработки, для включения в проект, всех „дополнительных уголовных законов" (если так перевести немецкий термин „die strafrechtliche Nebengesetze"). Они полагали, что уголовный кодекс должен поставить под охрану карательной санкции в ясной, легко обозримой форме и в рассчете на долгое время основы государственного общежития; эта цель может быть достигнута только в том случае, если границы особенной части точно определены, и если в нее включены только такие вопросы, в решении которых нельзя предвидеть в близком будущем изменений; иначе уголовный кодекс не будет свободен от случайных пробелов и будет нуждаться в частых изменениях отдельных его статей и в дополнениях.

Переходное время наименее благоприятное время для кодификации дополнительных уголовных законов. На наших глазах менялось представление о важности тех или других специальных правил, а следовательно, и их нарушений. Тем не менее, составители нашего уголовного кодекса, повидимому, задались целью предусмотреть все возможные нарушения установленных законодателем специальных правил: по крайней мере, Кодекс предусматривает нарушение законов и обязательных постановлений о ввозе за границу или провозе за границу товаров (ст. 97), нарушение законов и обязательных постановлений, установленных в интересах охраны лесов (ст. 99), нарушение установленных Кодексом Законов о труде и Общим Положением о тарифе правил, направленных к охране труда (ст. 132) [2]), нарушение положений, регулирующих проведение в жизнь государственных монополий (ст. 136) и многие другие нарушения, которые, если согласиться с соображениями, изложенными в об'яснительной записке к проекту Германского Уложения, главным образом, в виду изменчивости их значения, было бы правильнее предусмотреть в качестве „дополнительных уголовных законов".

Но в одном отношении содержание нашего кодекса уже содержания германского проекта, а именно: в то время, как германский проект содержит в своей общей части особый отдел (§§ 129-137), посвященный несовершеннолетним (Kinder und Jugendliche), общая часть нашего кодекса ограничивается двумя явно недостаточными статьями об ответственности несовершеннолетних, находящимися притом в разных отделах (ст. 18 в отделе „Общие начала применения наказания" и ст. 56 в отделе „Порядок отбывания наказания"). Кодекс оставил даже открытым вопрос, применимы ли к несовершеннолетним, в отношении которых не признано возможным ограничиться мерами медико-педагогического воздействия, те же самые меры репрессии, какие предусмотрены в отношении взрослых (вплоть до расстрела).

---

[1]) Цит. по наз. соч. Кузьмина-Караваева, стр. 129.

[2]) При прочтении настоящего доклада в собрании Моск. Юрид. Общества докладчику было сделано возражение, что Угол. Кодекс Р. С. Ф. С. Р. страдал бы очевидным пробелом, если бы он не предусматривал посягательство на интересы труда. Автор напротив, полагает, что именно эти посягательства, оценка которых может меняться в зависимости от направления экономической политики государственной власти (быть может, становиться строже вместе с расширением поля деятельности для частной предпринимательской инициативы), было бы уместнее предусмотреть наряду со специальными правилами, устанавливаемыми в интересах охраны труда. Такова точка зрения и составителей германского проекта, которая, конечно, в этом случае не может считаться вполне бесспорной.

II.

В Германском проекте общая часть (1-ой книги) распадается на разделы, из которых пять посвящены преступлению. В общей части нашего Кодекса совсем нет раздела, посвященного преступлению; за исключением короткого 1-го раздела, устанавливающего пределы действия Уголовного Кодекса, все остальные четыре раздела посвящены наказанию. Их названия: „общие начала применения наказания", „определение меры наказания", „роды и виды наказаний и других мер социальной защиты", „порядок отбывания наказания". Это не значит, конечно, чтобы в Кодексе совсем не было постановлений о преступлении; он даже пытается дать материальное определение преступления (ст. 6) в отличие от германского проекта, который ограничивается его формальным определением (§ 7), но как определение преступления, так и другие постановления, касающиеся преступления, наш Кодекс относит к общим началам применения наказания. Это перенесение центра тяжести на наказание об'ясняется, вероятно, с одной стороны, отрицательным отношением к тому направлению в уголовном праве, которое, трактуя преступление, как „юридическую сущность" (als juridische Wesenheit), уделяло иногда преувеличенное внимание его анализу, а с другой, высказываемым и в научной литературе соображением, что основным для уголовного права является понятие наказания, а не преступления, которое составляет, как говорят, переводя немецкое „Voraussetzung", лишь „предположение" наказания. [1]).

Нельзя, однако, не отметить, что концепция уголовного права, отодвигающая понятие преступления, как понятие производное, на задний план, соответствует отрицательному отношению к самой возможности дать определение преступления по существу и убеждению, что мыслимо только формальное определение его, как *наказуемого* деяния, и, напротив, с гораздо меньшим основанием усваивается законодателем, который, как авторы Угол. Кодекса Р. С. Ф. С. Р., считает возможным дать определение самой природы преступления.

Скудость постановлений о преступлении в нашем кодексе, по сравнению с германским, сказалась отсутствием в нем указаний по ряду вопросов, разрешенных германским проектом, каковы, напр., вопросы о месте и времени совершения преступления (§ 7 герм. проекта), о значении фактической и юридической ошибки в преступлении (§§ 11, 12), об условиях, делающих оборону необходимой (§ 21; ср. ст. 19 нашего Кодекса, которая не дает указаний на начальный и предельный моменты необходимой обороны.).

III.

Особенная часть первой книги германского проекта содержит в себе 36 разделов, особенная часть нашего кодекса, за исключением из нея главы о воинских преступлениях и главы о „нарушении правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и публичный порядок", соответствующей 2-ой книге германского проекта, содержит в себе шесть глав. Из этого чисто внешнего сопоставления, разумеется, еще неправильно было бы сделать заключение о том, что большое число преступлений авторами нашего кодекса оставлено без внимания: постановления нашего кодекса могли быть шире по содержанию и могли быть распределены под менее дробными рубриками. Последнее предположение действительно

---

[1]) Ср. проф. А. А. Жижиленко, Наказание, Петрг., 1914 г., стр. 4—5; также диссертации проф. С. П. Мокринского, «Наказание, его цели предположения».

находит себе подтверждение при ближайшем рассмотрении Кодекса: так, под рубрикой „о преступлениях против порядка управления" оказываются предусмотренными преступления, которые в германском проекте предусмотрены под рубриками: „нарушение общественного порядка"; „неповиновение государственной власти"; „противодействие правосудию"; „подлог"; „подделка денежных знаков"; „общественные деяния"; „общевредное поведение". Однако, несомненно, что целые группы деяний, которые привлекают внимание всех уголовных законодателей, в Кодексе Р. С. Ф. С. Р. остались не предусмотренными.

Остановимся хотя бы на государственных преступлениях, занимающих первое место в особенной части Кодекса. После долгого процесса дифференциации прежде весьма неопределенного об'екта государственных преступлений, в современной науке и в современных законодательствах различаются следующие три группы этого рода преступлений: 1) посягательства на внутренние основы данного государства, а именно на самую государственную организацию, на целость государственной территории и на носителей государственной власти; 2) посягательства на внешнюю безопасность государства; 3) посягательства на иностранное государство [1]). Из различных групп государственных преступлений Кодекс уделяет большое место преступлениям, которые он называет контрреволюционными, интересуется преступлениями, подходящими под понятие государственной измены, лишь поскольку по цели или по возможным последствиям они совпадают с первыми, т. е. также являются „контр-революционными преступлениями"; вовсе не предусматривает преступлений против избирательного права [2]), из группы же посягательств на иностранное государство кодекс предусматривал только под рубрикой „иные посягательства на личность и ее достоинство" оскорбление, нанесенное дипломатическому представителю иностранного государства (ст. 167); в окончательной же редакции кодекса и это преступление не предусматривается—очевидно, вследствие возражений, представленных в III сессии В. Ц. И. К. [3]).

Только для примера мы остановились на государственных преступлениях, но такие же или еще более значительные пробелы можно было бы указать и в отношении других преступлений. Опять таки только в виде примера укажем подлог. В Уголовном Уложении 1903 г. была целая глава, посвященная подлогу. Германский проект уделяет ему особый отдел (14 Abschnitt). Рассматриваемый же кодекс Р.С.Ф.С.Р. обходится четырьмя статьями, помещенными под разными рубриками (ст. 85 и 96 под рубр. „О преступлениях против порядка управления", ст. 116 под рубр. „Должностные преступления", ст. 189 под рубр. „Имущественные преступления"); в результате оказались не предусмотренными употребление документа, подделанного другим лицом, заведомо ложное удостоверение перед подлежащею властью обстоятельства, которое должно быть внесено в составляемый властью акт [4]) (ср. ст. 445 Уг. Улож.), некоторые случаи приготовления к подлогу, которые не без основания квалифицируются положительными законодательствами, как самостоятельные преступления, как-то: подделка бланков, которые употребляются для оффициальных документов, печатей, бумаги особого качества, если таковая требуется для изготовления известного рода документов, (ср. ст. 452 Угол. Улож. 1903 г., § 241 германского проекта 1919 г).

---

1) Об'яснения к проекту Угол. Улож., 1895 г. т. II, стр. 1—11.

2) Некоторые криминалисты (напр., проф. Познышев) трактуют эти преступления не в числе государственных преступлений, а р я д о м с ними.

3) См. замечания Ларина и Гойхбарга в заседании 15 мая с. г. „Изв. ВЦИК" № 108.

4) Предусмотрен только частный случай дачи ложных сведений органам, ведущим регистрацией актов гражданского состояния (ст. 96).

На счет малочисленности подразделений особенной части нашего Кодекса следует, повидимому, отнести и иногда разительное несоответствие между содержанием того или иного постановления и тою рубрикой, под которой постановление помещен. Так, напр., в главе „Нарушения правил об отделении церкви от государства„ предусмотрены и притом на первом месте такие преступления, как „использование религиозных предрассудков масс с целью свержения рабоче-крестьянской власти" (ст. 119) и „совершение обманных действий с целью возбуждения суеверия в массах населения, а также с целью извлечь таким путем какие либо выгоды" (ст. 120). В опубликованном 23 января 1918 г. декрете Совета Народных Комиссаров об отд. церкви от государства нельзя найти ни одного постановления, к которому бы приведенные постановления Угол. Кодекса относились, как санкция к своей норме, да и само собою понятно, что совершение обманных действий с целью возбуждения суеверия и извлечения таким путем выгоды не имеет никакого отношения к принципу взаимного невмешательства государства в дела церкви и церкви в дела государства.

Наш Кодекс отличается не только малочисленностью глав особенной части, но и малочисленностью статей. Этой особенности Народный Комиссар Юстиции в речи, произнесенной 26 января при открытии IV Всероссийского С'езда Деятелей Советской Юстиции, придал особо положительное значение. „В основу Кодекса, говорил он, положен принцип оставления места для народного правотворчества представлением суду права в известных случаях вносить коррективы, и в то время, как буржуазные кодексы насчитывают тысячи статей, Уголовный Кодекс Р.С.Ф.С.Р. будет заключать не более 200 статей [1]). Это ожидание Народного Комиссара не вполне оправдалось: Проект заключает в себе все-таки 227 статей. Самое сопоставление нашего проекта с другими кодексами не вполне точно: наше Угол. Улож. 1903 г. имело в себе не тысячи, а только 687 статей, в Норвежском Общегражданском Уголовном Законе их—435, и также 435 в проекте германского уголовного кодекса 1919 г. Из предыдущего же изложения видно, что относительная краткость Угол. Кодекса Р. С. Ф. С. Р. достигнута, если не всецело, то отчасти ценою заметных пробелов и находит себе об'яснение—опять таки не всецело, но в значительной мере—в далеко несовершенной разработке проекта.

IV.

Русский кодекс и германский проект составляют плод революции, развернувшей, как у нас в России, так и в Германии знамя с лозунгами преобразований не только политического, но и социального строя. Однако, известно, что в Германии лозунг социальной революции скоро отошел на задний план. Первоначальный проект германской конституции, выработанный проф. Preuss'ом, не заключал в себе даже вовсе социально-политической части и только позднее в нее был включен особый раздел, посвященный организации хозяйственной жизни (в результате чего германская конституция распадается как бы на две: „Staatsverfassung" и „Wirtschaftsverfassung"). Что же касается германского проекта уголовного уложения 1919 г., то в самой схеме проекта совсем не нашли себе отражения перемены в системе социальных и экономических отношений. В частности, составители проекта намеренно не включили в проект постановлений о преступлениях, связанных с „системой принудительного хозяйства" (das System der Zwangswirtsshaft), считая, что к этой системе и постановлениям о преступлениях, затрудняющих ее проведение, предстоят еще „длительные колебания" [2]).

---

[1]) Изв. В. Ц. И. К., 1922 г. № 21.
[2]) Denkschrift zu dem Entwurf von 1919, s. 32.

Напротив, русскому кодексу была поставлена задача сделать, как говорил докладчик (М. Ю. Козловский) на 3-ем с'езде деятелей юстиции, новые экономические отношения „более выпуклыми“ [1]). В осуществление этой задачи в схему угол. уложения 3-м с'ездом деятелей юстиции была включена особая часть: „Преступления, направленные против организации производства и распределения“ [2]). Отнесенные сюда, по намеченной 3-м с'ездом схеме, группы преступлений частью отошли к главе „о преступлениях против порядка управления“, а частью составили особую главу, названную „Преступления хозяйственные“ (составители кодекса не почувствовали, что этот заголовок звучит по русски неизмеримо лучше, чем выражение „преступная география“, которым некий переводчик передал „la géographie criminelle“ в русском переводе книги Тарда „Сравнительная преступность“).

При ближайшем рассмотрении содержания этой главы остается совершенно непонятным, почему одни из преступлений против данных экономических условий общежития трактуются как „преступления хозяйственные“, а другие—как преступления против порядка управления, почему напр., „нарушение положений, регулирующих проведение в жизнь государственных монополий“ (ст. 136) есть „преступление хозяйственное“, а „неплатеж отдельными гражданами в срок или отказ от платежа налогов, денежных или натуральных“ (ст. 79) составляет преступление против порядка управления, хотя оба преступления нарушают нормы, направленные к обеспечению государства нужными ему средствами? почему отказ „от выполнения повинностей или производства работ, имеющих общегосударственное значение“ (ст. 79) есть преступление против порядка управления, а „самовольное оставление работы, выполняемой в порядке трудовой мобилизации“, (ст. 126) составляет „хозяйственное преступление“, хотя несомненно, что такое оставление работы также подходит или может подходить под понятие преступления против порядка управления, как оно определено в ст 74 („преступлением против порядка управления признается всякое деяние, направленное к нарушению правильного функционирования подчиненных органов управления или народного хозяйства, сопряженное с неповиновением законам Советской власти...) Последнее недоумение не рассеивается и предположением, что „оставление работы, выполняемой в порядке трудовой мобилизации“ только тогда, и именно тогда составляет „хозяйственное преступление“, когда оно не осложнено квалифицирующим деяние признаком, который состоит в отказе от такой работы, которая имеет общегосударственное значение. Такое предположение должно быть устранено потому, что 2 ч. 126 ст. предусматривает в качестве „хозяйственного преступления“ даже „трудовое дезертирство, сопряженное с ущербом для обороны страны“, т. е. уже несомненно уклонение от производства таких работ, которые имеют общегосударственное значение.

V.

В заключение очерка системы построения нашего Уголовного Кодекса укажем, что Кодекс делает попытку выделить в особую главу полицейские проступки, караемые преимущественно или только штрафом или штрафом альтернативно с другим наказанием. В этом отношении наш Кодекс сходен с проектом германской комиссии уголовного права 1919 г., в об'яснительной записке к которому необходимость более последователь-

[1]) Материалы Нар. Ком. Юст., вып. XI—XII, 1921 г. стр. 74.
[2]) См. резолюции 3-го Всероссийского С'езда Деятелей Юстиции, 1920 г.

ного, чем когда либо, проведения грани между уголовной и полицейской неправдой мотивируется тем, что расточительность в сфере репрессии во время войны, когда за деяния, которые с точки зрения народного правоощущения представляются не более, как нарушениями порядка, законодатель угрожал карами, как за настоящие преступления (второй степени важности), привела к ужасающему падению правового чувства: не полицейские правонарушения стали казаться более важными, а наоборот, преступления потеряли в своем значении в общественном правосознании; этому последствию, по мнению авторов об'яснительной записки, можно противодействовать только путем величайшей экономии в определении уголовных санкций—экономии, требующей чтобы уголовными преступлениями и проступками считались (в отличие от полицейских правонарушений) только такие, которые, согласно народному правосознанию, должны иметь своим последствием, по крайней мере, по общему правилу тяжкое наказание, в особенности, наказание лишением свободы (стр. 9). Однако, последовав примеру германского проекта в выделении в самостоятельную главу всех полицейских проступков, независимо от их об'екта, наш Кодекс не последовал за германским проектом, как уже отмечено выше, в другом отношении: он распространил на полицейские проступки общее для всех преступлений, независимо от их тяжести, начала применения наказания.

Настоящий очерк посвящен обозрению Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. с внешней стороны. Наш следующий очерк будет уже посвящен одной из его основных идей.

Н. Полянский.

Восстановление прокуратуры.

(Окончание статьи „Проект восстановления прокуратуры“ [1]).

Декрет о прокурорском надзоре, опубликованный 16 июня тек. года, явился результатом длительной и энергичной борьбы двух мнений, проявившихся на IV с'езде деятелей Советской Юстиции и в III сессии В. Ц. И. К. Он вводит в нашу судебно-административную систему единую, сильную и независимую от местных органов государственную прокуратуру. Во главе ее ставится Прокурор Республики, должность которого сливается с Народным Комиссаром Юстиции, и который является членом Президиума В. Ц. И. К. В его распоряжении имеются помощники, утверждаемые президиумом В. Ц. И. К. по его представлениям. Один из помощников состоит при Верховном Требунале В. Ц. И. К., и ему подчиняются военные прокуроры, состоящие при реввоентрибуналах и военно-транспортных ревтрибуналах. Как прокурор Республики, так и его помощники могут быть отзываемы Президиумом В. Ц. И. К. В отношении местных прокуроров и их помощников право отзыва, увольнения и перемещения принадлежит прокурору Республики. Прокурор Республики наблюдает за деятельностью всех наркоматов и иных центральных учреждений и организаций и, в случае издания ими незаконных распоряжений или постановлений, предлагает им об отмене таковых или входит с обжалованием их в Президиум В. Ц. И. К. или Сов. Нар. Ком. Он руководит деятельностью всей прокуратуры и дает ей указания по всем возникающим в практике вопросам, а в случаях, когда он то признает необходимым, принимает на себя исполнение любой из обязанностей подчиненных ему прокуроров. В автономных советских республиках прокурор назначается Ц. К. соответственной республики, но в вопросах общефедерального законодательства эта прокуратура подчинена и подотчетна Прокурору РСФСР. Что касается автономных областей, то здесь прокуратура организуется совершенно на тех же началах, как и общая губернская, и всецело подчинена Прокурору Республики. В помощь ему назначаются помощники по представлению местного прокурора, распределяющие между собою обязанности; эти обязанности распадаются на административные и судебные. К числу первых относится: предложение губисполкомам об отмене или изменении изданных ими или подчиненными им органами несогласных с законом распоряжений и постановлений и опротестование таких постановлений и распоряжений в Совнарком или Президиум ВЦИК через Прокурора Республики, а также осуществление надзора от имени государства за законностью действий всех органов власти, хозяйственных учреждений, общественных и частных организаций и частных лиц. К числу обязанностей *судебных* относится: 1) возбуждение преследования против виновных в нарушении законов; 2) непосредственное наблюдение за деятельностью следственных органов и органов дознания в области раскрытия преступлений, а также наблюде-

[1]) См. № 1 «Право и Жизнь», стр. 83.

ние за деятельностью Госполитуправления; 3) поддержание обвинения на суде и 4) наблюдение за правильностью содержания заключенных под стражу. Эти обязанности осуществляются как самим прокурором лично, так и через его помощников. Личное участие прокурора предусматривается лишь в тех случаях, когда того потребуют органы Госполитуправления в виду особо-секретного характера дела. Обязанности прокуроров и их товарищей в судебной области довольно подробно развиваются в 8-ми пунктах ст. 13, где мы встречаем указания на возбуждение обвинения, надзор за дознанием и предварительным следствием, составление обвинительных актов и внесение их в суд, участие в обсуждении вопроса о предании суду, поддержание обвинения на суде, и наконец, опротестование приговоров и определений суда как в кассационном порядке, так и в порядке высшего судебного контроля. Отчет о своей деятельности губернский прокурор представляет Прокурору Республики и в губисполком каждые три месяца.

Относительно рассматриваемого декрета сделаем сначала несколько чисто редакционных замечаний. Так ст. 1, в сущности, повторяет ст. 2, давая ряд детальных характеристик формы участия прокурора в уголовном процессе, место которым в уставе угол. судопр.; вне связи с последним эти указания неясны и неполны. [1]) Здесь достаточно было бы указать, что обязанности прокуроров и их товарищей в области судебных действий определяются процессуальным уставом. Судебные обязанности прокуратуры неточно характеризуются как обязанности „в области борьбы с преступностью". Выступая в суде уголовном, прокурор не столько борется с преступностью (это дело милиции и исполнительных органов), сколько осуществляет государственный интерес поддержания силы судопроизводственных и уголовных законов. Ему вручены многочисленные права не только в целях репрессии, но и в целях ограждения невинности граждан (см. хотя бы п. 3 ст. 13).

Организация прокуратуры проникнута строгой иерархией с преобладанием роли Прокурора Республики над рекомендациями местных органов власти при выборе кандидатов. В назначении прокуроров на местах дан также слишком резкий перевес единоличной воле Прокурора Республики, а для назначения товарищей прокурора—представлениям местных прокуроров. Прокуроры и их товарищи смещаются Прокурором Республики (ст. 6). На ряду с смещением декрет предусматривает и „отзыв" помощников Прокурора Республики и местных прокуроров. Он, повидимому, аналогичен праву отзыва судей. Тем самым прокуратура ставится в зависимость от высшего административного органа (Президиума ВЦИК), перед которым она несет скорее политическую, чем дисциплинарную ответственность. В подробностях порядок отзыва остается совершенно не урегулированным. Не определен также порядок дисциплинарной ответственности представителей прокуратуры, не оговорен: он, повидимому, будет совпадать с порядком иерархии. Исключительно в руках Прокурора Республики, очевидно, будет находиться и право возбуждения судебного преследования против злоупотребляющих властью прокуроров и предание их суду. При сосредоточении такой громадной власти в руках высших представителей прокуратуры по отношению к низшим трудно надеяться, что представители прокуратуры, выступая на суде, смогут сохранить за собою свободу убеждения. Участвуя в суде в качестве непосредственных проводников во-

[1]) В настоящее время «Уголовно-процессуальный кодекс Р. С. Ф. С. Р.» опубликован. Статьи о прокуратуре имеются в различных отделах кодекса, которому „Право и Жизнь" и уделит должное внимание.

Примечание редакции.

ли центральной власти, местные прокуроры и их товарищи смогут оказывать чрезмерно сильное давление на судей, не пользующихся независимостью и несменяемостью. Улучшить это положение можно было бы не созданием несменяемой прокуратуры, как то было во Франции в первые годы Революции, а большим укреплением служебного положения прокуроров и их товарищей. При отделе прокуратуры НКЮ желательно было бы создать Дисциплинарный Совет Прокуратуры, в состав которого входили бы и отдельные судьи Верховного Трибунала и Высшего Судебного Контроля, от него должно зависеть как назначение более тяжких дисциплинарных взысканий, так и отстранение местных прокуроров и их помощников от должности, а в соответственных случаях и предание их суду. Это несколько ослабило бы единоличную власть начальственных органов прокуратуры. В частности, Прокурор Республики, тесно связанный с правительством, не всегда может быть правильным судьею деятельности губернского прокурора в столкновениях его с центральною или местною властью.

Обязанности прокуратуры, как мы указывали, распадаются на обязанности по административному надзору и на обязанности судебные. Административный надзор прокуратуры намечен чрезмерно широко, распространяясь не только на деятельность официальных учреждений и должностных лиц, но проникая в сферу общественных и частных организаций и частных лиц. В области, отведенной им частной или общественной деятельности, частные организации и частные лица не могут создавать чего-либо, затрагивающего публичный интерес; отстаивание же нарушаемых ими законных интересов граждан следует предоставить самим гражданам. Что же касается возбуждения преследований против виновных, то это—судебное полномочие, которое и предусматривается ст. 13, в осуществлении которого на ряду с прокурором участвуют органы исполнительной власти и отдельные граждане. Об административном надзоре приходится говорить лишь применительно к официальным учреждениям и должностным лицам. От них только прокурор и может получать необходимые ему сведения и материалы (ст. 15).

Создание сильного центрального органа административного надзора в лице прокуратуры имеет серьезнейшее политическое значение. Та крайняя децентрализация, которая осуществилась у нас, является совершенно несогласованной ни с обще-экономической жизнью страны, ни с поддержанием правового единства государственной жизни. Введение административного надзора прокуратуры даст некоторую возможность стеснить произвол местных властей и ввести однообразие административной практики (хотя бы в пределах издаваемых декретов.

В автономных Советских Республиках прокуратура попадает в двойственную зависимость: от ЦИК'а соответственной республики и от Прокурора РСФСР. Как эта двойственность будет разрешена, покажет только жизнь и практика. Неясно также, распространяется ли надзор прокуратуры в автономных республиках только на акты управления, или же Прокурором могут быть опротестованы и декреты таких республик, противоречащие общегосударственному законодательству в сфере, предоставленной этому последнему.

Но для того, чтобы этот надзор имел под собою почву, необходимо произвести большую работу по определению компетенции различных местных органов, которая до сих пор оставалась почти без всякого внимания. Прокурор независим от местной власти, но очень часто местная власть окажется сильнее его протестов. Прокурору предоставлено право требовать отмены незаконных распоряжений и постановлений и опротестование их, но он не властен приостановить их действие. А запоздалая

отмена распоряжения часто уже оказывается безрезультатной. В лице Совнаркома и Президиума ВЦИК создаются два параллельно действующих для всей РСФСР органа административной юстиции, обращение в которые монополизировано в руках Прокурора Республики. Этот параллелизм в значительной мере является результатом полной запутанности у нас отношений между двумя этими органами верховного управления, разобраться в котором не под силу истолкователям нового советского права. [1]) Проект предусматривал в качестве инстанции, принимающей протесты прокуроров только Президиум ВЦИК. Привлечение к этому и СНК—органа, скорее административно-распорядительного, в качестве поверяющей законность инстанции резко подчеркивает различие между принятым у нас порядком надзора—чисто административным— и порядком административной юстиции, существующим в Западной Европе. Можно думать, даже, что в таком порядке, в виду его сложности и затрудненности, смогут быть обжалованы лишь важнейшие постановления местных властей. Куда обратиться с тысячами случаев более мелких нарушений со стороны отдельных должностных лиц губернии? Уже одно представление об отмене их прокурором в губисполком может загромоздить последний. Необходимо, по этому, в самой губернии создать более близкий к населению орган административной юстиции, с вхождением труда судейского элемента, который разрешал бы все мелкие административные нарушения на месте, с правом прокурора, в случаях особо важных, передавать такие дела в Президиум ВЦИК. Иначе дела будут годами залеживаться в Совнаркоме или Президиуме ВЦИК. Между тем административная юстиция более, чем какой-либо другой вид восстановления права, должна быть быстрой.

Несмотря на пробелы, декрет о прокуратуре от 16 июня стоит значительно выше своего прототипа, напечатанного в № 1 „Еженедельника Советской Юстиции". Между прокурором и местным губисполкомом или отделом прокуратуры НКЮ не стоит „средостения" в виде местного губюста; прокурор не связан по рукам и ногам волей заведующего отделом юстиции, являющегося членом местной исполнительной власти и во многих отношениях стоящего под административным надзором того же местного прокурора. Отчеты о своей деятельности он представляет не местному отделу юстиции, а непосредственно Прокурору Республики. Представление же их в Губисполком есть акт административной вежливости, так как исполком не может воздействовать на губернского прокурора иначе как чрез прокурора республики.

Если на должности прокуроров будут назначены энергичные, воспитанные в духе законности и имеющие юридическую подготовку лица, то в виде института прокуратуры мы получим первый сильный рычаг к поднятию уважения к праву, крайне расшатанного в последние годы. Декрет не устанавливает каких-либо условий для занятия таких должностей, предоставляя все усмотрению Прокурора Республики. Это даст возможность черпать кандидатов из самых широких кругов. На первое время это, быть может, и целесообразно, но в последующем эти условия должны быть определены точно.

Права и обязанности прокуратуры в судебной области намечены очень широко. В них перечислены почти все формы участия прокуратуры в уголовном процессе, имевшиеся у нас по Судебным Уставам, а в некоторых отношениях декрет пошел и дальше Уставов.

В руках прокуроров находится возбуждение преследования против виновных как должностных, так и частных лиц. Здесь отвергнута „административная гарантия", связывавшая прежнюю прокуратуру согласием

[1]) См. статью В. Дурденевского „Совет Народных Комиссаров". Журн. „Советское Право". № 1 стр. 36—65.

начальства должностного лица при возбуждении преследования против последнего. Это „печальной памяти“ наследие патримониального режима и в прежнее время вызывало против себя резкие нападки, как поощряющее произвол и ограждавшее чиновника китайской стеной безответственности. В декрете не сделано изъятий даже для руководящих должностных лиц местных и центральных учреждений.

В области производства дознания и предварительного следствия права прокурора также расширены. Он даст „указания и разъяснения“ по вопросам о направлении и дополнении дознания и следствия, по вопросу о мере пресечения и пр. Не только милиция, но и следователи, таким образом, ставятся в подчинение прокурору, который *явится* главой судебной полиции, как то существует во Франции по уставу 1808 г. Ограждение следователя от подчинения прокурору имеет значение в тех случаях, когда следователь пользуется независимым судейским положением. Но при отсутствии этого правильнее и откровеннее смотреть на него как на помощника обвинительной власти, сделав лишь из этого соответственные выводы. Этим выводом явится необходимость введения представительства интересов обвиняемого на предварительном следствии (т. н. „защиты“ на предварительном следствии).

Прокурору предоставляется право непосредственного внесения обвинительных актов в суд, имевшееся и в прежнем уставе угол. суд. (ст. 545), но на практике применявшееся крайне редко. Этот порядок непосредственного внесения обвинения в суд, широко развитый в германском и австрийском процессуальных уставах, является во многих случаях целесообразным, ведущим к ускорению дела и к сокращению числа ненужных предварительных следствий.

Право утверждения заключений следователя и составления обвинительных актов в общем соответствует прежнему праву предварительной формулировки обвинения прокурором. То же можно сказать и относительно участия прокурора в заседаниях суда по вопросам о предании суду и прекращении дела и о поддержании обвинения на суде. Участию прокурора в этих стадиях придан, однако, факультативный, а не обязательный характер. Он *может* участвовать в распорядительных и судебных заседаниях суда, „если он признает такое участие необходимым“ (а по 236 ст. Уг. Процес Код. „если признает нужным“). До установления различных порядков процесса, такая оговорка, быть может, является необходимой, чтобы не перегрузить прокуратуру. Но это положение нельзя назвать нормальным: „необходимость“ участия прокурора может выясняться только при обсуждении вопроса о предании суду или при судебном разбирательстве и заранее ее предугадать часто нельзя. С другой стороны, отсутствие обвинителя на суде невольно приведет к переложению обвинительных функций на председателя суда, что существенно извращает характер всего судебного производства.

Право обжалования приговоров и определений суда в кассационном порядке и в порядке высшего судебного контроля не ограничено только приговорами оправдательными и дано прокурору не только в интересах обвинения, но в интересах законности вообще. Оно построено не как право стороны, а как функция надзора за законностью действий суда.

Наконец, наблюдение за правильностью содержания под стражей — давняя, чуть ли не значальная функция прокурора, врученная ему еще Екатерининским учреждением о губерниях 1775 г.

П. И. Люблинский.

Народовольцы на эшафоте.

(К 70-летию со дня рожденья Веры Николаевны Фигнер).

Я избрал темою моей статьи психологию революционера перед казнью не потому, что изучение применения наказания составляет удел нашей научной специальности-криминологии. Как ни много дает эта тема материалов для криминологических выводов по оценке смертной казни в борьбе с так называемою политическою преступностью, внимание работающего над этою темою криминалиста властно захватывает другая сторона вопроса.

Это—вся нравственная личность умирающего революционера, весь его духовный мир, раскрывающийся перед нами в его необ'ятной широте и неизъяснимой красоте на узких и безобразных подмостках эшафота.

В потемках ночи казни нам светит лучезарным блеском сам казнимый. Он светит так ослепительно ярко, что мы уже не видим ни виселицы, ни палача, ни других исполнителей казни и не можем, не в силах, оторвать глаза от него, отдающего свою жизнь.

Нет, в этой теме я—не криминалист, а скорее психолог. И даже не столько психолог, сколько просто историк, который в статье, посвященной женщине, стоявшей на ступенях эшафота, говорит в семидесятилетнюю годовщину ее рождения о смерти, вспоминает, как умирали они, народовольцы, как готова была умереть сама она, как умирали близкие ей по духу борцы за счастье народа, ее друзья и товарищи.

Говорить в день рожденья о смерти вообще не принято, а тем более самим рожденникам. Но о всякой ли смерти нельзя говорить? Смерть смерти рознь. Мы будем говорить о совершенно *особой*, *исключительной* смерти, смерти революционеров.

Воспоминания о *такой* смерти мы смело несем, как наш подарок, семидесятилетней рожденнице.

* * *

Всего один день прошел с того момента, когда у сада Михайловского Дворца, по Екатерининскому каналу, с оглушительною силою пушечных выстрелов, взорвалась сначала одна, а потом и другая бомба, разорвавшая и того, в кого она была брошена, и того, кто ее бросил. Место взрыва еще оцеплено полицией. Там еще ищут вещественных доказательств. Еще не знают ничего достоверного. На месте задержан только один, бросивший первую бомбу.

А в одиночном каземате Петропавловской крепости арестованный накануне взрыва заключенный уже спешит написать свое заявление прокурору судебной палаты. Оно настолько же кратко, насколько решительно и сильно. Заключенный писал в нем дословно следующее.

„Если новый государь, получая скипетр из рук революции, намерен держаться в отношении цареубийц старой системы, если Рысакова намерены казнить, было бы вопиющей несправедливостью сохранить жизнь мне, многократно покушавшемуся на жизнь Александра II и не принявшему физического участия в умерщвлении его лишь по глупой случай-

ности. Меня очень безпокоит опасение, что правительство поставит внешнюю законность выше внутренней справедливости и украсит корону нового монарха трупом юного героя лишь по недостатку формальных улик против меня, ветерана революции. Я протестую против такого исхода всеми силами души и требую для себя справедливости. Только трусостью правительство могло бы об'яснить одну виселицу, а не две. В январе и феврале я не раз вел с ним (Рысаковым) разговор о роли царей в судьбах русского народа и в связи с этим о необходимости их уничтожения вообще, если русские цари пожелают остаться при старой системе управления" [1].

Под заявлением подпись—*Андрей Желябов.*

В этих нескольких строках с удивительною яркостью вырисовался не только образ самого Желябова, но и тип всегда готового к смерти Титана—революционера народовольца.

В тиши своей одиночной камеры Андрей Желябов уже слышит как стучит топор, строящий виселицу. Уверенный, что не минует се Рысаков, он требует справедливости—виселицы и для себя — „ветерана революции". Никаких попыток оправдания перед теми, кто взял его в плен. Наоборот. Открытое признание своей роли. Сожаление, что не удалось самому быть исполнителем задуманного. И предупреждение о такой же борьбе и в будущем до тех пор, пока „русские цари будут оставаться при старой системе управления".

Таков был пролог суда по делу 1 марта 1881 г. На скамье подсудимых оказалось шесть человек. Пятеро из них не сделали ни одного шага назад, две женщины и трое мужчин во все время предварительного и судебного следствия не сказали ни одного слова, не сделали ни одного жеста, которые дали бы основание хотя бы на секунды усомниться в правдивости заявления Желябова:

„Господа судьи, дело всякого убежденного деятеля дороже ему жизни"...

Поразительно спокойствие Желябова и его товарищей. Удивительна ясность их ума, не затемненная ни предварительным заключением, ни неизбежностью неминуемого осужденья. Без малейшей рисовки держут себя они, мужчины и женщины, и как шли рука об руку в их боевой жизни, так идут и теперь к смерти, не уступая друг другу ни в стойкости самообладания, ни в выдержанности хладнокровия.

Проникнутые одной и той же идеей трое из них, наиболее активные и развитые (Желябов, Кибальчич, Перовская), без предварительного соглашения проводят один и тот же план их последней борьбы: защищать не себя, а дело партии „Народной Воли". Вот почему последнее слово Перовской—ответ прокурору на его попытки забросать их перед казнью грязью. Вот почему, отвечая на его же попытки изобразить народовольцев кровожадными тиграми, Кибальчич говорит об ужасе убийства, об его вынужденности. А Желябов приглашает судей заглянуть в отчеты о политических процессах, в „эту книгу Бытия". „Там, говорил он, вы увидите, что русские народолюбцы не всегда действовали метательными снарядами, что в нашей деятельности была юность розовая, мечтательная и, если она прошла, то не мы тому виною" [2].

3 апреля 1881 г. палач, в исполнение приговора суда, украсил корону нового монарха пятью трупами. Немецкий корреспондент „Кельнской Газеты" писал о казни: „я присутствовал на дюжине казней на Востоке, но никогда не видал подобной живодерни". Он так описывает внешний вид казнимых: „Кибальчич и Желябов очень спокойны, Тимофей

---

[1]) Заявление, посланное из Петропавловской крепости А. И. Желябовым на имя прокурора Спб. Судебной Палаты 2 марта 1881 г., см. журнал „Былое" 1906 г. № 3, стр. 61.

[2]) Процесс 1 марта 1881 года. Изд. Н. Баланшова. Спб. 1906.

Михайлов бледен, но тверд. Лицо Рысакова мертвенно бледно. Софья Перовская выказывает поразительную силу духа. Щеки ее сохраняют даже розовый цвет, а лицо ее неизменно серьезное, без малейшего следа чего-нибудь напускного, полно истинного мужества и безграничного самоотвержения. Взгляд ее ясен и спокоен; в нем нет и тени рисовки..." [1]).

Так кончился процесс 1 марта 1881 г. В нем уходившие из жизни как будто закрепляли слагавшиеся уже и ранее традиции, как надлежит вести себя революционеру перед лицом смерти.

И как много оказалось тех, кому выпало на долю поддержать эти традиции на их пути к Голгофе!

* * *

Когда председатель суда задавал Желябову обычные вопросы об его звании, профессии, вероисповедании, тот отвечал ему, что крещен в православии, но православие отрицает, хотя и признает, что сущность христианского учения с его требованием защиты слабых и угнетенных, отстаиванием правды и готовность пострадать за нее занимает почетное место среди его нравственных побуждений.

Эти слова звучат гордо, но они слишком слабы и скромны, чтобы верно передать основную традиционную черту характера революционера. Не только готовность пострадать, но притом часто с самого начала революционной деятельности почти непоколебимая уверенность в неизбежности своей преждевременной и насильственной смерти.

В печати имеется описание казни Балмашова. Разбуженный в его камере Шлиссельбургской тюрьмы в 4 часа ночи, чтобы итти на казнь, он отказывается от исповеди и причастия, подходит к окну и стоит у него, несколько времени, молча смотря на небо, затем оборачивается к пришедшим за ним и говорит: „я готов" [2]).

„Я готов". „Я готова". Эти слова с полным правом могли быть сказаны многими не только в лицо палачам, но часто задолго до ареста. Не даром Перовская писала в своем предсмертном письме матери: „Я о своей участи нисколько не горюю, совершенно спокойно встречаю ее, так как давно знала и ожидала, что рано или поздно, а так будет".

В одних случаях спокойная, холодная, заранее и долго продуманная решимость, если потребуется, то и умереть. В других — несдерживаемая, бурно рвущаяся наружу горячая радость предстоящему концу. Готовность к смерти и здесь и там одна и та же, в обоих случаях одинаковая. Различны не готовность к смерти, а отношение к ней, об'ясняемое больше всего различиями темперамента. Так, В. Н. Фигнер, вспоминая свои переживания в связи с приговором к смерти, думает, что „изжив все свои силы, она едва ли была бы одушевлена энтузиазмом, но, если приговор был бы приведен в исполнение, она „умерла бы с полным самообладанием" „по настроению, говорит она, я была готова к смерти". [3]) Такое отношение к смерти вытекает из самого характера В. Н. Фигнер, о которой ее товарищ по партии вспоминает: „у нее всегда был бодрый смелый вид; гордость женщины соединялась в ней с гордостью бойца". [4]) Другой ее товарищ передает, что защитник Фигнер заявил суду от ее имени, что она не желает ни милости, ни снисхождения, его клиентка сделала все возможное для самообвинения [5]).

---

[1]) Степняк С., Подпольная Россия. Библиотека Светоча. 1906, 118 стр.
[2]) Казнь С. В. Балмашева. Былое 1906 № 6, стр. 233.
[3]) Вера Фигнер. Запечатленный труд. Москва, 1922 г. 325 стр.
[4]) Тырков А. В. статья в „Былом" 1906 г. № 5, стр. 146.
[5]) Спандона, страница воспоминаний. Былое 1906 г. № 5, 33 стр.

Другое настроение было у Л. Волькенштейн. Сравнительно с прочими участниками процесса ее роль в деле была маленькая. Если Желябов, Перовская, Фигнер были „ветераны" революции, Волькенштейн была ее новичек. По характеру она вся — порыв и стремление. Получив обвинительный акт и встретив там имя Фигнер, с которою она еще ни разу не встречалась в жизни, она прикладывается губами к этому имени. Она преисполнена радости стоять рядом с нею. Она весело разговаривает с соседом по скамье обвиняемых, и председатель суда делает ей неоднократные замечания: „подсудимая Волькенштейн, перестаньте разговаривать" „Подсудимая Волькенштейн, перестаньте смеяться". Когда ей в числе других вынесли смертный приговор, один из защитников довольно громко произнес: „Какой варварский приговор. Бедная Волькенштейн". А у бедной Волькенштейн „было такое светлое и ясное лицо" [1]).

Точь в точь как Муся в рассказе Андреева „О семи повешенных": „И несказанная радость охватывает ее. Нет ни сомнений, ни колебаний, она принята в лоно, она правомерно вступает в ряды тех светлых, что из века через костер, пытки и казни идут к высокому небу. Ясный мир и покой, и безбрежное, тихо сияющее счастье. Точно отошла она уже от земли и приблизилась к неведомому солнцу правды и жизни, и бесплотно парит в его свете".

Мне хочется привести еще одно свидетельство о том сиянии, которым светит казнимый. По делу Якутского восстания 22 марта 1889 г. к смертной казни были приговорены Зотов, Гаусман и Коган-Бернштейн. Может быть потому, что казнь совершалась в далекой Сибири, родные осужденных были допущены в их камеры и проводили с ними все время до самой казни. До нас дошли письма самих казненных и непредназначавшееся для печати письмо жены Зотова, впоследствии напечатанное в заграничной и русской прессе. Она провела с ним время с 9 час. утра до 4 час. ночи, когда была совершена казнь. Поседевший после приговора он, однако, весело играет и бегает со своею шестилетнею дочерью, шутит с нетрезвым помощником смотрителя и так искренно смеется, что трудно поверить, что он с часу на час ждет исполнения приговора. По его просьбе жена читает ему книгу Короленко, связанную для них со многими дорогими воспоминаниями. В 12 час. ночи его выпускали на двор за нуждою, и, вернувшись, он рассказывал, что видел строящуюся висилицу. В три часа ночи принесли казенную одежду и переодели его". Когда его переодевали, он был ужасен. Лицо у него было ужасно мученическое, но это только на несколько моментов. Когда он был уже одет, он подошел ко мне с улыбкою, говоря: „я уже готов и чувствую себя очень спокойно, светло даже, и смогу, вероятно, даже сам надеть петлю". И с этого момента я его не узнавала. Он как будто ушел из этого мира и был где-то там, где все такое же чистое, *светлое*, как он сам; и выражение у него было такое же *светлое* и святое. Мне кажется, что невозможно передать словами выражение этого лица в те моменты; надо было видеть, чтобы понять это чистое, светлое выражение [2]).

Светит Желябов до суда из казематов Петропавловской крепости. Светит сияющая радостью на суде Волькенштейн. Светит после приговора к казни, перед самым ее исполнением, Зотов.

Неугасимый свет на жертвеннике русской революции — на эшафоте висилицы! Не могут погасить его ни торжественные публичные казни на площади города, ни многие казни на задворках тюремных дворов. Не могут загасить его даже страшные муки расставанья приговоренных с их родными и близкими.

---

[1]) Ашенбреннер, Л. А., Волькенштейн. Голос Минувшего. 1914 г. № 1.
[2]) Минор, Якутская драма. Былое 1906 г. № 9, 156—157 стр.

* * *

Смерть не страшна. Своей жизни не жаль. Жаль остающихся в живых. Мучит и давит не петля веревки палача, а сознание причиняемого близким горя. „Дорогая моя, неоцененная мамуля, писала Перовская своей матери, меня все давит и мучит мысль, что с тобою. Дорогая моя, умоляю тебя, успокойся, не мучь себя из-за меня, побереги себя ради всех окружающих тебя и ради меня также... единственно, что тяжелым гнетом лежит на мне это твое горе, моя неоцененная, это одно меня терзает, и я не знаю, чтобы я дала, чтобы облегчить его"... „Прости меня, папа, простите меня все за то, что я вам столько мучений причинил и теперь в последний раз причиняю", писал Зотов перед казнью отцу. „Папа, дорогой мой папа. Обними меня, прости меня, в чем я был неправ, поцелуй меня ты самый дорогой мой папа. Не у многих есть такие друзья—отцы-друзья, такие папы. Крепко, крепко целую дорогую тетечку. Она мне такая же родная, такая же дорогая, как и все вы... Тетечка, дорогая, целую и обнимаю вас крепко, крепко. Знаю, что вы будете плакать обо мне"... „Милые и родные мои. Всех вас обнимаю и прижимаю к сердцу, бьющемуся горячею любовью. Чувствуйте вечно огонь последнего поцелуя, силу последних об'ятий..." писал народоволец А. Д. Михайлов и просил простить его, что отдал себя не им, своим родным и милым, а идее.

То открыто и бурно, волнуясь и спеша, то сдержанно и осторожно, стараясь скрыть свои чувства, пишут приговоренные о своих муках от сознания причиняемых ими их родным и близким страданий. Стремясь хотя бы сколько нибудь умерить эти страдания, уходящие из жизни уверяют остающихся жить, что они счастливы. „Может ли быть более счастливая смерть?" говорит Бернштейн, „я умру на том месте, где пристойно в наше время умирать честному человеку". „Нет смерти почетнее", говорил А. И. Ульянов. „Я счастлив, клянусь вам, я не лгу. Как горячею волною смыло с меня в эти минуты всю душевную нечисть, всю ложь", писал в своем предсмертном письме, у подножья виселицы, Пулихов. „Есть времена, есть целые века, в которые нет ничего достойнее и краше тернового венка", писал своим родным А. Д. Михайлов, успокаивая их перед своею казнью.

Терновым венком была не сама смерть на виселице, а больше всего именно это сознание, что причиняешь горе тому, кого любишь. И все-таки терновый венок не страшил. Один из революционеров вспоминает, как во время его пребывания в Петропавловской крепости он нашел на полученной из тюремной библиотеки книге нарисованный карандашем портрет Чернышевского в короне и подпись под ним другого заключенного возмущенного этим кощунством: „лишь шел один венец терновый к его суровому челу". И автор воспоминаний добавляет: „победоносную корону мы считали чем то зазорным, а терновый венец—высшей нашей наградой" [1]).

* * *

Еще до разбора дела Желябов заявил отвод против всего состава особого присутствия правительствующего сената, как „коронного суда". Считая, что судьею должен быть сам народ или правильно избранное учредительное собрание, он требовал передачи рассмотрения дела на суд представителей общественной совести—присяжных заседателей. Отрицание за коронным судом, как слугою императорского правительства и заинтересованною стороною, права производить суд, стало обычным в про-

[1]) Никифоров, Мои тюрьмы. Голос Минувшего. 1914 № 5. 169 стр.

цессах народовольцев. Некоторые из обвиняемых шли еще дальше и отказывались даже принимать обвинительные акты (например, член группы „Черного передела“ Манучаров, приговоренный к смертной казни) и, как это сделал и Желябов, отказывались также и от защитников.

Суд закончен. По „указу его императорского величества“ об'явлен подсудимым приговор „смертная казнь через повешение“. Жить остается очень недолго, но слишком много для того, чтобы перед лицом теперь уже неизбежной смерти подумать о спасении своей жизни. Крепкие стены тюрьмы и бдительный надзор стражи за смертниками отнимают всякую надежду на возможность бегства. Остается еще только два средства — обжалование состоявшегося приговора и просьба о помиловании. Но отрицание за коронным судом права производства суда должно логически приводить к отказу от обжалования состоявшегося приговора, и народовольцы, по общему правилу, к такому выводу и приходили, предоставляя час за часом истекать сроку для обжалования и приближаться моменту вступления смертного приговора в силу. Еще более было неприемлемо для народовольца другое средство—просить врага о помиловании, о даровании жизни. История знает не один случай, когда в камеру приговоренного к смерти приходили представители власти, убеждая „смертника“ подать просьбу о помиловании и обещая ее удовлетворение, но уходили, не достигнув успеха. Получалось странное положение: представители власти оказывались „просителями“ у приговоренного к казни, а приговоренный отвергал их просьбы о собственном своем помиловании. Тяжело было отказывать в таких просьбах и мольбах родным и близким, но приговоренные находили в себе силу отказать и им. В. Н. Фигнер вспоминает, как после приговора к казни смотритель Дома предварительного заключения передал ей о желании Штромберга, приговоренного, как и она к смертной казни, узнать ее мнение относительно подачи просьбы о помиловании. Она отвечала, что не посоветует другим делать то, чего, ни при каких условиях, не сделала бы сама. Сохранилось и другое воспоминание о Штромберге: один из товарищей по процессу спросил его, будет ли он подавать просьбу о помиловании. Штромберг, улыбаясь, отвечал ему: „я неграмотный“ [1]). Так он смеялся в лицо смерти и был казнен.

Несмотря на отказ от подачи просьб о помиловании, в некоторых случаях казнь заменялась другими наказаниями. Иногда об'явление приговоренному о состоявшемся помиловании обставлялось некоторою торжественностью, но всегда протекало не мало долгих дней и еще более долгих ночей в ожиданиях казни. Как будто дух осужденного должен был быть истерзан томительною неизвестностью и пыткою ожидания прихода палачей. В воспоминаниях народовольцев, испивших эту горькую чашу, мы не находим свидетельств об испытывании ими особой радости, когда гонцы царской милости возвещали им о замене казни пожизненным заточением, бессрочными каторжными работами или на долгие годы. Наоборот, мы знаем о тревоге и возмущении осужденного, когда ему было об'явлено о замене смертной казни каторжными работами всего на десять лет (Манучарову): его беспокоила мысль, чтобы этот редкий в истории случай смягчения наказания не вызвал бы предположения, что он вел себя на суде не так, как требовала революционная совесть. А между тем поведение его было безупречно. Лучше смерть. Лучше пожизненная каторга, чем каторга на десять лет и возможность возникновения у кого-нибудь, хотя бы необоснованной мысли, что осужденный отступил от традиций смерти на эшафоте. Вот почему народовольцы, „неграмотные“ для подачи просьб о помиловании, предпочитали обращаться не к монарху, а к товарищам по

---

[1]) Спандони. Страница воспоминаний. Былое 1907 № 5, 18 стр.

партии, призывая их на борьбу с этим монархом и его наследниками. Таково, например, было „Завещание“ А. Д. Михайлова. Предостерегая товарищей по партии от траты сил без пользы для дела, Михайлов давал им, в форме завещания, ряд практических указаний для большей успешности их борьбы. Между прочим он писал им: „завещаю вам, братья, не посылайте слишком молодых людей в борьбу на смерть. Давайте окрепнуть их характерам, давайте время развить все их духовные силы“ [1]).

Сначала дать характеру окрепнуть, а потом умереть. Развить все свои нравственные силы и затем итти в борьбу на смерть! Зачем это? Не все ли равно, чья жизнь прекратится в петле палача? Для народовольца это было не все равно. Для такой смерти нужна была школа. Нужно было воспитать себя, подняться на недоступную нравственную высоту...

Да, они умели на нее подниматься и умели умирать...

Мих. Гернет.

С. С. Манухин.

(Воспоминания).

Недавняя кончина Сергея Сергеевича Манухина (17 апреля 1922 г.) вызывает личные воспоминания об этом верном представителе правильного правосознания и нелицемерного провосудия. Я встречался с ним на служебном пути, когда он был назначен моим товарищем по должности обер-прокурора Уголовного Кассационного Департамента Сената во второй половине восьмидесятых годов. Я мог при этом неоднократно убеждаться в его широком и разностороннем образовании и глубокой вдумчивости во внутренний смысл закона, столь необходимой в кассационной деятельности, где так часто *буква* закона затемняла его источники и житейское содержание. К сожалению, нам пришлось не долго работать вместе. Центральное управление Министерства Юстиции вскоре потребовало его участия в своих трудах, и нельзя было не порадоваться новой сфере предстоявшей ему деятельности, задача которой должна была состоять в борьбе с внутренними разрушителями и внешними врагами Судебных Уставов. Первые из них были одержимы заразительным законодательным зудом, выражавшимся в поспешных и необдуманных поправках к Судебным Уставам и запоздалых чиновничьих дополнениях к основоположениям Судебной реформы. Вторые, вслед за Катковым и его подголосками в печати, вели по отношению к суду своеобразную бухгалтерию, ничего не вписывая в актив, так ощутительно сменивший старое бессудие и формалистическое бездушие, и тщательно, злорадно записывая в пассив все действительные или кажущиеся им ошибки этого суда, не давая себе вдуматься в сущность и причины того или другого явления. Отсюда нарекания на мировую юстицию, подготовившие появление земских начальников—этих настоящих „кандидатов бесправия“, как я их назвал когда-то; отсюда именование суда присяжных „судом улицы“ и их самих „стадом баранов“ и, наконец, ядовитое название Катковым Сената антиправительствующим. Со всем этим приходилось бороться зорко и стойко, соединяя твердость взгляда с искусными тактическими приемами. Это было утомительно, но Манухин отдыхал на заграничных командировках, где ему приходилось пополнять и обога-

[1]) Былое 1906, № 2.

шать свои научные знания участием в конгрессах по частному международному праву в Гааге и антропологическому в Брюсселе, где впервые выступили во всеоружии последователи Ломброзо и новых итальянских криминалистов.

В 1904 году он получает портфель Министра Юстиции. Назначение на министерские посты в последнее десятилетие перед революцией представляло многие печальные особенности. Мемуары С. Ю. Витте содержат в себе яркие образы алчных искателей портфелей и описание беззастенчивых шагов к влиятельным министрам для их получения. Этому в некоторых случаях соответствовала неожиданность назначений, о которых избранный узнавал иногда из правительственного вестника, не будучи до того призван для каких-либо об'яснений, необходимых для уяснения единства или разности во взглядах на задачи вверяемой отрасли управления. Такие назначения принимались с радостною услужливостью и, повидимому, без всяких условий относительно программы будущей деятельности нового избранника. Они рассматривались, как высокая награда, а не как призыв к широкой и ответственной работе в определенном направлении. Так постепенно установился тот порядок вещей, который справедливо был назван в государственной Думе „чехардою". Конечно, в этом отношении бывали и прекрасные исключения, но во многих случаях самостоятельность министров выражалась в служении завещанной прошлым своеобразной Magna Charta, ограждавшей скудные права российского гражданина путем пререканий между собою различных ведомств. При этом главною задачей нередко ставилось: жить в мире с влиятельным министром, вроде Победоносцева или Витте, и быть, в особенности в последнее время, в добрых отношениях с обер-гофмейстеринами, министром двора и дворцовым комендантом.

Не так смотрел на свою задачу и положение С. С. Манухин. Сохранилась его записка о приеме у государя, когда ему было об'явлено о решении назначить его министром юстиции. Он сразу стал в положение не ведомственного, а государственного человека, указав, что судебное преобразование, итогам которого ему придется служить, должно влечь за собою уравнение сословий;—что крестьянский вопрос настойчиво требует своего разрешения в смысле уменьшения безземелья, гонящего „пахаря и хранителя русской земли" в город и на фабрику со всеми их растлевающими нравственными влияниями; что быт рабочих требует энергичных мер для своего улучшения и обеспечения их положения и что, наконец, настоятельна реформа Сената, который вследствие устарелого устройства, сохранив в народе прежнюю *славу*, обратился однако в пустое *слово*, не соответствующее роли, намеченной его великим основателем. Аудиенция длилась двадцать минут. Доводы Манухина сопровождались сочувственными ссылками на обстоятельства их подтверждающие. Однако, все по отношению к предложенным им реформам, за исключением сенатской, окончилось словами: „это вас собственно не касается", которыми ему была ясно указана его преимущественно ведомственная деятельность. Нельзя сказать, чтобы и в этих узких пределах новому министру не пришлось переживать тяжелых минут. Его неоднократные протесты против назначения сенаторами лиц, вся заслуга которых состояла в грубом применении произвольных административных мер обуздания и пресечения, не привели ни к чему; его ходатайство о смягчении в одном случае смертного приговора было отринуто, а с дворцовым комендантом Треповым, который, судя по запискам Витте, присваивал себе роль первого министра, у него возникли крайние разногласия. И участие его в Петроградских совещаниях 1905 г. о введении в России представительных учреждений, конечно, не могло укрепить его положение, так как на заявление одного из влиятельных членов со-

вещания, что предположения о таких учреждениях должны быть понимаемы, как стремление к уничтожению самодержавия, он высказал, что последнее „вовсе не деспотия и по мысли своей далеко от полного абсолютизма, не связанного никаким законом. Заветы русской истории указывают, что нам была нужна не не подвижная форма тирании, а начала мудрого управления, способного к эволюции, согласно культурному росту и развитию народа. Исторический процесс русской государственной жизни был процессом самоограничения самодержавия, и необходимо дальше решительно идти по этому пути". Этот взгляд был разделен далеко не всеми. Было забыто изречение Мирабо о том, что „часто верховные носители власти ищут исполнителей своей воли в лице помощников с умом свободных людей и с душой рабов". Неизбежное, по мнению Манухина, самоограничение наступило лишь через полтора года после тщетных и сопровождаемых тяжелыми жертвами проволочек.

В 1906 году Манухин был освобожден от звания министра и назначен членом Государственного Совета. Здесь мы снова встретились и нас часто соединяло единство работы в общем собрании и сходство взглядов во многих случаях, несмотря на принадлежность нашу к разным группам. Он состоял в правом крыле группы центра, я-же примкнул к беспартийным. Как сейчас вижу его в те годы с серьезным взглядом умных глаз, с очень редкой улыбкой, сдержанного в обращении, точного и определенного в слове, которым он умел, следуя завету Пушкина, „твердо править". Чуждый столь не редкого среди наших выдающихся людей самомнения и самолюбования, он был, однако, свободен и от всякой уклончивости в высказывании своего взгляда, не прибегая к обычным „казалось-бы" и „едва-ли", по поводу которых еще Филарет Московский на докладе, составленном в таком стиле, пестревшем выражениями „представлялось бы", „казалось бы" и „едва-ли", написал: „едва-ли, едва-ли и трижды едва-ли *едва-ли* составляет какое-либо доказательство". Любимым вступлением в речах и опровержениях Манухина было: „я со своей стороны считаю" и „мое личное мнение, что"... Об'ем деятельности, которой он посвятил себя в Государственном Совете, был обширен. Постоянный председатель комиссии законодательных предположений, член отдельных комиссий (не менее десяти в год) и член первого Департамента Совета, оставшегося от старого устройства последнего, он был завален работой, много раз выступал докладчиком по проектам Думы и после утомительных заседаний законодательной комиссии, когда все ее члены могли временно почить от трудов своих, он должен был еще долго устанавливать со статс-секретарем содержание и юридический характер подробной заметки о заседании, подлежавшей внесению в Общее Собрание. Нужно было много самообладания и такта, чтобы успешно вести работы комиссии при свойственных большинству всяких коллегий искусственных сопряжениях воедино иногда прямо противоположных темпераментов, побуждений и взглядов. Не менее трудно было его положение и в качестве одного из выдающихся руководителей и представителей центра. Наша конституция, которую немецкие ученые ядовито называли, „eine Scheinkonstitution", создала Думу и Совет на разных началах. Состав первой, избранной вне сословных, классовых и профессиональных перегородок, являлся выразителем *потребностей страны*. Состав Совета с обособленными группами избирателей от землевладельцев, торгово-промышленного класса, дворянских обществ, ученых и учебных заведений и т. д. был выразителем интересов отдельных классов. Половина состава Государственного Совета была притом по назначению. Свободе мнения выдающихся в этой среде лиц всегда мог грозить перевод их к 1 января в неприсутствующие, т. е. поставление человека нередко в полном обладании физических и умственных сил на оскорбительный „мол-

ножный корм" без всякой деятельности. Человеку, прямодушно стремящемуся к общественной пользе легче понять умом и воспринять сердцем народные потребности, чем проникнуть в эгоистические интересы отдельных общественных слоев и открыть скрытую иногда под внешней убедительностью узкую личную цель. Вот почему в одной из своих речей Манухин сказал: „в речах предшествующих ораторов много аналогий, метафор и сравнений, интересных с художественной точки зрения, но здесь надо подходить к вопросу с серьезной деловой стороны, не затемняя его источников и истинного смысла". Положение докладчика подчас представляло много тяжелого в виду того, что в состав Совета назначались заслуженные в своей узкой специальности, но усталые люди, иногда вовсе не подготовленные к обсуждению и разрешению вопросов общего характера. Для того, чтобы быть понятым ими, докладчику приходилось тратить время и утомлять внимание слушателей, спускаясь до элементарных истин и азбучных понятий.

По отношению к некоторым, весьма вообще почтенным людям, невольно приходилось припомнить текст: „вижду тя Филиппе, старость имущу честну, разумом же горше юных сущу". Рядом с этим явлением широко выступали предвзятость взглядов и то, что Кавелин считал одним из печальных русских свойств—„*лень ума*". Партийная дисциплина обязывала членов партии подчиняться состоявшимся в их собрании постановлениям и получать „директивы" о том, чего держаться при окончательном решении вопроса. Этим освобождались многие от самостоятельного обсуждения последнего, и им как-бы говорилось: не утруждай себя напрасно и знай заранее, за что и в какую сторону тебе следует подать голос. Большую силу имела в Совете группа правых, среди которой встречались лица, упорно противодействовавшие всяким постановлениям Думы, даже и тогда, когда она высказывалась в единении с правительством. По их мнению, всякая эволюционная деятельность Думы должна была быть подавлена quand même et malgré tout. Так образовалось ходячее мнение о Совете, как о „пробке" для всех начинаний Думы. Группа правых имела очень способных лидеров, которые в заседаниях общего собрания управляли ею с искусством опытного дирижера, следя за тем, как исполняют свою обязанность по отношению к „директивам" те, кто обязался jurare in verba magistri. К этой группе примкнули и некоторые добровольцы из судебного мира, чьи, хорошо подвешанные языки, иронический тон и беззастенчивые софизмы производили эффект и имели влияние. В особенности это сказывалось по вопросам о правах национальностей и о свободе совести. Наконец, тоже не малое влияние на настроение большинства имело возбуждение страха пред грядущими событиями и прямое или косвенное указание на пережитую Россией смуту 1904—1906 годов. Вирхов сказал, что у страха есть свои герои, и когда он овладевает ими, то им кажется, что вместе с ними весь мир дрожит в своих устоях. К сожалению, этот страх почти всегда бывает бесплодным. Призванным к законодательству людям он не напоминает прекрасного изречения Гизо: „gouverner c'est prévoir и уподобляет их сидящим на задней площадке заднего вагона идущего поезда и смотрящим на уходящие рельсы с упованием вернуться по ним, не замечая, что их все-таки мчит вперед, но только задом.

Обращаясь к содержанию деятельности Манухина в Совете, нельзя не отметить серьезной работы по выработке взаимоотношений обоих законодательных учреждений в случаях поступления в Совет проектов *распущенной* Думы и по пересмотру наказа Совета. Он остался верен той программе, которую изложил при назначении своем министром. Так, по крестьянскому вопросу он принял усердное участие в обсуждении проектов о переселенцах, о местном суде, о помощи голодающим, о судебной власти

земских начальников и о всесословной волости, проект постановления о которой вследствие крайних внутренних трений, к сожалению, не дошел до Общего Собрания. По рабочему вопросу он выступал по проектам о страховании и лечении. В вопросе преобразований Сената, он настойчиво проводил действительную самостоятельность этого учреждения и независимость его решений от министров, широкую доступность его для потерпевших от произвольных действий органов управления и право непосредственного обращения к верховной власти с расширением законодательного почина. По отдельным вопросам ему приходилось не раз возражать против *отсрочки* введения в действие того или другого закона или о допущении его действия *всего на два года* (университет Шанявского), чего требовали, согласившиеся скрепя сердце, на этот закон члены Совета;—пришлось выступать в защиту проекта об увеличении скудного содержания чинам судебного ведомства, когда в заседание Общего Собрания Совета не считали нужным явиться ни министр юстиции, ни кто-либо из его товарищей и когда представитель господствовавших в то время правых заявил, что предположенные к ассигнованию средства лучше употребить на увеличение тюремных помещений; пришлось энергично защищать проект вероисповедной комиссии о свободном переходе из православия в инославие, причем четыре лица, поддерживавшие этот проект (Таганцев, М. Ковалевский, Манухин и я), были провозглашены *неправославными* и условием соглашения с нами было поставлено предложение принять поправку, в силу которой перешедший в инославие исключается из государственной службы или теряет право в нее вступать, а все завершилось соглашением с предложением П. Н. Дурново (73 голоса против 71) о принятии на лоно православия несовершеннолетних детей иноверцев, без согласия на то их родителей, по благословлению Святейшего Синода. Он явился и защитником допущения женщин в адвокатуру несмотря на убедительные доводы одного из членов Совета о том, что вследствие создания Евы из ребра Адама женщина не может быть сравнена с мужчиной в правах. Он настойчиво отстаивал необходимость ограничения сроков действия авторского права против сплоченных возражений защитников пятидесятилетнего срока со смерти автора, лишавшего недостаточное население возможности своевременного приобретения научных и литературных произведений и т. д. Вообще, во всех своих выступлениях и работах в Государственном Совете Манухин был постоянно защитником и проводителем необходимой *эволюции закона* и в этом отношении его политический образ сложился совершенно определенно. Судьба, однако, оторвала его от этой работы, как-бы сказав словами поэта: „иные ждут тебя страданья, других восторгов глубина".

Настала так называемая *Ленская история*. На Ленских золотых приисках в западной Сибири, эксплуатируемых русско-английским акционерным товариществом (Lena goldfield), причем в числе ближайших распорядителей был один из баронов Гинцбургов, возникли беспорядки. Официальные телеграммы, дополняемые различными вестями, сообщали о том, что на Надеждинском прииске рабочие, недовольные местным управлением и подстрекаемые особым стачечным комитетом, двинулись сплоченною толпою с оружием в руках против местного приискового управления, так что, в виду угрожающего поведения рабочих, жандармский офицер Терещенко вынужден был отдать приказ о стрельбе в нападавших. Когда по этому поводу был сделан министру внутренних дел запрос в Г. Думе с указанием на то, что все это кровавое событие имело совершенно другой характер, то А. А. Макаров, руководясь оффициальными сведениями, оправдывая вынужденные действия власти, сказал свое роковое летучее слово: „так было и так будет". Вскоре, однако, в газетах появились под-

робные корреспонденции, из которых было видно, что эти решительные действия вовсе не были вызваны рабочими и могли быть отнесены лишь к бездушному усердию по охранению интересов и влияния хозяев приисков. Все это возбудило негодующие толки в обществе, и явилась мысль о необходимости назначить на месте сенаторскую ревизию для авторитетного выяснения того, что-же *было* на самом деле. Сенаторские ревизии всегда приносили хорошие плоды. Они неслись, как грозовая туча, освежавшая спертую и душную атмосферу. Ревизующим сенатором был назначен, неожиданно для него, Манухин. На месте ему пришлось совершить огромный труд личного ознакомления со следами и очевидцами случившегося и с условиями и обстановкой быта рабочих. Он посетил одиннадцать приисковых управлений, вызвал со всех приисков выборных рабочих и в речах своих старался внушить им бодрость и веру в беспристрастие предстоящего исследования. В результате сложной и неусыпной работы Манухина и руководимых им помощников оказалось, что никакого нападения вооруженной толпы не было и никаких законных поводов к употреблению оружия не существовало, а между тем было убито 147 рабочих и ранено 193, причем из всех трехсотсорока фронтовые раны обнаружены лишь у 17%; вещественными доказательствами вооруженности наступавшей толпы оказались десять кирпичей и семь кольев на три тысячи человек. Существование стачечного комитета, подстрекавшего рабочих, тоже оказалось вымыслом и возбужденное по этому доводу следствие было прекращено Иркутским Окружным Судом 11-го марта за отсутствием состава преступления. Действия и доклад Манухина, обнимавший 400 страниц, возбудили тревогу в правящих сферах Петербурга, и Совет Министров в заседании 15 мая постановил о необходимости проверить мнение сенатора Манухина об отсутствии данных, свидетельствующих о том, что „так было и так будет". Это было опубликовано 7-го июня для успокоения встревоженных бюрократов, из коих некоторые по данным, обнаруженным Манухиным, оказались соединяющими свои должности со званием членов правления Ленского Товарищества. В конце концов весь труд по ревизии положен „под сукно". Одно лишь Лондонское отделение Товарищества выразило своему представителю в Петербурге порицание за образ действий на месте, вызвавший справедливое недовольство рабочих. Так окончилась ревизия, руководитель которой стремился осуществить то, что выражено прекрасными словами митрополита Филарета в одной из его проповедей: „истину, хотя-бы и печальную, надо видеть и показывать и учиться от нее, чтобы не дожить до истины более горькой и наказующей за невнимание к ней". Манухину осталось вернуться с сознанием исполненного долга, но с горьким ощущением бесплодности этого исполнения и приступить к своим обычным „трудам для жизни, и жизни для трудов". Подобно многим из его сослуживцев ему пришлось пережить тяжелые годы материальных лишений и новых непривычных занятий в чуждой дотоле области, но он не терял бодрости и принимал посланное судьбою родины испытание, не отдаваясь бесплодным сожалениям об утраченной деятельности и находя, как и прежде, душевный отдых в отзывчивости на лучшие произведения литературы и искусства и в любви к природе. Чуждый всякой позы и рисовки, он всегда был вдумчивым наблюдателем действительности и любил иногда со смехом передавать свои меткие и остроумные замечания о пестрых явлениях жизни. Среди переживаемых бурь ему пришлось провести в разлуке с семьею несколько месяцев и вернуться в ее недры больным, застав свою супругу со смертным недугом, сведшим ее скоро в могилу. Среди тяжелых физических страданий он нашел в своей патронессе ангела хранителя, окружившего его самоотверженными заботами, которые показали, как силы сочувствующей души могут превышать силы

слабого организма в женщине, которая понимает, что ее главная задача в жизни „иногда исцелять, часто облегчать и всегда утешать". Под влиянием этого ухода он стал поправляться и еще в начале апреля написал стихи, в которых отразилось его душевное состояние:

„Мне грустно потому, что вновь идет весна —
Обманчивый призыв несбыточного счастья.
Она пройдет, как ночь волшебная без сна
И снова будет плач осеннего ненастья.
Мне грустно потому, что поцелуй весны
Разбудит вновь во мне доверчивые грезы,
Что светом и теплом опять обольщены
Так нежно, трепетно, так страстно дышут розы".

17 апреля он почувствовал себя сравнительно хорошо, но внезапно выразил предчувствие смерти, просил приподнять себя, просветлел лицом и скончался, громко воскликнув: „Заря! Заря!" Как-будто этим возгласом он—человек верующий—приветствовал начало своего нового, освобожденного от скорбей жизни, существования... Или, быть может, его взору представлялась возрожденная и очищенная долгими испытаниями, освещенная зарею правды и справедливости, родина.

А. Ф. Кони.

БИБЛИОГРАФИЯ.

С. Л. Франк. **Очерки методологии общественных наук. Изд. „Бегер". Москва, 1922 г.**

Натурализмом в обществоведении можно назвать стремление построить общественные науки по типу естественных. При такой тенденции отбрасывается всякая телеология, искореняется нормативизм. Общество рассматривается, как данный в природе факт, с одной стороны, входящий в общую систему космического порядка, а с другой, имеющий свою собственную, специфическую закономерность. Приверженцы этого взгляда стремятся установить тесный стык между естествознанием и обществоведением, мысля второе, как продолжение первого, и укладывая его в ближайшем соседстве с науками об органической природе. На началах натурализма строится вся современная социология, в частности ее Англо-Саксонская ветвь, давшая столь пышные побеги в „American Journal of Sociology". И, пожалуй, правильно будет сказать, что вся социология в целом—от Конта и до наших дней—есть детище натурализма.

Именно это обстоятельство настраивает отрицательно по отношению к социологии автора книги, помеченной в заголовке настоящей заметки. Для *С. Л. Франка* самый замысел социологии есть пример методологической путаницы, а неплодотворность социологического знания — наглядный результат его коренного порока—пролитанности натурализмом. *С. Л. Франк* хочет создать социальную философию, свободную от этого недостатка. В настоящей книге он набрасывает ее общие черты, обещая в недалеком будущем дать более обширный и разработанный труд, ныне подготовляемый к печати.

Основная ошибка натурализма, по мнению *С. Л. Франка*, лежит в непонимании особенной идеал-реальней природы общества. Всякое общественное явление, кроме своей чисто реальной, фактической стороны, содержит еще и некоторую идею, смысл, значимость. Идея дружбы, семьи, государства налагает на членов этих общений известные обязанности и тем придает указанным формам общения идеальное бытие (75). Сюда присоединяется ряд методологических особенностей, свойственных изучению человека в обществе. Первая—это совпадение суб'екта знания с его об'ектом (136). Вторая—невозможность выяснить происхождение общества, так-как оно дано изначала, и ни история, ни этнография не наталкивались на факты внеобщественного бытия людей (63). Из первого *С. Л. Франк* делает вывод, что, установив полностью законы общественной жизни, раскрыв ее детерминизм, человек убьет веру в свою деятельность и уничтожит самый смысл общественности. Так, натурализм умертвит свой предмет. Рассуждение это нам кажется мало убедительным. Наука, разумеется, ничего общего с таким типом мышления не должна иметь. Это чувствует и *С. Л. Франк*, возвращающийся немного ниже к логической нелепости изучения человеком общественности, как чего-то ему внешнего. Обществоведение, по его мнению, можно мыслить лишь как самопознание человеческого духа (37). Почему, однако, совпадение суб'екта с об'ектом не препятствует естественно-научному изучению психологии, не говоря уже о биологии и зоологии, этого вопроса *С. Л. Франк* не касается на всем протяжении книги. Далее: что сказал бы автор по поводу исследователя, который, изучив общественную жизнь животных, а может быть, и растений, попытался бы распространить некоторые ее законы на человеческое общество. С точки зрения *С. Л. Франка*, он должен был бы остановиться как раз в момент перехода от стада павианов к поселку Нпам-Нпам или Андаманцев, ибо с этого момента начинается самопознание человеческого духа. Вряд ли такой подход к вопросу может облегчить движение науки, и вряд ли он продиктован чем-либо иным, кроме скрытой отправной точки зрения *С. Л. Франка*—общества так называемых цивилизованных людей.

Габриэль Тард указал однажды, что единая социология невозможна без предположения элементарного социального факта. Ясно, что отыскание такого факта было бы в высшей степени облегчено анализом внеобщественного состояния человека. Возможность такового отрицается, как мы видим, *С. Л. Франком*, привлекающим еще на помощь этнографию и историю. Опасаемся, что этнография не оправдает надежд автора. Так, Мамтрасы Малайского полуострова живут сами по себе, „как будто кроме данного дикаря никого в мире

не существует". То же передают исследователи о жителях внутренней части Борнео и некоторых обитателях гористых местностей Индии (*фон-Гюгель*). *Кранф* рассказывает, что дикари *Доко*, живущие к югу от Шоа в Абиссинии, не знают ни семьи, ни жилищ, ни предводителей и не знакомы даже с употреблением огня. Множество аналогичных фактов собрано в работах *Спенсера*, *Шаффгаузена*, *Лаврова* и других писателей, опровергая высказанное с такой категоричностью мнение С. *Л. Франка*. Но и отсутствие их не создало бы пропасти между миром животных и человеком при наличии богатейшего подбора животных обществ с их драгоценным для социолога материалом.

Натурализм, говорит далее С. *Л. Франк*, отрицает общественные законы, как таковые, ибо у последователей этого учения картина общественности расплывается во всеобъемлющей связи сил природы. На этом основании можно говорить и об уничтожении с точки зрения натурализма химии, кристаллографии, биологии, ибо все эти наука изучают отдельные картины или аспекты природы, выхваченные из ее целого. Но вряд ли кто станет серьезно оспаривать, что сверх общей связи явлений наука призвана изучать специфические стороны некоторых из них. Эти вопросы нашли вполне достаточное разрешение еще у *Милля* (Логика, кн. VI, гл. IX), и С. *Л. Франк* не представил ни единого основания к пересмотру *Миллевых* теорем.

В § 21 „Очерка" г. *Франка* мы внезапно наталкиваемся на указание, что все в мире, а не только общественная жизнь имеет идеал-реальный характер. Далее автор признает, что реальная сторона общественного явления целиком подчинена всем категориям конкретно-реальных процессов-причинности, закономерности и т. д. (82). В последующем оказывается, что реальное обществоведение уже представлено теоретической экономией, и сверх того находится в стадии образования теоретическая политика, т. е. наука о закономерностях государственной жизни общества (86). Почему же, спросит недоумевающий читатель, невозможна общая теоретическая наука о реальности общественной жизни, т. е. социология. А потому, отвечает автор, что такая наука привела бы к насильственному (?) упрощению сложной категориальной ткани общественного бытия, совмещающего идеальные и реальные моменты (100). Но ведь выше мы видели, что этой сложностью отличается всякое бытие, и тем не менее законность обобщающих естественных наук не оспаривается нашим автором. Правда, он мимоходом указывает на то обстоятельство, что науки о неорганической природе остаются необъединенными в какой-либо общей науке. Мы думаем, что такой наукой по справедливости должна считаться физика. И этот факт открыто или implicite признается мыслителями столь разных типов, как *Кондильяк* (см. III книгу его „Логики") и *Стенли Джевонс* (Основы науки, кн. V гл. XXVII и сл.). Недаром же обществоведы XVII века пытались построить свою науку по типу „социальной физики".

Итак С. *Л. Франк* не опроверг натурализма в обществоведении. Его аргументация насквозь пропитана представлением о „культурном" обществе, из которого он черпает свои понятия о семье, дружбе, государстве, обязанности. Его методологический анализ не отграничил сферы социального знания от других научных сфер, а попытка апеллировать к общим гносеологическим взглядам автора обратилась против него же. Во всей книге чувствуется сильный эмоциональный элемент. Вместе с читателем мы будем с интересом ждать обещанной С. *Л. Франком* „Социальной философии", но заранее опасаемся, что этот труд целиком пойдет по путям, предначертанным „Очерком методологии общественных наук".

И. Ильинский.

Испанский юрист об очередных проблемах социальной теории права.

(Kamiro de Maeztu. Authority, Liberty and Function in the light of the War. London. G. Allen and Unwin 1916).

Слово „кризис"—одно из самых употребительных в лексиконе юристов и философов. При том же оно никогда не перестает быть модным. Добрая половина книг, освещающих общие проблемы философии и права, переполнена описаниями кризиса и путей к его преодолению. Это явление имеет свои причины. Они кроются, отчасти, в том, что ссылка на „кризис" освобождает от обязанности быть ясным и давать прямые ответы на проклятые вопросы. Но есть кризисы и—кризисы. Великая французская революция, возбудившая столько не сбывшихся надежд на пришествие земного рая, породила жестокий душевный кризис в поколениях 20-ых и 30-ых годов XIX века. Этот кризис не был выдумкой литераторов,—он глубоко захватил людские массы, обычно стоящие вне литературных влияний. Можно найти любопытные тому доказательства в фактах, собранных Мезоном в его книге „Романтизм и нравы". Следовало a priori ожидать того же от разлада, внесенного в общество великой европейской войной 1914—1918 гг. Эпоха революции, сменившая войну, должна была усугубить начавшийся идейный разлад. Книга Маэцту

— один из его симптомов, притом не лишенный любопытных особенностей.

Автор — испанский юрист, видимо, получивший образование в Англии. Он по-своему переработал впечатления, вынесенные им из знакомства с богословскими авторитетами, для того, чтобы слить их в некоторую амальгаму с учеными новейшей логистики и социальной философии. Тут и Гуссерль, и Дюги и св. Павел. Маэцту считает, что война выявила с полной ясностью односторонность принципов свободы и власти. Стремление к свободе есть лишь порыв в сторону расширения нашего эгоизма, своекорыстного произвола нашего „я". Власть есть лишь сознание мощи, стихийное явление, не имеющее под собой морального фундамента. Общество не может быть построено на свободе, ибо свобода и общественность суть противоположности (a contradiction in terms). Строить общество на принципе власти — значит заведомо полагать в его основу пагубное начало. Как выйти отсюда? И действительно, выхода нет, пока исходишь из убеждения, что общество существует для людей. Нужно отрешиться от этого убеждения, стряхнуть с себя воспитанный в нас Ренессансом пиэтет к человеческой личности. „Выше любви к человеку я ставлю любовь к вещам и призракам", — учил Ницше. Маэцту идет по его стопам и перелагает на современный лад государственно-правовые идеи Блаженного Августина и св. Фомы Аквинского.

С этой точки зрения для испанского юриста стираются различия между индивидуализмом и государственным социализмом. Тот „кризис современного правосознания", которому посвятил свою книгу П. И. Новгородцев, кризис личности в праве, изживается сам собой в силу того, что личность не является высшей ценностью для права, как не является единственным элементом общества. То, что соединяет людей, не есть их общая воля. Для общества характерна множественность воль, а не их единство. Но эти многие воли стремятся к одному предмету, которым может быть все, что угодно, от seef-government до игры в футбол. Истинным основанием общества является не единая воля, а общая вещь (cömmon thing, 79). Эту мысль Маэцту не перестает подчеркивать и выявлять во всевозможных вариантах в разных местах своей книги. „Что является наиболее существенным для всех видов ассоциации: государств, акционерных компаний, спортивных клубов?" спрашивает наш автор. И отвечает: „то, что люди соединяются вокруг одной предметной цели, осуществление которой ставится выше, нежели осуществление личных целей каждого" (138). Отсюда и полная ликвидация фетишизма личности в социалогии. Общество не есть собрание только людей, оно является соединением людей и вещей (183), и притом таким, в котором господствуют вещи. Человек есть единственное животное, способное убить и умереть за идею (226). В этом его подлинная природа и сущность. Кто не желает создавать вещи, творить ценности, тому нет места в людском обществе. По справедливости, он подлежит aquae et ignis interdictio.

Мы не последуем за Маэцту в область чистой этики, куда он подымается, чтобы построить систему ценностей. Но из предыдущего изложения ясно, по какому пути пойдет этот писатель в своих юридических конструкциях. Правовой порядок он основывает на полном уничтожении суб'ективных прав, на господстве об'ективного права в смысле Леона Дюги. Каждый управомочен, поскольку он выполняет ту или иную общественно ценную функцию. Никаких иных правовых титулов не должно существовать в нормальном обществе. Государство с его армией, бюрократией и всем могущественным аппаратом суб'ективно-правомочных властей подлежит уничтожению. Вместе с ним умрет и его тень — домогающаяся от государства своих суб'ективных прав личность. На смену им придут производственные союзы людей, коих прообраз можно видеть в средневековых гильдиях. И в наше время трэд-юнионы не являются исключительно союзами защиты рабочих интересов. Они показывают нам возможность порядка и дисциплины вне государственного принуждения. Ход общественного развития ведет к тому, что союзы производителей из чисто профессиональных переродятся в производительные. На этой почве расцветут побеги нового права — права функций и ценностного творчества.

Маэцту не социалист. Скорее этого писателя можно причислить к синдикалистам, но и от них он отличается не только отсутствием революционного темперамента, но и всей философской подкладкой своего миропонимания. Иногда чувствуется, что наш автор воспитывался в Колледже Рескина и проникся характерным для этого учреждения смешанным духом трэд-юнионизма и эстетизма. Интересная и изящная книга Маэцту не может быть, конечно, названа исследованием по эмбриологии нового права. Это просто сборник эскизов углем, в которых с воздушной четкостью набросаны контуры правопорядка, мыслимого писателем, как лучший и неизбежный. Если бы естественно-научные институты сильнее говорили в авторе „Authority", он посвятил бы десяток-другой страниц вопросу, не возродится ли власть из гильдейской иерархии уже по самой природе человека и, пожалуй, вещей. Если бы он был в большей мере социологом, то обследовал бы природу так называемого конвенционного права, столь характерного для английской конституции, а также и для быта многих видов ассоциаций. Маэцту-юрист и философ. Как таковой, он дал все же интерес-

ные мысли, скомбинированные подчас не без оригинальности. Этого достаточно, чтобы пожелать его книге перевода на русский язык. Она послужила бы для русского читателя по вопросам общей теории права и государства недурным введением в курс проблем, волнующих социально научную мысль Запада.

И. Ильинский.

Автобиография Н. И. Костомарова.

(Изд. Задруги, 1922 г.).

Вышедшая в конце июля автобиография разрушителя исторических доктринерских фетишей, вызывает не мало вопросов и воспоминаний чисто юридического характера. Эта книга интересна для юриста не только тем, что упоминает и даже характеризует ученых правоведов: киевского профессора Иванишева, петербургских К. Д. Кавелина, В. Д. Спасовича, Б. Утина, Лохвицкого, польского Малиновского, предс. гос. сов. гр. Д. И. Блудова; сообщаемый Костомаровым отзыв о них кладет иногда черточки, исследователями-юристами не подмеченные.

Но еще более интересны в книге иллюстрации и материалы относительно цензурных, следственных и административно-карательных процедур, изведанных и пройденных знаменитым историком на горьком опыте. Ценно тут в особенности то, что автобиография изложена так спокойно-эпически, как бы речь шла не об авторе и его злоключениях, а о ком-то другом. И нечто новое чувствуется в изложении Костомарова, когда он касается действий и личности известного Дуббельта (стр. 208, 225 и др.). Оказывается, напр., что отправляемому в административную ссылку под конвоем жандармского офицера Костомарову разрешено было по пути остановиться в Новгороде столько времени, сколько будет нужно для его обозрения, а офицеру Дуббельт даже приказал „употребить все зависящие меры для предоставления мне возможности осмотреть все, что я сочту интересным". Примечательно и то, что „при заключении меня в крепость моей матери выдали сумму, составлявшую мое годовое жалованье по должности ад'юнкт-профессора". (Стр. 207).

Помимо сведений процессуальных о жандармском дознании в книге описаны эпизоды, рисующие юридическими штрихами быт полицейско-подпадзорных и ограничение власти полицеймейстера над ними (стр. 220), случаи расследования о скопцах, о раскольниках (стр. 249), о молоканах (стр. 251). Любопытно, что Костомаров, считавшийся важным государственным преступником, был во время ссылки своей прикомандирован однажды к чиновнику, приехавшему по высочайшему повелению с ревизионными поручениями в ту губернию,—для содействия чиновнику.

Для юриста могут представить интерес и социологические построения Костомарова в сфере вопроса о вожде и толпе (стр. 262, 397), о федеративном и коммунистическом укладе государственной и общественной жизни (стр. 251, 263, 309), о революционных движениях и переворотах (стр. 332, 319, 301), о северорусских народоправствах (стр. 268), о задачах истории государственного права (стр. 271, 305), о чувстве законности в народных массах и др.

Интересно и четко высказан в автобиографии Костомарова взгляд на Чернышевского. По мнению Костомарова, „никто в России не имел такого огромного влияния в области революционных идей на молодежь, как Чернышевский, и несмотря на изменения, каким подвергалось революционное направление в умах русской молодежи, Чернышевский для всех революционеров наших остался каким-то патриархом и даже в нынешней подпольной литературе усвоено за ним имя мученика Николая" (стр. 335).

Можно отметить, что Костомарову привелось быть в Саратове делопроизводителем Губернского Комитета по улучшению быта крестьян (в 1858-9 г.). Свое общее впечатление из широких наблюдений над дворянско-помещичьей средой накануне падения крепостного права Костомаров формулирует так: „Видя это близко, я вполне убедился, что русский человек способен действовать по сердцу так человеколюбиво, как не способен по своим убеждениям. Вообще же саратовский комитет постановил отпустить безвозмездно всех дворовых людей и не удерживать крестьянского имущества в пользу дворянства" (стр. 258).

В области чувства законности Костомаров на многих страницах обнаруживает такое чувство в народных движениях, и сам „историк-смутьян" несколько неожиданно оказывается чистейшим легалистом. „Чернышевский уехал рассерженным", когда Костомаров отказался прекратить публичный курс лекций своих, не уступив студенческому программному соображению. „Я заявил ему, что если правительственные лица, облеченные правом, приостановят, я подчиняюсь этому; притворяться же больным не стану, потому что это значило бы, заявивши публике о будущем моем чтении, вдруг испугаться молодежи, примкнуть к их пар-

тели и участвовать в программе их действий" (стр. 303), а студентам, пытавшимся сорвать лекцию его, Костомаров дал с кафедры отпор: „эти крики и свистки меня не огорчают; я служу науке и высоко ценю всякую свободу мнений, но подчиняюсь законным действиям; не могу сочувствовать этому псевдо-либерализму, который пытается насиловать совесть и убеждение других" (301).

Вообще, в обширной книге историка (более 450 стр.) скрыт любопытный юридический взгляд и опыт демократа — „самостийника" особого рода и обширнейшей эрудиции.

В. М.

Устав о государственном гербовом сборе *).

Под этим названием в № 9 „Собрания узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства" от 1-го марта 1922 г. опубликован декрет В. Ц. И. К. и С. Н. К. А, затем, в конце мая с. г., финансово-экономическое бюро Н. К. Ф. выпустило брошюру под названием: „Устав о государственном гербовом сборе, утвержденный В. Ц. И. К. и С. Н. К. 16 февраля 1922 г., с инструкцией о его применении и подробным перечнем документов, как подлежащих этому сбору, так и изъятых от него".

Сравнение нового гербового устава с тем, который действовал раньше (Собр. узак. 1901 № 8 ст. 77. Св. Зак. 1903, т. V уст. о пошл.) и, в особенности, сравнение „подробного перечня" с прежним „алфавитным перечнем бумаг, актов и документов, подлежащих гербовому сбору и изъятых от него" (Собр. узак. 1902 г. № 73, ст. 759) вскрывают и некоторое различие между ними, и еще больше сходства.

Различие, по существу, сводится, главным образом, к тексту ст. 1. Тогда как в прежнем, действовавшем до половины октября 1920 г. (Собр. узак., № 84, ст. 413), было сказано, что „гербовому сбору в пользу казны за указанными в сем уставе изъятиями подлежит",—и далее поименованы 4 группы бумаг,—в новом мы читаем: „государственному гербовому сбору подлежат указанные в приложенном к настоящему Уставу кратком перечне"; далее указаны в трех группах бумаги облагаемые. В ст. 1 прежнего Устава только упомянуто, что от обложения есть изъятия, самые же изъятия приведены в статьях 62-79; в новом Уставе имеется в ст. 1 вторая половина: „от гербового сбора освобождаются",—и далее следует указание в 4 группах бумаг, свободных от обложения. В схеме, таким образом, различия нет. Оно усматривается в том, что прежний Устав, по существу, был (и об этом прямо указано) своего рода каталогом облагаемых бумаг и документов без всякой попытки ва чем-либо об'ективном *обосновать обложение*, в новом же такая *попытка сделана*. По смыслу ст. 1 не все бумаги и документы подлежат гербовой оплате, а лишь те, которые *подаются* в правительственные установления „по инициативе частных лиц и организаций", и лишь те из составляемых правительственными местами и лицами бумаг, которые *выдаются* „по просьбе и в интересах частных лиц"; особо облагаются „документы по гражданско-правовым сделкам частных лиц между собою и с государственными учреждениями и предприятиями".

Будь в новом Уставе дано более точно и более твердо указание, что именно *частный непосредственный интерес*, вызывающий составление, подачу или получение бумаги, обусловливает уплату гербовой пошлины, а отсутствие такого интереса в письменном сношении гражданина с правительством обращает бумагу в беспошлинную, устав 1922 г. явился бы образцом или доказательством того, что гербовую облагаемость можно удобно и просто поставить в правовой фарватер, не поступаясь при этом интересами фиска.

К сожалению, означенное обоснование только декларировано в Уставе и притом декларировано довольно туманно,—в жизнь же оно едва ли войдет. И, повидимому, проникнуть в жизнь этому интересному новшеству помешает то обстоятельство, что „краткий перечень" не стал тем, чем мог бы стать. Обратно с „подробным перечнем" 1922 г. и „алфавитным перечнем" 1902 г. он опубликован не финансовым ведомством, но тою-же законодательною властью, как и самый Устав. „Краткий перечень" представляет собою как бы *„особенную"* часть гербового кодекса, в котором Устав составляет часть общую. В „кратком перечне" ожидалось поэтому найти иллюстрацию и развитие в законодательном порядке правооснования, которое (частный интерес) возвещено как мерило и основание облагаемости. Что именно оно возвещено, доказывается, напр., указанием № 60 (стр. 52), где предписывается считать изъятыми все бумаги по делам, „касающимся исключительно государственных или общественных польз и нужд, а не интересов отдельных лиц или учреждений".

Таким образом, если бы в Уставе этот принцип был устойчиво заложен, а в „кратком перечне" несколько конкретизован и в Инструкции о применении Устава снабжен и пояснен практическими правилами и способами расценки и распознавания, тогда отпала бы неизбежная произвольность и искусственность, которыми проникнут был прежний „алфавитный перечень" к Уставу о гербовом сборе. Спешность ли составле-

*) Во время печатания настоящей заметки появилось новое издание финансово-экоком. Бюро Н. К. Ф. „Гербовый сбор, руководство и раз'яснения". Отзыв об этом издании будет помещен в № 3 журнала.

ния или другая причина заставила „подробный перечень“ принять ту систему и выполнение, каким страдал и „алфавитный перечень“, но он повторяет те-же свойства, какие в „алфавите“ не раз были отменены сенатом.

Нужно отметить, что боль по всего неудачною является в смысле затемнения принципа облагаемости вторая половина статьи первой. Составленная редакционно без *видимой* связи с принципом облагаемости, она освобождает от обложения „бумаги“ по делам уголовным, „жалобы“ на должностных лиц, „дела“ по народному образованию, социальному обеспечению, охране труда и воинской повинности. Помимо недочетов терминологии надо отметить здесь пробелы сравнительно с тем, что было уже освобождено от гербового сбора Советским правительством ранее (Собр. узак. 1918, № 38, ст. 496; 1920, № 1-2, ст. 6 и др.), и явные пропуски относительно из'ятия от обложения переписки по выборам в Советы, по делам законодательного характера, по статистическим сведениям и запросам и проч. Так как в статье 1 из'ятие указано не примерное, а исчерпывающего значения и, однако, явно не полное, то составителям „подробного перечня“, пришлось или отступать от принципа облагаемости, декларированного в пунктах *а—б* первой части статьи, опираясь на вторую ее часть, или, наоборот, игнорировать вторую часть, подчиняясь принципу, формулированному в первой.

В связи с принципом частной заинтересованности подателя или получателя бумаг, как основания облагаемости, должен бы стоять какой-нибудь об'ективный признак для тарификации. К сожалению, никакой даже попытки в этом направлении не сделано, и совершенно непонятным становится при изучении „краткого перечня“, почему, напр., разрешение деятельности в Р.С.Ф.С.Р. иностранных предприятий, перестройки небольшого домика в захолустном городке или судебно-медицинские акты оплачивать должно одинаково по 150 р. (знак. 1922 г.), об'явления в таможни при морских отправлениях по 10 р., заборные книжки на отпуск товаров в долг в 10 р., а долговые расписки в принятии товара в долг—$^1/_4$% стоимости товара. С точки зрения конкретно-частного интереса едва ли здесь выдержана какая-либо градация, в смысле мощности плательщика ставки не поддаются об'яснению и т. д.

„Подробный перечень документов, подлежащих обложению гербовым сбором по каждому параграфу, а равно из'ятых от сбора, устанавливается Народным Комиссаром Финансов“, которому предписано руководствоваться „основаниями этого Устава“ (1 и 23 ст. уст.). Простой просмотр „подробного перечня“ должен убедить каждого, что в нем нет исчерпывающего каталога ставок гербовой пошлины, нет систематической группировки облагаемых и из'ятых бумаг и не во всем он руководствуется „*основаниями*“ устава.

В уставе и в „кратком перечне“ нет, напр., упоминания об из'ятии от сбора бумаг по делопроизводству государственного банка или здравоохранения и санитарии. Тем не менее, в „подробном перечне“ упомянуты некоторые бумаги этой категории, как из'ятые от гербового обложения, напр. №№ 54, 57, 72, 91, 98, 157—п. 17, № 188—п. 7 и др. Мы не хотим этим сказать, что все эти указания ошибочны, но несомненно одно, что некоторые из них опираются на общий смысл первой части статьи 1 устава, игнорируя вторую часть. Надо, с другой стороны, отметить, что наряду с этим правотворчеством Н. К. Ф. в направлении внедрения основного принципа встречаются, во-первых, обратное течение, во-вторых, явные недосмотры и пробелы.

Что касается последних, нельзя не пожалеть об отсутствии, напр., более подробных указаний по сельскому хозяйству и его делопроизводству; в частности, нет никаких пояснений о мелиорации; хотя в пункте 22 № 188 говорится об орошении и осушении, но только относительно из'ятых ходатайств, а ведь тут нужны и записки, и ответы и т. д., да и не в этом только состоит мелиорация. Отступление же от прямых указаний Устава усматривается в том, что по ст. 1 „от гербового сбора освобождаются жалобы на должностных лиц“, между тем в „подробном перечне“ показаны обложенными (№ 45) жалобы по делам гражданским, жалобы на отказ в возврате сборов, жалобы на управления жел. дорог и др. Это не недосмотр, а именно отступление от „оснований“ Устава, ибо тут подчеркнуто, будто из'яты только жалобы, „в которых содержатся исключительно обвинения в преступлениях или проступках по должности“. Как сказано подобное утверждение, обнаруживает то обстоятельство, что в перечне указаны (стр. 48) из'ятыми „жалобы, записываемые в жалобные книги на станциях ж. д., почтовых и т. д.“, где едва ли часто трактуется о преступлении. Кроме отступления от прямого (без оговорок) повеления Устава тут проявилось и уклонение от принципа. Жалоба на должностное лицо не всегда ведь указывает признаки преступления, касаясь нередко просто неправильного толкования закона или неудобного способа его применения, а с другой стороны, если она указывает преступление, то не всегда в ней отсутствует „ходатайство по частному делу“, чего для из'ятия от сбора требует „подробный перечень“ (стр. 49).

В краткой рецензии нельзя отметить всех даже существенных недочетов и высказать все пожелания, какие уже сейчас напрашиваются. Но недочеты имеются, и об этом свидетельствуют непрерывно продолжающиеся дополнения и раз'яснения, которые публикуются в „Вестнике Финан-

сов?. Можно высказать уверенность, что материал для пополнения и исправления узаконений и, в частности, „подробного перечня" был бы обильнее, если бы переписка по законодательным предметам, и в частности, толкованию узаконений не подверглась гербовому обложению. Эта переписка едва ли может квалифицироваться как письменное сношение граждан с правительством *по их частным делам* (§ 1 краткого перечня),—законодательные вопросы не личное дело отдельных граждан—и потому не подлежит гербовому обложению. Практика однако нередко наблюдается иная. И в этом примере думается наглядно сказывается главная Ахиллова пята рассматриваемой брошюры.

В. С. Маляренко.

Историко-революционный бюллетень.

Ежемесячный сборник. Январь № 1. Москва. 1922. Журнал издается обществом бывших политических каторжан и ссыльно-поселенцев и исторической секцией Дома Печати. Во вступительной статье к журналу редакция отмечает, что это издание не связано ни с какими политическими партиями и группировками. Задача журнала изучать революционное движение независимо от того характера, который оно принимало. Являясь изданием двух организаций-общества бывших политических ссыльных и исторической секции Дома Печати—журнал собирает материалы о быте тюрьмы и ссылки, о переживаниях политических заключенных и ссыльных до революции и изучает революционное движение.

В журнале намечены отделы: 1) воспоминания и статьи по истории революционного движения, 2) материалы по подготовке историко-револ. биогр. словаря, 3) отчеты о деятельности общества бывших политических каторжан и исторической секции Дома Печати, 4) информация о деятельности учреждений и лиц по изучению истории революционного движения и 5) библиография. В № 1 представлены все эти отделы, а самый журнал начинается статьею В. Н. Фигнер, посвященной характеристике Е. С. Сазонова, отравившегося на каторге, чтобы отклонить от товарищей позор телесного наказания. В отделе информаций находим устав общества бывших политических каторжан и список членов общества. Отметим также заметку о смерти народовольца А. Д. Михайлова: по архивным секретным документам установлено, что он умер в Петропавловской крепости от воспаления легких 18 марта 1884 года. Первый номер содержит в себе всего 50 стр. Будем надеяться, что журнал сумеет привлечь к участию в нем надлежащие силы, чтобы исполнить поставленные редакцией широкие и важные задачи.

Мих. Гернет.

Пролетарская революция.

Исторический журнал Истпарта. № 6 1922. Государственное издательство. Журнал посвящен почти исключительно истории октябрьской революции Р.К.П. (большевиков), хотя встречаются статьи и истории других партий. Журнал включает в себе несколько отделов: I статьи, II воспоминания, III материалы, IV библиография, V мелкие сообщения и заметки, и отдел о работе на местах органов Истпарта. Такое наименование отделов ставит большие трудности при разнесении материала: в разделе—статьи—встречаются воспоминания (например отрывки из воспоминаний Лелевича) и „материалы" (например, материалы к биографии Усиевича). Статьи и заметки дают сведения по истории партийных организаций на местах (например, в Одессе 1901-7 гг., в Олонецко 1905-08 г.г.) и о международных съездах Р. С.-Д. Р. П. Много внимания уделяется октябрьскому перевороту и его участникам. Широко поставлен библиографический отдел, где не редко подробно передается содержание более интересных рецензируемых книг. В разделе мелких сообщений и заметок напечатана заметка под заглавием „Последний из магикан" (уцелевший первомартовец). В ней сообщается о беседе автора заметки Девильковского с „последним могиканом-первомартовцем" Вайнером. Это имя ни разу не встречается в указателе фамилий к „Былому"; слова Вайнера об изготовлении им так называемых им „апельсинчиков" (метательных снарядов) находятся в полном противоречии со стенографическим отчетом о деле 1-го марта. В то время как Вайнер говорит об изготовлении им оболочек бомб „по образцу французской бомбы", все это опровергается имеющимися в печати сведениями. Так, например, в последнем труде Веры Фигнер „Запечатленный труд" М. 1922 г., 208 стр. имеется прямое указание, что оболочкой метательных снарядов служили купленные ею жестянки из под керосина. Ни в одном из воспоминаний „первомартовцев" мы не встречали указаний на участие в деле „трубочиста" — Вайнера. Помещение в журнале непроверенных заметок под таким громким заглавием недопустимо. При этом, что прибавляет к характеристике Желябова отзыв Вайнер, что „Желябов был очень весел всегда", а Кибальчич всегда „более задумчив"?

Мих. Гернет.

Б ы л о е.

Исторический журнал. №№ 17-19 1922 г.

Издание журнала „Былое“ возобновлено с июля 1917 г. Сравнительно с первыми годами издания журнала в 1906-1908 г.г. содержание выходящих теперь номеров изменилось. В то время, как ранее журнал заполнялся статьями виднейших участников политической борьбы в России и воспоминаниями о различных этапах этой борьбы, переживаниях в казематах Петропавловской крепости, в одиночных камерах Шлиссельбурга, на каторге и ссылке, рассматриваемые нами номера возобновленного издания уделяют этим материалам, к сожалению, мало места. Читатель, надеющийся найти в номерах журнала раскрытые тайны архивов департамента полиции, в значительной степени ошибается в своих рассчетах: во всех трех книгах (№№ 17-19) к числу таких материалов относится лишь небольшое сообщение о побеге П. А. Кропоткина (по материалам архива III отделения). В значительном количестве появились статьи историко-литературного содержания. Таковы, например, ст. Георгия Чулкова о Ф. Тютчеве и его эпиграммах, ст. В. П. Семенникова: новый текст путешествия Радищева, глава из романа Достоевского „Бесы“ (исповедь Ставрогина). Почти за полным прекращением выхода в свет за последние годы соответствующих книг, только в одном номере мы находим три странички библиографии, хотя казалось бы, что материала имеется и побольше. В то время, как ранее журнал вспоминал более или менее далекое прошлое, теперь журнал помещает статьи о „былом“ очень недавнем „о пребывании поляков в Киеве в 1920г.“, „Французы в Одессе“, „генерал Деникин, как историк русской революции“ (ст. П. П. Щеголева), „Николай II и его сановники по воспоминаниям С. Ю. Витте“ (ст. Н. П. Ашешова). Последние две статьи, реферирующие вышедшие за-границею книги, пополняют отдел библиографии. Небольшой в 154 стр. номер 17-й весь посвящен П. А. Кропоткину и составлен интересно: здесь имеются работы самого П. А. Кропоткина и воспоминания о нем, относящиеся, преимущественно, к трем последним годам его жизни, в том числе статья скульптора Гинцбурга, сестры милосердия Линд, (Последние дни П. А. Кропоткина) и воспоминания нескольких кооператоров города Дмитрова. Близко подходит к этим описаниям по своему характеру описание последних трех лет жизни В. Г. Короленко (ст. Т. Богдановича).

Из материалов, относящихся к недавнему прошлому, отметим записку бывшего министра внутр. дел П. Н. Дурново Николаю II перед началом мировой войны. Проф. Е. В. Тарле отмечает, что эта записка была сообщена даже не всем министрам и сделалась известною после революции нескольким лицам по попавшему в их руки литографированному экземпляру. Проф. Тарле говорит о записке, что в ней „мы находим предвидения необычайной силы и точности“. Дурново предвидит выступление на стороне Германии и Австрии также Турции, Болгарии, а на стороне противников Германии, Англии, Италии, Сербии и Черногории, а также Америки и Японии. Дурново считает Россию совершенно не подготовленной к войне: у нее мало артиллерии, пулеметов, плохо оборудованы жел. дороги. Далее он предсказывает неизбежность социальной революции: „в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социалистические лозунги, единственные, которые могут поднять и сгруппировать широкие слои населения, сначала черный передел, а затем и общий раздел всех ценностей и имуществ. Побежденная армия, лишенная к тому же за время войны наиболее надежного кадрового своего состава, охваченная в большей ее части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованною, чтобы послужить оплотом законности и порядка“... Далее автор предсказывает возможность революции в Германии, говорит о роли Англии и пр., но размеры нашей заметки не дают возможности делать дальнейших цитат.

Мих. Гернет.

Голос минувшего.

Год издания X. № 1. июнь 1922 г.

Выпустив за 1920-21 г.г. одну сводную книжку журнала, редакция выпустила теперь № 1 за текущий год. Этот номер, об'емом в 11 печатных листов, содержит в себе 11 статей по истории и истории литературы и в том числе три, вышедшие из под пера Короленко: 1) Символ, 2) Земли, земли! и 3) История моего современника. Первая статья — небольшой отрывок из статьи в Рус. Ведом., непропущенный цензурою (в 1886 г.). Короленко говорит о своих впечатлениях в тюремной церкви, „таких сильных, каких он никогда не испытывал ни в одной церкви". Его возмущает противоречие при виде в тюремной церкви, с перегородками для арестантов, образа распятаго Христа „этого символа свободы рядом с символом рабства". „История моего современника" главы автобиографии В. Г. Короленко, написанные им за шесть месяцев до его смерти (пребывание в Якутской ссылке и возвращение оттуда). Из других статей отметим интересную переписку охранников-письма заведывавшего особым отделением департамента полиции Ратаева к начальнику Московского охранного отделения Зубатову за 1900-1903 г. Эти письма поступили в редакцию „Голоса Минувшего" после самоубийства Зубатова в марте 1917 г. Первое же письмо начинается с просьбы Ратаева Зубатову: „будьте ласковы, займитесь не отлагая проектом похода на жидов" и т. д. в этом же роде, с тою разницею, что вместо „жидов" говорится о „подлецах", „злодеях" и пр. По истории революционного движения отметим статью В. Алексеева, написанную на основании архивных документов, о кружке студентов Аргиропуло и Зайчиновского или первой вольной типографии в России (1861 г.). Статья Быстренина «Уходящее» и Кони «Житейские встречи» знакомят читателя — первая с жизнью уездного городка полвека тому назад, а вторая, в мастерском, как всегда, изложении маститого автора, с деятельностью русских усмирителей польского восстания А. Савин в большой и интересной статье реферирует вышедший на английском языке 3-й том мемуаров Бисмарка, сопоставляя мемуары с перепиской Шувалова с Гирсом.

Мих. Гернет.

Книги, поступившие в редакцию для отзыва.

„Азбука земельного работника", изд. Наркомзема „Новая деревня", Москва, 1922 г., стр. 180; „Мировое сельское хозяйство", сборник статистико-экономических сведений на 1913—1920 г.г., того же Изд-ва, Москва, 1922 г., стр. 226. „Законы о трудовом землепользовании", того же Изд-ва, Москва, 1922 г., стр. 88; Н. Осинский „Восстановление крестьянского хозяйства в России и наши задачи", того же Изд-ва, Москва, 1922 г., стр. 84; П. А. Месяцев „О сельском хозяйстве в России", того же Изд-ва, Москва, 1922 г., стр. 49; С. А. Клепиков, „Атлас диаграмм и картограмм по аграрному вопросу". Серия А, № 8. Изд. 2-ое. Изд. того же Изд-ва, Москва, стр. 40 и „О земле". Сборник статей о прошлом и будущем земельно-хозяйственном строител. Вып. 1-й. Изд. Ред.-Изд. Комитет Н. К. З. 1921 г. стр. 191.

Законодательная хроника и распоряжения правительства.

Циркуляры и инструкции Нар Ком. Внут. Дел.

(Бюлл. Нар. Ком. Вн. Дел №№ 9—22, 1922 г.).

Из многочисленных циркуляров и инструкций *Главн. Управ. Коммун. Хозяйства* отметим, как наиболее важные и имеющие широкое значение, следующие: В № 9—10 опубликовано *Положение об органах коммун. хоз.* в сельских местностях и волостях. Там, где преобладает крестьян. население, особых коммун. органов не создается, и заведывание ком. хозяйством возлагается на одного из членов сельск. совета, в качестве председателя комиссии в составе, кроме него, еще двух членов того же совета или выборных от сельского схода. Такие же комиссии учреждаются и в волостях. Но там, где хозяйство крупное, губисполком может разрешить вол. ком. отделы. В фабрично-завод. поселках и городах такие отделы обязательны.

Циркул. № 89 разъясняет, что управление и ремонт зданий, сданных особыми актами Главмузею под госуд. хранилища, находится в исключительном ведении Главмузея или его местных органов. Прочие здания, худож.-архитект. значения эксплоатируются и ремонтируются ком. отделами, но органы Главмузея могут давать свои указания по этим вопросам. Разногласия разрешаются Глав. Упр. Ком. Хоз (№ 11).

Цирк. № 162 от 15 мая перечисляет категории рабочих: асспниз. обозов, водо-

проводов, газовых заводов и канализации, перешедших на начала хозяйствен. расчета. Эти категории имеют право на получение молока и масла, без вычета из зараб. платы и без замены денежной компенсацией взамен выдачи натуры (№ 19).

Инструкция о взимании платы за жилые помещения: рассчет производится домовым управлением, домовладельцем или арендатором по комнатам, соответственно жилой площади (кухни, корридоры, уборные, ванные в рассчет не идут). Размер платы зависит от района, высоты помещения, наличия водопровода, канализации и элект. освещ. Для рабочих и служащих госуд. учр. и предпр. плата колеблется от 100 тыс. за кв. сажень до 160 тыс. в благоустр. жилищах. Норма 16 кв. ар. на человека. Излишек свыше 10 кв. ар. оплачивается усиленно (дороже в два, пять, 10 и 20 раз). Добавочная площадь до 20 кв. ар. оплачивается не по усиленному тарифу для некоторых категорий-туберкулезных, больных сифилисом в заразной стадии, псих.-больн. и т. д., также служащ. госуд. учрежд., инженеров, агрономов, препод. выс. уч. зав, и др. специал., а равно ответствен. советск. работ., коим необходимо производить служ. работы на дому (представлять удостовер. начальства, заверенные профсоюзом), научн. работ, зарегистр. в КУБУ. Инвалиды труда и войны освобождаются от кварт. платы. Возникающие сомнения по взиманию платы разрешаются народ. судом (№ 18).

Цирк. № 98 по жилищн. вопросу предписывает представлять жилища из запасн. жилищн. коммун. фонда лишь рабочим и служащим в государ. учреждениях (№ 13).

Инструкция о порядке похорон и о пользовании кладбищами. Кладбища, морги, крематории находятся в ведении ком. отд. местных советов. За место на кладбище и похороны взимается этим отделом плата по таксе, утвержд. президиумом исполкома. Допускаются частные похоронные бюро, кои обязаны, по постановлению Исполкома, при народных бедствиях (зараз. эпидемиях, катастрофах) хоронить по себе стоимости. Плата комотделам за похороны лиц, находящихся на соц. обеспечении и в госуд. учреждениях (напр., детские дома), не должна превышать себестоимость, и похороны производятся этими учреждениями. Погребение допускается лишь по представлении акта регистрации смерти в отд. ЗАГС (№ 22).

Цирк. № 180, предписывая осторожность при демуниципализации домов, запрещает, при пересмотре списков муниципн. домов, муниципализировать владения, находившиеся до того в частном владении (№ 22).

Инструк. № 186, в развитие постанов. СНК от 24 мая 1922 г. об установлении списка дачевладений, остающихся в распоряжении и эксплоатации ком. отделов предписывает не производить „огульной приписки“ целых местностей с дачами каким-либо учреждениям и следить, чтобы предоставленные им дачи не сдавались в наем. В распоряжении ком. отд. могут оставаться, а) дачи владельцев отсутствующих, б) „барские“ дачи, в) дачевладения владельцев, имеющих более одного участка с дачами и, при недостаточности дачного фонда, г) дачи владельцев, имеющих на одном участке несколько дач, причем одно жилое строение во всяком случае должно оставаться у дачевладельца (22).

По вопросам финансового характера Админ. Организ. Управл. циркуляром № 190 раз'ясняет, что суммы, полученные от штрафов в администр. порядке, идут не на местные нужды, а должны сдаваться в Финотдел в доход государства (№ 22).

Цирк. № 58: введение местных налогов, кроме перечисленных в III отд. постан. ВЦИК от 10 дек. 1921 г., требует в каждом отдельном случае разрешения НКФ по соглашению с НКВД, как относительно существа налогов, так и размера их. При ходатайстве представлять мотивы и строго обосновывать проектируемый налог, прилагая свои соображения о доходности налога и правила взимания (недопустимы ходатайства по телеграфу) (№ 13).

Инстр. № 179 от 31 мая о регистр. торгов. помещений обязывает лицо, открывающее торговлю, в трехдневный срок по получении ордера комн. отдела и патента финан отд., зарегистрировать свое предприятие в местной милиции (№ 20).

Цирк Админ. Орган. Управ. № 25 о регистрации браков лиц разного гражданского состояния (иностранного подданства) предписывает: при заявлении жены о желании принять подданство мужа под'отдел ЗАГС удостоверяется в иностран. подданстве мужа, делает отметку о заявленном желании в графе „примечания“ и направляет дело в центр. отд. ЗАГС и иност. под'отдел НКВД. Без заявления о таком желании при самой регистрации брака переход в подданство другого супруга возможен лишь в общем порядке (№ 9—10).

По вопросам борьбы с преступностью цирк. Адм. Орган. Упр. № 80 раз'ясняет, что 1) арестные дома при милиции находятся в ведении Управл., а 2) уездные тюрьмы — в ведении органов НКЮ (9-10).

Освобождаемые из мест заключения подлежат безплатной перевозке по жел. дорог за счет НКВД (№ 14).

Цирк. 2 июня № 181 в изменение цир. 1921 г. № 6 предоставил губерн. и уезд. уголовным розыскам право пользоваться печатью и госуд. гербом (20).

Цирк. № 82 предписывает губзагсам немедленно приступить к собиранию стат. свед. о самоубийцах, по программе Цент. Стат. Управ. (№ 11).

Цирк. № 172 вводит для моряков торгового флота „мореходные книжки" взамен трудовых и паспортов, с прикрепленными фотограф. карточками, оттиском большого пальца левой руки и засвид. подписью владельца (№ 20).

Циркуляры Нар. Ком. Юстиции.

Из обозреваемых циркуляров важнейшими следует признать нижеследующие:

Цирк. № 48 от 8/VI („Еженедельник Сов. Юст." № 21-22) „*О введении в жизнь уголовного кодекса*" предписывает принять меры к усвоению угол. кодекса судебными работниками и к проведению его в жизнь. Цирк. также раз'ясняет некоторые вопросы недостаточно ясные по кодексу и дополняет пробелы его. Указывается, что замена лишения свободы штрафом и обратно не допускается, что под высшей мерой наказания следует понимать лишение свободы на 10 лет, а для революционных трибуналов—расстрел. Цирк. также предлагает: 1) в случаях нарушений обязательных постановлений, изданных в административном порядке и кодексом не предусмотренных, применять наказания, установленные этими постановлениями; 2) все дела, не рассмотренные до 1-го июня о преступлениях, совершенных лицами в возрасте от 16—18 лет, передать из комиссии по делам о несовершеннолетних в нарсуды; 3) рассмотреть вопрос о досрочном освобождении лиц, осужденных до введения кодекса в том случае, если совершенные ими преступления не могут считаться преступными по кодексу или наказание на них наложенное резко не соответствует кодексу.

Цирк. № 55 от 7/VII 22 г. („Еженед." № 24-25) „*О проведении в жизнь декрета об адвокатуре*" предписывает проведение в жизнь постановления В. Ц. И. К. о коллегии защитников, руководствуясь прилагаемым „положением", дополняющим и развивающим постановление В. Ц. И. К. „Положение о коллегии защитников", содержит указание о требованиях, которым должны удовлетворять члены коллегии; как с положительной, так и с отрицательной стороны (напр., отсутствие ограничения в правах и т. д.) „Положение" указывает порядок организации коллегии, структуру и функции ее, а в частности, права и обязанности членов коллегии, вопрос о гонораре, дисциплинарной ответственности и др.

Цирк. № 51 от 23 июня 22 г. („Еженед." № 24-25) „*О порядке наложения взыскания судебными приказами*" раз'ясняет и дополняет соответствующие статьи „Угол. процес. кодекса" (ст. 406-412).

Цирк устанавливает: 1) срок вынесения приказов; 2) указание в приказе мотивов его постановления; 3) публичность постановления приказов; 4) порядок прекращения дел с просьбой—наложить взыскание в порядке приказа; 5) исполнение приказа.

К вопросу „о церковных ценностях" относятся 2 циркуляра: цирк. № 36 (Еженед. № 17) предлагает дела о кражах церковных ценностей расследовать и назначать к слушанию вне всякой очереди, привлекая в заседание широкие массы населения. Цирк № 38 от 27-IV 22 г. (Еженед. № 18) „*О лицах, ответственных по делам о хищении церковных ценностей*" предлагает: 1) принимать меры к привлечению, во время производства предварительного следствия, к уголовной ответственности, независимо от фактических преступников, всех лиц, являющихся хранителями церковных ценностей. Если нет данных к обвинению их в соучастии, привлекать за небрежность или неосторожность в хранении; 2) одновременно должен пред'являться иск к хранителям ценностей исполкомом, передавшим церковные ценности, причем для поддержания этого иска командируется особое лицо губотюстом. При проверке церковного имущества требовать старые (до декрета об отделении церкви от государства) описи; непредставление, порча и сокрытие таковых должно служить основанием привлечения к ответственности.

Четыре циркуляра предписывают срочность производства дел:

1) Цирк. № 44 от 8 VI 22 г. (Еженед. № 21-22) „*О внеочередности производства расследований по порученим В. Ц. И. К., С. Н. К. и С. Т. О.*";

2) Цирк. № 54 от 30 VI 22 г. (Еженед. № 24-25) „*О порядке рассмотрения дел, возбуждаемых Р. К. И.*", предписывающий срочность рассмотрения этих дел.

3) Цирк. № 42 от 20 V 22 г. (Еженед. № 18) *О порядке производства дел о лесных пожарах*" устанавливает как максимальный срок рассмотрения этих дел—две недели.

4) Цирк. № 34 от 20 IV 22 г. (Еженед. № 17) „*О порядке рассмотрения дел по выселению культурно-просветительных учреждений*" в дополнение к относящимся сюда декретам С. Н. К. от 13/V 1921 г. и 20/I с. г. предписывает рассматривать эти дела в ближайшие заседания от момента поступления материалов по делу в нарсуд.

Цирк. № 47 от 7/VI 22 г. (Еженед. № 24-25) „*О порядке применения постановления С. Н. К. о наказаниях за нарушение постановлений об охране труда*": 1) перечисляет правила по охране труда, на которые распространяется это постановление С. Н. К. (от 27/IV 22 г.); 2) предписывает порядок рассмотрения этих дел и репрессий по ним.

Цирк. № 41 от 16/V 22 г. (Еженед. № 18) „*Об освобождении из лагерей принудительных работ женщин, имеющих детей до 12 лет*" раз'ясняет, что из лагерей должны быть освобождены женщины, имеющие детей до 12 лет, не только находящихся вместе с ними в лагере, но хотя

бы и вне лагеря, если эти дети являются безпризорными.

Цирк. № 37 (Еженед. № 16) снова предлагает во всех случаях взысканий промыслового сбора с предприятий мукомольной и крупичной промышленности подвергать решения по этим делам предварительному исполнению.

Цирк. № 32 от 8/IV 22 г. (Еженед. № 18) „*Об установлении устойчивости служебного положения зависправтрудов*" предлагает прекратить смену заведующих исправительно-трудовыми п/отделами, вследствие вреда, который приносится такой сменой.

Цирк. № 46 от 9/VI 22 г. (Еженед. № 21-22) „*О порядке применения декрета о национализации запаса книг*" разъясняет, что запасы книг и др. печатных произведений, изданных до 20 апреля 1920 г., поступившие в торговые аппараты издательств, являются собственностью государства.

Кроме перечисленных изданы циркуляры: № 33 от 13/IV 22 г. (Еженед. № 17) „*О порядке вызова в судебное заседание обвиняемых, потерпевших и т. д.*"; сообщение от 7/VI 22 г. (Еженед. № 21-22) „*О ликвидации междуведомственной комиссии по договорным амнистиям при В. Ц. И. К.*"; № 40 от 15/V 22 г. (Еженед. № 19-20) „*О сборе почтовых марок для Ц. К. помгол*"; циркулярная телеграмма № 39 (Еженед. № 18) „*О доставлении в Н. К. Ю. сведений о штрафах в пользу голодающих*"; цирк. № 43 от 29/V 22 г. (Еженед. № 19-20) „*О правилах взимания гербового сбора*"; цирк. № 35 от 21/IV 22 г. (Еженед. № 17) „*О снабжении экспонатами музея при управлении Милиции Республики*"; цирк. № 50 от 17/VI 22 г. (Еженед. № 23) „*О командировании на факультеты Обществ. Наук*" и цирк. № 45 от 8/VI 22 г. (Еженед. № 21-22) „*Об изменении классификации преступлений в ведомостях о движении дел и о числе осужденных.*

Д. Р.

Проект декрета о праве застройки[1]).

Определение и основные положения.

Ст. 1. Право застройки есть возмездное и долгосрочное право иметь строения на национализированной или муниципализированной земле, право застройки переходит по наследству и по праву общего и трудового преемства, может быть обременяемо залогом и отчуждаемо как в договорном, так и в принудительном порядке с торгов. Ст. 2. Право застройки может простираться на земельный участок, хотя непосредственно и не предназначенный под строение, если последнее экономически является господствующей вещью. Ст. 3. Строения, возведенные на земельном участке, переданном застройщику по договору застройки, считаются составной частью права застройки. Ст. 4. Взыскания по долгам застройщика третьим лицом могут быть обращаемы наравне с другим имуществом застройщика и на право застройки. *Контрагенты и срок.* Ст. 5. Право застройки предоставляется как физическим, так и юридическим лицам (застройщикам) соответствующими государственными органами и учреждениями, коим вверено распоряжение землей, путем заключения договора на срок от 36 до 99 лет. *Форма договора.* Ст. 6. Договор застройки излагается в письменной форме и свидетельствуется в порядке, предусмотренном законом для сделок по отчуждению строений. В таком же порядке регистрируется всякая перемена личности контрагента—застройщика и залог права застройки. *Необходимые элементы договора.* Ст. 7. В договоре застройки обязательно устанавливаются: а) личность, имя и фамилия или наименование застройщика; б) срок действия договора; в) срок, к которому работы по возведению застройщиком строений должны быть закончены; г) назначение строений; д) условия и способы поддержания строений в исправном состоянии; е) порядок надзора со стороны учреждений и органов распоряжения землей за содержанием строений в надлежащем состоянии; ж) условия страхования и восстановления строений в случае пожара; з) размер и сроки взносной платы. *Дополнительные элементы договора. Ст. 8. По усмотрению сторон в договор* застройки могут быть включены всякого рода непротивные закону и, в частности, существенным признакам права застройки соглашения, определяющие об'ем прав и обязанностей сторон. *Права застройщика.* Ст. 9. В целях возведения строений и дальнейшего их хозяйственного обслуживания застройщику принадлежит право добычи и использования строительных материалов, находящихся на поверхности и в недрах предоставленного ему земельного участка. Ст. 10. Права застройщика по использованию находящихся на предоставленном ему законом участке строений не могут быть ограничены распоряжениями или каким бы то ни было вмешательством со стороны коммунальных и иных органов власти, за исключением общеобязательных правил о соблюдении санитарных и противопожарных мер. Ст. 11. На строения, предназначенные для жилья, никакие ограничительные постановления о порядке и нормах использования жилой площади не распространяются. Ст. 12. Строения, предназначенные для жилья, свободны от государственных и местных обложений в течение трех лет со дня окончания работ

[1]) Прим. Проект принят Ученым Советом по жилищной кооперации при Центросоюзе. См. № 1 жур. «Право и Жизнь», стр. 63. Текст декрета о праве застройки, опубликованный в Изв. В. Ц. И. К. от 19 августа с. г., № 186, будет помещен в № 3 журнала.

по их возведению. Ст. 13. Плата, причитающаяся с застройщика, устанавливается в договоре о застройке, может быть повышаема лишь в сроки, заранее предусмотренные сим договором и притом не чаще, чем каждые девять лет. Каждая из означенных надбавок ни в коем случае не может превысить размер первоначальной, предусмотренной основным договором платы более, чем на десять процентов. Ст. 14. По истечении срока договора застройщику предоставляется преимущественное перед всеми прочими право на возобновление договора. Ст. 15. Застройщик имеет право расторгнуть договор в случае невозможности для него использовать право застройки по причине стихийных явлений, военных действий, народных бедствий и проч. уважительных обстоятельств. Ст. 16. При переходе права застройки к государству и при прекращении права застройки за истечением срока договора, государство уплачивает застройщику за строения и улучшения, произведенные на земельном участке по справедливой оценке, зачитывая причитающиеся с застройщика по данному договору застройки долги. *Обязанности застройщика.* Ст. 17. Застройщик обязан возвести на предоставленном ему земельном участке строения с соблюдением требований, установленных договором. Работы по возведению строений должны быть начаты до истечения трехлетнего срока со дня заключения договора. Ст. 18. Застройщик обязан страховать от огня все находящиеся на предоставленном ему земельном участке строения. Ст. 19. Застройщик не имеет права уничтожать либо сносить находящиеся на предоставленном ему земельном участке строения. Ст. 20. Застройщик оплачивает право застройки периодическими взносами в размере и в сроки, установленные договором. Ст. 21. В случае, если в договоре застройки со стороны застройщика участвуют двое или несколько лиц, они по обязательствам, возникающим из договора застройки, отвечают перед государством солидарно. Ст. 22. Застройщик платит все причитающиеся за предоставленный ему земельный участок государственные и местные повинности и сборы. *Залог права застройки.* Ст. 23. При залоге права застройки долг, обеспечиваемый сим залогом, не может превышать стоимость самого права застройки. Стоимость права застройки принимается равной сумме, в которой оценены все строения данного земельного участка на предмет страхования. При залоге права застройки долг, обеспеченный сим залогом, не может превышать половины стоимости права застройки. Эта стоимость принимается равной сумме половины стоимости постройки и капитализированного дохода, получаемого застройщиком с тем, однако, чтобы она не превышала этого дохода. Ст. 24. Погашение обеспеченного залогом долга производится периодическими взносами и должно быть закончено не позднее, как за десять лет до истечения срока договора о застройке. Ст. 25. За долг, обеспеченный залогом, застройщик отвечает, помимо находящегося в залоге права застройки, дополнительно всем прочим, принадлежащим ему имуществом. Ст. 26. В случае продажи государством права застройки с торгов (ст. 30), государство уплачивает залоговому кредитору полностью причитающуюся ему с застройщика сумму. Ст. 27. При добровольном и принудительном отчуждении права застройки, на нового приобретателя переходят все обязанности и права залогового должника с сохранением залогового обременения права застройки. Это право может быть приобретено государством в порядке ст. 32. Ст. 28. В случае уничтожения строений пожаром, залоговый кредитор получает досрочное удовлетворение из страховых сумм. *Порядок защиты прав и обращения взыскания на право застройки.* Ст. 29. Всякого рода права и притязания, принадлежащие как по договору застройки, так и по залогу сего права сторонам, в том числе и государству, а также и третьим лицам, в случае спора осуществляются в общем судебном порядке. Ст. 30. В случае невнесения застройщиком причитающихся с него по договору застройки платежей более, чем за два года или нарушения обязанностей, предусмотренных ст. ст. 17, 18, 19 и 20 сего декрета, государство может обратить взыскание на самое право застройки, продав его по судебному решению с публичных торгов. Ст. 31. При обращении взыскания на право застройки государству принадлежит преимущественное перед прочими кредиторами застройщика право удовлетворения. Ст. 32. В случае, если принудительная продажа с торгов права застройки по причинам, от сторон не зависящим, не состоится, назначаются вторые торги. Право застройки переходит к государству, если продажа этого права по таким же причинам не состоялась и на вторых торгах. *Прекращение прав застройки.* Ст. 33. Право застройки прекращается по истечении срока, на который оно было установлено. *Порядок проведения в жизнь декрета о праве застройки.* Ст. 34. На НКВД по Главному Управлению Коммунального Хозяйства возлагается обязанность издать в течение ..... срока нормальный договор права застройки и инструкцию по применению этого декрета и нормального договора; на Г. К. У. возлагается руководство и об'единение нормальной деятельности местных коммунальных органов при применении настоящего декрета.

Сводка декретов, опубликованных с 1-го января 1922 г. до 1-го июля 1922 г. в «Известиях» ВЦИК и «Собр. Узак. и Рас. Пр.» 1922 г.

Автомашины. О порядке приобретения за границей авто-машин и авто-имущества. Изв. № 81, 11 апр. *Адвокатура.* Положение об адвокатуре. Изв. № 232, 16 июня. *Административные взыскания.* Об изменении п. 2 литеры В декрета об административных взысканиях, опубл. в С. У. № 52 1921 г. С. У. № 18 ст. 184. *Административ. деление РСФСР.* Об автономной Монголо-Бурятской области. Изв. № 8, 12 янв. Об образовании об'единенной Кабардино-Балкарской области. Изв № 20, 27 янв. Об образовании об'единенной Карачево-Черкесской автономной обл. Изв. № 23, 31 янв. Об упразднении Яренского уезда. Изв. № 37, 16 февр. Об автономной Якутской социалистической сов. республике. Изв. № 108, 10 мая. Об образовании автономной области Опратского народа. Изв. № 125, 8 июня. О расширении границ автономной Башкирской республики. Изв. № 133, 17 июня. О делении уездов Тверской губ. Изв. № 140, 28 июня. *Акционер. общ-ва и концессии.* Об учреждении главного комитета по делам о концессиях и акционери. общ. Изв. № 83, 13 апр. *Акционерные общества.* Положение о комиссии для рассмотрения предложений об образовании смешанных обществ. С. У. № 23, ст, 251. *Армия и воен. флот.* О денежных пособиях военнослужащим. Изв. № 1, 1 янв. Образец анкеты для откомандирования из Красной Армии для работы по специальности. Изв. № 3, 4 янв О добровольном флоте. Изв. № 14, 19 янв. Об упразднении квартирных комиссий по предоставлению помещений для Красной Армии. Изв. № 14, 19 янв. Порядок отвода помещений под войсковые потребности. Изв. № 14, 19 янв. О годовщине Красной Армии. Изв. № 20, 27 янв. О снабжении Красн. Армии предметами широкого потребления. Изв. № 24, 1 февр. О прекращении возвращения из Красной Армии специалистов и студентов. Изв. № 68, 25 марта. О приводе Красн. Армии к красной присяге. Изв. № 70, 28 марта. О вознаграждении лиц, состоящих в частях особого назначения. Изв. № 79, 7 апр. О размерах денежных пособий военнослужащим. Изв. № 109, 18 мая. О недопущении обращения кредитов и фондов денежных знаков, коими финансируются заводы, выполняющие заказы военного времени, по другому назначению. Изв. № 140, 27 июня. О воспрещении использования не для непосредственной надобности стальной снарядной катанной и кованной заготовки и снарядных стаканов. С.У. № 18, ст. 185. О снабжении Кр. Армии продовольствием. С.У. № 18, ст. 186. О центральной и местных комиссиях по военному снабжению. С.У. № 18, ст. 187. О льготах, предоставленных составу Красной Армии при посылках на работу через Отделы Труда. С.У. № 18, ст. 209. Об упразднении Технической комиссии в Крыму. С.У. № 23, ст. 247. Об использовании пошивочными органами материалов, отпущенных им для выполнения военных заказов, исключительно по их прямому назначению. С.У. № 23, ст. 254. О порядке откомандирования из Красной Армии квалифицированных специалистов и студентов высших учебных заведений. С.У. № 24, ст. 274. О документах, удостоверяющих право на отсрочку бывшим офицерам. С.У. № 26, ст. 308. О сборе клевещины. С.У. № 28, ст. 329. О предельных размерах денежных пособий военнослужащим. С.У. № 29, ст. 347. *Вексель.* Положение о векселях. Изв. № 72, 30 марта. О признании за долговыми денежными обязательствами при определенных условиях силы векселя. Изв. № 126, 9 июня. *Ветеринария.* О ветеринарных работниках. Изв. № 69, 26 марта.

Вино, виноделие и спирт. О распространении на всю территорию Р.С.Ф.С.Р. и на все союзные с ней республики декрета СНК от 9-го августа о продаже вин. „Изв. № 96, 3 мая. Положение об управлении гос. виноградарством и виноделием. С. У. № 6, 25 февр. О порядке отпуска спирта. С. У. № 18, ст. 188. *Волховстрой.* Об оказании всестороннего содействия и поддержки работ на Волховстрое. Изв. № 137, 23 июня. *В. Ч. К.*—Об упразднении ВЧК. Изв № 30, 8 февр. *Въезд в пограничные пункты.* О свободном въезде в пограничные пункты и выезде из них лиц, командированных распоряжением НКВТ. Изв. № 45, 25 февр. *Въезд в Россию.* Об изменении редакции примечания к п. 3 декрета „О порядке проверки личного состава иностранных торговых судов, пропуска и пребывания иностр. моряков в портовых городах Р.С.Ф.С.Р", опубл. в С.У. 1921 № 68. С.У. № 19 ст. 222. *Выезд за-границу.* О выезде за-границу граждан Р.С.Ф.С.Р. и иностранцев. Изв. № 109, 18 мая. *Геодезические знаки.* Ответственность за уничтожение и порчу геодезических знаков. Изв. № 48, 1 мар. *Горное дело и надзор.* О горном надзоре. Изв. № 39, 18 февр. О распространении декрета СНК от 30 янв. 1922 г. о горном надзоре на все автономные и союзные советские республики Изв. № 67, 24 мар.

Госбанк. О вкладных операциях Госбанка и правилах приема денежных переводов за-границу. Изв. № 80, 9 апр. *Делопроизводство Наркоматов.* Об ответственности Наркоматов за своевременность ответов их на запросы управления делами и секретариата СНК и СТО. Изв. № 1, 1 янв. О порядке внесения вопросов на рассмотрение С. Н. К. и Совета Труда и Обороны. С. У. № 29, ст. 340. *Денежное обращение, валюта, кредит, гос. заем.* О выпуске и обращении срочных безпроцентных обязательств РСФСР. Изв. № 1, 1 янв. О курсе золотого рубля

на январь 1922 г. Изв. № 1, 1 янв. О производстве всех денежных рассчетов в прежних счетных единицах. Изв. № 8, 12 янв. Об исчислении в довоенных руб. местных налогов и сборов. Изв. № 23, 31 янв. Определение курса довоенного золотого руб. в сов. дензнак. на февраль 1922 г. Изв. № 23, 31 янв. Об отмене исчислений государственных доходов и расходов в довоенных руб. Изв. № 75, 2 апр. О переходе к счету на рубли образца 1922 г. Изв. № 78, 6 апр. Об обращении золота, серебра, платины, драгоценных камней и иностранной валюты. Изв. № 80, 9 апр. О выпуске в обращение срочных беспроцентных обязательств Р.С.Ф.С.Р. образца 1922 г. Изв. № 87, 21 апр. О порядке ликвидации рассчетов по договорам, платежи по коим исчислены в довоенных руб. Изв. № 99, 6 мая. О порядке образования кредитных учреждений. С.У. № 17, ст. 171. *Древесина.* Об оплате древесины и побочных в лесах материалов Изв. № 9, 13 янв. См. отд. „Топливо".

Жилищное дело. Об ответственности за сохранность занимаемых помещений. Изв. № 34, 12 февр. О плате за пользование жилыми помещениями. Изв. № 89, 23 апр. О невыселении в административном порядке граждан из занимаемых ими жилищ. Изв. № 96, 3 мая. Изв. № 108, 17 мая. Об установлении списка дачевладений, остающихся в распоряжении и эксплоатации коммунальных отделов. Изв. № 121, 2 июня. *Заготовка вещевого довольствия.* О порядке заготовки и распределения спецодежды и предметов вещевого довольствия. Изв. № 3, 4 января. *Задолженность.* О продлении кредитов с целью предоставления Наркоматам возможности покрыть задолженность по заработной плате за 1921 г. Изв. № 18, 25 ян.

Заем (хлебн.) О хлебном займе. Изв. № 121, 2 июня. О порядке покрытия хлебного займа. Изв. № 129, 13 июня. *Земельные дела.* Положение о федеральном комитете по земельным делам. Изв. № 108, 17 мая. *Имущественные права граждан.* Об основных частных имущественных правах, признаваемых Р.С.Ф.С.Р. Изв. № 134, 18 июня. *Инженеры.* Об учреждении ассоциации инженеров. Изв. № 45, 25 февраля. *Ирригация.* О плате за пользование государственными сооружениями по ирригации, находящимися в Туркреспублике. Изв. № 137, 23 июня. *Искусство.* Об устройстве при ЦК помголе особого комитета, находящегося в ведении Наркомпроса, по устройству заграницей выставок русских художников Изв. № 70, 28 мар. *Истребование имущ.* О порядке истребования имущества бывшими собственниками от фактических владельцев Изв. № 79, 2 мар. *Кожевенное сырье.* О заготовке и переработке кожевенного сырья. Изв. № 84, 14 апр. *Коммунальное хозяйство.* О мерах против невнесения платы за услуги предприятий коммунального характера и бесхозяйственного пользования ими. Изв. № 124, 7 июня. О коммунальном хозяйстве. Изв. № 136, 22 июня. *Коммунальные услуги.* О взимании платы за пользование электрической энергией в Петрограде и Москве. Изв. № 1, 1 янв. Об уплате коммунальных услуг. Изв. № 68, 25 мар. *Кооперация.* О кредитной кооперации. Изв. № 21, 28 янв. О банке потребительской кооперации. Изв. № 32, 10 февр. Об изменении декрета о кредитной кооперации. Изв. № 45, 25 февр. О разбронировании губерний для заготовительной деятельности. С. У. № 14, 15 мар. ст. 148. О порядке передачи Кооп. кожевенного сырья. С.У. № 28, ст. 330. *Лесосеки.* Постановление ВЦИК об отводе лесосек. Изв. № 59, 15 мар. *Лотереи.* Об устройстве лотерей государственными учреждениями. Изв. № 127, 10 июня. *Лошади.* О запрещении вывода лошадей за пределы РСФСР. Изв. № 25, 2 февр. Инструкция по борьбе с контрабандным переводом лошадей через государственную границу РСФСР С.У. № 17, ст. 172. В развитие декрета СНК С.У. № 11.

Международные дела и сношение. Об уполномоченных Наркоминдела по иностр. делам на территории РСФСР. Изв. № 33, 11 февр. О порядке назначения представителей РСФСР за-границей. Изв. № 33, 11 февр. Соглашение Австрийской Республ. С. У. № 3, 16 февр. ст. 39. Соглашение с Финляндией о перевозке по жел. дор. С. У. № 8, 27 февр. ст. 87. Соглашение с Финляндией о сплаве лесных материалов. С.У. № 7, ст. 78 и 79. Соглашение с Германией о возвращении на родину военно-пленных и гражд. интернир. С.У. № 7, ст. 83. Дополн. соглашение с Германией о реэвакуации транзитом через Латвию и Литву. С.У. № 7, ст. 84. Соглашение с Венгрией о возвращении на родину военнопленных С.У. № 7, ст. 86. Соглашение с Германией о возвращении на родину военнопленных. С.У. № 7, ст. 85. Соглашение с Италией. С.У. № 11, 6 марта ст. ст. 95 и 96. О ратификации договора с Чехословакией. Изв. № 138, 24 июня. О представителях Наркомнаца в договорных сов. республ. Изв № 138, 24 июня. Об изменении предельного веса дипломатической почты и о порядке пропуска багажа и имущества, доставляемых из-за границы для дипломатических представителей. Изв. № 140, 27 июня. *Мельницы.* О взносе арендной платы натурой за аренду мельниц профорганами. Изв. № 14, 19 февр. О передаче мукомольно-крупяных предприятий Наркомпроду. Изв. № 27, 4 февраля. *Металлический лом.* Использование метал. лома. С.У. № 14, ст. 146. О порядке использования металлического лома. С.У. № 26, ст. 306 Об упразднении междуведомственной комиссии по наблюдению за правильным использованием металлического лома и об организации об'единения „Металлоторг". С.У. № 29, ст. 343. *Метрич. система.* Об отдалении срока вве-

дения метрическ. системы. Изв. № 126, 9 июня. *Милиция.* О расходовании продуктов, отпускаемых на милицию, исключительно по прямому назначению. С.У. № 28, ст. 322. О распространении на милицию прав военной кооперации. Изв. № 121, 2 июня. *Монополия.* Об отмене государственной монополии на средства сельскохозяйственного производства. Изв. № 113, 23 мая. *Москомгосоор.* О реорганизации Москомгосоора. Изв. № 114, 24 мая. *Налоги, пошлины, акциз, таможня, повинности, трудгужповинность.* Об изменении натурального налога на мясо. Изв. № 1, 1 янв. Попудный сбор с грузов, перевозимых морем. Изв. № 6, 10 янв. О возмещении убытков, понесенных на гужевой повинности вследствие падежа скота или повреждения мертвого инвентаря. Изв. № 11, 15 янв. Об исчислении налогов в довоенных рублях. Изв. № 81, 25 янв. Об ответственности за невыполнение трудгужналога. Изв. № 19, 26 янв. Об исчислении в довоенных руб. существующих акцизов. Изв. № 24, 1 февр. Об акцизе на пиво, мед, квас, фруктовые и искусственные минеральные воды. Изв. № 29, 7 февр. Об акцизе со спирта, отпускаемого на специальные надобности. Изв. № 29, 7 февр. О промысловом налоге. Изв. № 32, 10 февр. О трудгужповинностях. Изв № 33, 11 февр. Налог общегражд. в пользу голодающих. Изв. № 35, 14 февр. Об освобождении от обложения всех рыбных грузов и товаров, вывозимых с персидских государственных промыслов. Изв. № 39, 18 февр. Правила о промысловом обложении производства предметов роскоши. Изв. № 40, 19 февр. О судебных пошлинах. Изв. № 41, 21 февр. Устав о Гос. Гербов. Сборе. С.У. № 9, 1 марта, ст. 89. Акциз на соль. Изв. № 46, 26 февр. Об амнистии неплательщикам продналога в районах, выплативших продналог в размере 100%. Изв. № 49, 2 мар. О канцелярском сборе. Изв. № 50, 3 марта. Об едином натуральном налоге. Изв. № 51, 4 марта. Дополнение к постановлению президиума ВЦИК от 27 февр. 1922 г., опубликов. в Изв. № 49 об амнистии на неплательщиков продналога. Изв. № 52, 5 марта. О натуральном налоге на молочные продукты и яйца в 1922 г. Изв. № 55, 9 марта. О тарифе консульских сборов, а также и других сборов взимаемых НКИД. Изв. № 58, 12 марта. О таможенном тарифе по европейской торговле. Изв. № 58, 12 марта. Дополнение к декрету о порядке осуществления период. трудгужповинностей на началах трудгужналога. С.У. № 13, ст. 128. Об установлении акциза с нефтяных продуктов. Изв. № 59, 14 марта. Инструкция о порядке исчисления и взимания натур. налогов с Гос. Совхозов урожая 1921 и 22 г.г. С.У. № 14, 15 марта, ст. 137. О недоимках по продналогу. Изв. № 62, 17 марта. О таможенно - тарифных комитетах при НКВТ. Изв. № 62, 17 мар. О едином натуральном налоге. Изв. № 63, 18 марта. О вознаграждении лиц, неправильно обложенных трудгужналогом. Изв. № 65, 22 марта. О взимании таможенными учреждениями складочного и канцелярского сборов. Изв. № 65, 22 марта. Утверждение поясных такс и ставок государственных и местных налогов и сборов в советских денежных знаках. Изв. № 72, 2 апр. Изменение декрета ВЦИК и СНК. Об едином натуральном налоге. Изв. № 82, 12 апр. О порядке применения амнистии к неплательщикам продналога. Изв. № 87, 21 апр. Об акцизе на восковые и озокеритовые свечи. Изв. № 91, 21 апр. Об акцизе со свекловичного и крахмального сахара. Изв. № 92, 27 апр. Об отмене государственных налогов и местных сборов, существовавших до 1921 г. Изв. № 93, 28 апр. О воспрещении законодательными и административным учреждениям союзных и автономных советских республик устанавливать какие-либо изъятия в косвенном обложении. Изв. № 95, 30 апр. О безотлагательном и обязательном проведении повсеместно в Рос. Фед. Сов. Рес. всех налоговых предприятий, вводимых ВЦИК. Изв. № 95, 30 апр. Повышение акциза на вина. Изв. № 96, 3 мая. Об акцизе с чая, кофе и цикория. Изв. № 101, 9 мая. О размерах ставок, взимаемых таможенными учреждениями, складочного и таможенно - канцелярского сбора. Изв. № 103, 11 мая. Об особом патентном сборе за право торговли табачными изделиями. Изв. № 103, 11 мая. Об осуществлении трудгужналога в местностях РСФСР., пораженных неурожаем. Изв. № 103, 11 мая. Разъяснение к декрету от 4 мая 1922 г. „Об особом патентном сборе за право торговли табачными изделиями" опубликованном в Изв. ВЦИК № 103, 11 мая 22 г. Изв. № 108, 17 мая. О порядке привлечения работниц и крестьянок к работе в советских учреждениях. Изв. № 114, 24 мая. Об изменении размеров акцизного обложения. Изв. № 116, 27 мая. О едином натуральном налоге. Изв. № 121, 2 июня. О беспошлинном пропуске прибывающих из-за границы в адрес благотворительных организаций продовольствия и предметов первой необходимости. Изв. № 121, 2 июня. О денежном подворном налоге вне городских поселений для удовлетворения местных нужд. Изв. № 123, 4 июня. О применении единого натурального налога в районах скотоводнического хозяйства. Изв. № 128, 11 июня. Об амнистии недоимщикам по трудгужповинности за 1921 г. и предшествующие годы. Изв. № 129, 13 июня. О порядке замены трудового и гужевого налога другими видами обложения. Изв. № 132, 16 июня. О льготах по масляно-яичному налогу. Изв. № 138, 24 июня. О перечислении поступлений промыслового налога на усиление местных средств. Изв. № 139, 25 июня. О введении налога с публичных зрелищ и увеселений. Изв. № 139, 25 июня. Об утверждении таможенного тарифа по европей-

ской торговле. Изв. № 142, 29 июня. Правила взимания общегражданского налога для оказания помощи голодающим и на усиление средств по борьбе с эпидемиями. С.У. № 16, ст. 167. Приложение к декрету опублик. в № 35 Изв. от 14 февр. О порядке привлечения рабочей гужевой силы для административных нужд советских учреждений. С.У. № 18, ст. 206. О признании нецелесообразным изменения установленных на текущий год норм трудгужналога. С.У. № 19, ст. 214. О порядке привлечения рабгужсилы для административных нужд советских учреждений. С.У. № 24, ст. 278.

Народное здравие. О воспрещении ликвидации сдачи в аренду протезных мастерских без согласия Наркомздрава. Изв. № 3, 4 янв. О сборе и культуре лекарственных растений. Изв. № 8, 12 янв. Об открытии частных лечебных заведений и аптек. Изв. № 10, 14 янв. О курортном лечении трудящихся и об эксплоатации курортов. Изв. № 29, 7 февр. О размере страховых взносов на лечебную помощь. Изв. № 37, 16 февр. О мерах борьбы с холерой. Изв. № 98, 5 мая. О предоставлении Наркомздраву права перевода на хозяйственный расчет курортов, их об'единений и подсобных предприятий. Изв. № 115, 25 мая. О праве открытия и производства торговли медикаментами. Изв. № 139, 25 июня. *Народное просвещение.* О закреплении за агитационно-просветительными пунктами помещений на станциях жел. дор. и водных пристанях. Изв. № 3, 4 янв. О мерах к улучшению жилищных условий научных работников. Изв. № 16, 22 янв. О центральном архиве Изв. 37, 16 февр. О порядке приобретения заграничной литературы государственными учреждениями. Изв. № 42, 22 февраля. О порядке издания учебных пособий. Изв. № 57, 11 мар. О мерах к обеспечению культурно-просветительных и воспитательных учреждений помещениями С.У. Изв. № 16, ст. 158. О забронировании за центральн. комиссией по улучшению быта ученых особого фонда пайков. С.У. № 19, ст. 207. О передаче отделу по делам музеев и охране памятников искусства и старины части сумм, вырученных от продажи музейных ценностей. С. У. № 19, ст. 216. Об обеспечении лиц, командированных на рабочие факультеты. Изв. № 68, 25 мар. О руководстве сельско-хозяйственным образованием. Изв. № 109, 18 мая. О государственных и частных стипендиях для студентов. Изв. № 120, 1 июня. Положение о главном управлении по делам литературы и издательства. Изв. № 137 23 июня. О высших учебных заведениях автономных республик. Изв. № 138, 24 июня. Об учреждении особого временного комитета науки Изв. № 138, 24 июня. *Обувь.* О сдаче обуви трестами и Губернскими Советами Нар. Хоз. Военному ведомству и о забронировании за Главным Управлением Кожевенной Промышленности запасов кожевенного, мехового и щетинного сырья, а равно полуфабрикатов и изделий из них. С.У. Изв. № 28, ст. 329. *Откомандирование.* Возвращение к работе по специальности работ, косвенного обложения. Изв. № 20, 27 янв. *Общества, с'езды, совещания.* О порядке разрешения с'ездов и совещаний. Изв. № 134, 18 июня. *Отчетность предприятий.* Об отчетности государственных, кооперативных, частных, собственных и арендованных, и концессионных предприят. перед государственными учреждениями. Изв. № 69, 26 мар. *Палаты мер и весов.* Положение о мест. поверочных палатах С.У. № 12, ст. 120. *Печать.* О переводе всей периодической печати на начала хозяйственного рассчета. Изв. № 21, 28 янв. О передаче Государственному Издательству всей принадлежащей ему и находящейся в типографиях бумаги С.У. № 18, ст. 192. *Плановые комиссии.* Об областных плановых комиссиях. Изв. № 133, 17 июня. О государственной общеплановой комиссии. Изв. № 133, 17 июня. *Платина.* Об образовании Смешанного Синдиката главнейших держателей мировых запасов платины. С.У. № 26. ст. 303. *Подряды и поставки.* Порядок заключения договоров о подряд. и поставках Н.К.П. Сообщ. С.У. № 11, ст. 99. О залогах, применяемых в обеспечение государственных подрядов и поставок. С.У. № 24, ст. 267. *Пожарное дело.* О содержании местных пожарных организаций. Изв. № 115, 25 мая. *Портовые сборы.* О портовых сборах. Издан в изменение ст. 4-й „Положения о портовых сборах", Декрет СНК от 20 мая 1921 г. Изв. № 6, 10 янв. *Посевные материалы и обсеменение полей.* Об ответсвенности за несвоевременную заготовку, доставку и раздачу полевого материала для пострадавших от неурожая губерний на весенний засев 1922 г. Изв. № 10, 14 янв. О помощи обсеменения полей семей красноармейцев к весне 1922 г. Изв. № 46, 26 февр. Положение о мест. органах по проведению яровой семенной компании в голод. районах. С.У. № 12, ст. 113. О мерах по охране семенного зерна. Изв. № 57, 11 мар. Меры к успешному выполнению яровой семенной компании. С. У. № 14, ст. 142. О семенных ссудах. Изв. № 139. 25 июня. *Почта, телеграф, телефон.* О порядке выдачи газет подписчикам по спискам. Изв. № 23, 31 янв. Изменение такс Н. К. Почт. Телегр. Изв. № 31, 9 февр. Об изменении такс Народного Комиссариата почт и телеграфа Изв. № 86, 20 апр. Об изменении такс за пересылку по почте периодических изданий Изв. № 115, 25 мая. О переводе телефонных сетей Н. К. П. и Т. на хозяйственный рассчет. Изв. № 127, 10 июня. Об охране почт с крупными ценностями. С.У. № 26, ст. 309. О ликвидации Особой Комиссии по сооружению радио-сети Республики. С.У. № 28, ст. 323. О заготовке материалов и оборудования согласно договора с

Афганистаном. СУ. № 28, ст. 324. О праве пользования телеграфными проводами и о таксах за услуги, оказываемые телеграфной сетью Н.К.П.С. С.У. № 29, ст. 348.

Предприятия торг. и промышл., их обложение. О дополнительном обложении торговых и промышленных предприятий для оказания помощи голодающим. Изв. № 91, 26 апр. *Прокуратура.* Положение о прокурорском надзоре. Изв. № 132, 16 июня. *Пушнина.* Порядок заготовки пушнины. Изв. № 33, 11 февр. О свободной скупке, продаже и выделке пушнины. Изв. № 100, 7 мая. Дополнение к постановлению В. Ц. И. К. от 28 апреля 1922 г. об отмене монополии на пушнину. Изв. № 137, 23 июня. *Рабочие, служащие, труд, зараб. плата.* О заработной плате рабочим и служащим на январь 1922 г. Изв. № 11, 15 янв. О норме оплаты рабочих и служащих на временно остановленных государственных предприятиях. Изв. № 19, 26 янв. О фондовых комиссиях. Изв. № 27, 4 февр. О расформировании комиссии по отсрочке и откомандированию трудобязанных при Наркомтруде. Изв. № 33, 11 февр. О заработной плате рабочих и служащих на февраль 1922 г. Изв. № 34, 12 февр. О порядке найма и увольнения рабочих и служащих. Изв. № 36, 15 февр. Изменение п. 4 декрета С. Н. К. от 4 авг. 1921 г. „О снабжении рабочих молоком и жирами". Изв. № 50, 3 мар. О порядке найма и увольнения служащих. Изв. № 59, 14 мар. О передаче Нар. Ком. Труда государственных функций охраны труда. Изв. № 87, 21 апр. О предоставлении Цефонду с утверждения Совета Труда и Обороны права выделения определенных предприятий из общего порядка получения фондов заработной платы. Изв. № 93, 28 апр. Дополнение к декрету от 21 ноября 1921 г. „Об изменении п. 158 общего положения о тарифе и декрета о борьбе с прогулами от 27 апр. 1920 г. Изв. № 98, 5 мая. Временные правила об отпуске рабочих и служащих в 1922 г. Изв. № 99, 6 мая. О минимуме заработной платы на май мес. Изв. № 99, 6 мая. О наказаниях за нарушение постановлений об охране труда. Изв. № 101, 9 мая. Об установлении предельного минимума количества подростков в предприятиях. Изв. № 126, 9 июня. О порядке найма и увольн. лиц с технич. и агрономич. образов. Изв. № 139, 25 июня. О задачах центральной комиссии по снабжению рабочих при Наркомпроде. Изв. № 140, 27 июня. Положение об Областных и Губернских Комиссиях по фондам заработной платы. С. У. № 17, ст. 183. Об условиях и порядке увольнения от работ женщин в связи с сокращением штатов. С. У. № 18, ст. 203. О порядке снабжения сотрудников Нар. Ком. Рабоче-Кр. Инспекции, работ. на таможне. С. У. № 19, ст. 226. О рабочих, набранных в голодающих губерниях для работ в Донецком бассейне. С. У. № 19, ст. 228. О мерах для покрытия недобора по заработной плате за фев. 1922. С. У. № 23, ст. 215. О пополнении фонда заработной платы на март 1922 г. С. У. № 24, ст. 273. О выдаче спирта горнорабочим. С. У. № 25, ст. 293. О рабочих Донецкого камен.-угольного бассейна, увольняемых за сокращением штатов. С. У. № 28, ст. 325. О разассигновании фонда заработной платы на апрель 1922 г. С. У. № 28, ст. 339.

Разграничение деятельности СНК, СТО и Мал. СНК. Наказ о разграничении деятельности. С.У. № 12, 9 марта, ст. 117. *Реквизиция.* О воспрещении переадресовок и реквизиций грузов заграничных организаций помощи голодающим. С.У. № 29, ст. 342. *Румянцевский музей.* О снабжении Р.М. всеми издаваемыми печат. произведениями. Изв. № 9, 19 янв. *Рыбные промыслы.* О снабжении Астраханских рыбн. промыс. рабочей силой. С.У. № 14, ст. 147; срав. С.У. № 17, ст. 168. О продлении до 1 апреля 1922 г. срока ударности перевозки рыбных грузов С.У. № 24, ст. 276. О Мурманском областном Рыбном Управлении. С.У. № 29, ст. 335. *Свобода передвижения.* О беспрепятственном проезде всех граждан по территории РСФСР. Изв. № 19, 26 янв. *Сельские комиссии.* Образование сельск.-хоз. комиссии при ВЦИК. Изв. № 14, 19 янв. *Сельское хозяйство.* Об органах по проведению сельско-хозяйственной кампании за 1922 г. Изв. № 26, 3 февр. Об упорядочении пользования сенокосами и о мерах к поднятию лугового хозяйства. Изв. № 58, 12 марта. О размерах обложения одной десятины пашни и сенокоса в зависимости от урожайности и обеспеченности Изв. № 84, 14 апр. Об учете специалистов по сельскому хозяйству. Изв. № 84, 14 апр. О порядке управления советскими хозяйствами Народного Комиссариата Земледелия. Изв. № 134, 18 июня. О переводе на хозяйственный рассчет аппарата НКЗ, ведавшего снабжением крестьянства средствами с.-х. производства. Изв. № 137, 23 июня. О продвижении по железным дорогам семян и продовольственных грузов. С.У. № 16, ст. 164. О заготовке зерно-фуража на заграничном рынке. С.У. № 18, ст. 189. О заготовке семенного картофеля в Курской, Брянской и Гомельской губ. С.У. № 18, ст. 191. О принятии срочных мер для продвижения находящегося уже на колесах хлеба. С.У. № 18, ст. 196. О согласовании мероприятий по распределению и перевозке сем. зерна в голодающее Поволжье, поступающего, как из государств. рессурсов, так и прибывающего из-за границы. С.У. № 22, ст. 238. Об отпуске Олонецкой губ. семенной ссуды. С.У. № 24, ст. 277. Об изменении условий твердого хлебного договора заключенного Всероссийским Центральным Союзом Потребительских Обществ с Народным Комиссариатом Продовольствия. С.У. № 16, ст. 302. Правила

пользования лесными сенокосами и пахотными угодьями, находящимися на приисковых землях. С.У. № 28, ст. 315. См. отд. „Транспорт“ и „Монополия“.

Сметы. Об отмене п. 6, разд. IV декрета СНК от 10 окт. 1921 г. „О порядке составления финанс. смет на 1922 г.“. Изв. № 38, 17 февр. Правила составления материальн. смет на период с 1 апр. по 1 окт. 1922 г. С.У. № 12, ст. 119. *Снабжение (госуд.).* О плане снабжения предметами первой необходимости. С.У. № 12, ст. 114. Обеспечение продовольствием промышленности Урала. С.У. № 14, ст. 135. Снабжение Иваново-Вознесенской губ. С.У. № 13, ст. 121. Об отмене декрета от 26 окт. 1920 г. об об'единении государственного снабжения населения продуктами питания и предметами первой необходимости. Изв. № 98, 5 мая. О снятии предприятий с государ. снабж. С.У. № 16, ст. 155. О плане распределения рессурсов государств. снабжения. С.У. № 23, ст. 252. *Совхозы и Земучастки.* Инструкция по пересмотру Совхозов и Землеучастков. С.У. № 2, ст. 38. *Соль.* Отмена декретов Совнаркома о монополии на соль. Изв. № 46, 26 фев. *Социальное обеспечение и соц. страхование.* Декреты о разных видах социального обеспечения трудящихся. Изв. № 4 от янв. О поразрядных ставках страхового тарифа. Изв № 6, 10 янв. О выплате предприятиями и учреждениями пособий на дополнительные виды социального обеспечения. Изв. № 14, 19 янв. О взносе в размере $^1/_{20}$% с заработ. платы на социальн. страхов. по безработице. Изв. № 14, 19 янв. Об обязанности предприятий и учреждений за свой счет производить выплату дополнительных видов социального обеспечения. Изв. № 14, 19 янв. Постановление СНК о социальном обеспечении инвалидов. Изв. № 48, 1 марта. О приостановлении действия ст. 5 пост. СНК от 14 апр. 1921 г. Об обеспечении рабочих и служащих при временной нетрудоспособности. Изв. № 65, 22 марта. Категории лиц, пользующихся правом обеспечения. Изв. № 113, 23 мая. О воспрещении расходовать не по прямому назначению средства, ассигнованные на обеспечение инвалидов гражданской войны. Изв. № 137, 23 июня *Судебные пошлины.* Об изменении сумм судебных пошлин. Изв. № 127, 10 июня. *Судоустройство и судопроизводство.* О правах ЦИК автономных советских республик в отношении приговоров ревтрибуналов, действующих на территории соответствующей распублики. Изв. № 16, 22 янв. Воспрещение непропуска кассац жалоб или ходатайств о помиловании. С.У. № 11, ст. 102. *Сырье.* О порядке передачи сырья, находящ. в распор. НКП другим комис. С.У. № 28, ст. 327. *Текстильная промышл.* О сдаче Главному Управлению Текстильн. промышл. запасов лоскута, тряпья и обрезков. С.У. № 19, ст. 227. *Товары, привоз. из-за границы.* О клеймении товаров, привозимых из-за границы. Изв. № 115, 25 мая. *Топливо.* Снабжение Сибирск. топливн. и железнодор. органов квалифиц. рабочей силой. С.У. № 13, ст. 134. Запрещение вносить изменения в структуру местных органов Главного Управления по Топливу без разрешения Главного Управления. Изв. № 67, 24 марта. О снятии государственной топливной промышленности с государственного снабжения и об оплате топлива. Изв. № 69, 26 марта. О торфяных болотах. Изв. № 119, 31 мая. Об управлении нефтехозяйством республики. Изв. № 135, 20 июня. Об организации перевозок нефтяных продуктов в навигацию 1922 г. С.У. № 16, ст. 159. О мерах к усилению добычи на каменноугольных копях Сибири и Урала. С.У. № 18, ст. 190. О мерах к упорядочению работ угольных дорог Донецкого Бассейна. С.У. №18, ст. 195. О компетенциях комиссии по топливу С.У. № 19, ст. 208. Об организации дела связи в Донецком бассейне. С.У. № 22, ст. 237. О сплаве леса. С.У. № 22, ст. 241. Об обеспечении сплавной компании рабочей силой. С.У. № 22, ст. 243. Положение о сплаве и водном транспорте леса в 1922 г. С.У. № 23. ст. 276. О мерах к обеспечению работ по заготовке торфа. С.У. № 23. ст. 249. Положение о заготовке торфяного топлива в сезон 1922 г. С.У. № 24, ст 264. Приказ по Высшему Совету Народн. Хоз. № 95. С.У. № 24, ст. 265. О мерах к усилению снабжения топливом. С.У. № 24, ст. 272, О мерах борьбы с злоупотреблениями и с хищениями при заготовке, вывозке, сплаве и транспорте дров и лесоматериалов. С.У. № 25, ст. 290. Об Управлении по делам Гидроторфа. С.У. № 25, ст. 292. О Борович. каменноугольном районе. С.У. № 25, ст. 295. Об очистке площадей лесоразработок от порубочных остатков. С.У. № 26, ст. 307. О принятии срочных мер по снабжению топливом Юго-Западных жел. дор. С.У. № 28, ст. 328. Об отпуске 100.000 пуд. хлеба на места торфяных работ. С.У. № 28. ст. 333. См. „Древесина“ и „Транспорт“.

Торговля. Торговые и промышленные предприятия. Расписание разрядов промышленных и торговых предприятий и личных промысловых занятий. Изв № 42, 22 февр. О Карской экспедиции. С.У. № 13, ст. 132 и 133. Об импортных операциях. С.У. № 14, ст. 139, О монополии внешней торговли. Изв. № 60, 15 мар. Упразднение Совета Внешн. Торговли. С.У. № 14, ст. 145. Об отмене разрешительного порядка открытия и производства торговли. Изв. № 100, 7 мая. О Карской товарообменной экспедиции. С.У. № 18, ст. 205. О товарообменной Карской экспедиции. С.У. № 19, ст. 224. О представителях Нар. Комис. Внеш. Торговли в передаточных пунктах С.У. № 22, ст. 242. *Торговля.* Об увеличении оборотного фонда Нар. Комис. Внешн. Торговли. С.У. № 25, ст. 289. О передаче Кронштадтского торгового порта из Нар. Комиссариата Путей Сообщения

в ведение Нар. Комис. Внешн. Торговли С.У. № 26, ст. 299, *Транспорт, и пути сообщения.* Об оплате наличными перевозок грузов кооперативных организаций. Изв. № 6, 10 янв. О применении на транспорте начал хозяйственного рассчета. Изв. № 13, 18 янв. Дополнение—Изв. № 15, 21 янв. О разгрузке жел. дор. от беженцев и выселенцев, Изв. № 19, 26 янв. О восстановлении рассчетов между местными Управлениями железнодор. и вод. транспорта. С.У. № 6, ст. 66. Реорганизация матер. учета перевозок прямого сообщения. С.У. № 6, ст. 67. О плате за проезд пассажиров и перевозку по жел. дор. Изв. № 45, 25 февр. Об управлении морским транспортом Каспийского моря. Изв. № 53, 7 мар. О порядке пользования протекционными вагонами. Изв. № 57, 11 марта. Увеличение продолжительности работы паровозов и поездных бригад. С.У. № 13, ст. 125. Снабжение Сибир. топлив.- и железнодорожн. органов квалифиц. рабочей силой. С.У. № 13, ст. 134. О введении тепловозов С.У. № 14, ст. 136. О признании ударными работ по ремонту вагонов и паровозов С.У. № 14, ст. 140. Перевозка прибывающих из-за границы грузов. С.У. № 14, ст. 144. Ответственность за расхищение и уничт. щитов, огражд. от снежных заносов. С.У. № 14, ст. 143. Об особо важном значении сооружения железнод. ветки Энем-Ишаф. С.У. № 14, ст. 151. О чрезвычайной комиссии по ускорению транспортирования и доставки семенных и продовольственных грузов. Изв. № 60, 15 мар. Об упразднении чрезвычайных органов борьбы с незаконным использованием транспорта и о передаче их функций транспортному отделу Господитуправления. Изв. № 67, 24 мар. О плате за проезд пассажиров, а также за перевозку багажа и грузов. Изв. № 87, 21 апр. Об упразднении института комиссаров на транспорте. Изв. № 92, 27 апр. О плате за проезд пассажиров, за перевозку багажа и грузов. Изв. № 119, 31 мая. О порядке пропуска доставляемых из-за границы почтовых посылок. Изв. № 125, 8 июня. Об изменении норм провоза пассажирами ручной клади и багажа. Изв. № 143, 30 июня. Об обеспечении вывоза заграничных продовольствия и семян. С.У № 16, ст. 165. О страховых сборах при перевозке грузов и багажа. С.У. № 19, ст. 225. О товарном сообщении с Латвией и Эстонией. С.У. № 23, ст. 248. Положение о Комиссии для рассмотрения предположений об образовании смешанных Обществ. С.У. № 23, ст. 251. О перевозке грузов Народ. Комисс. Продовольствия. С.У. № 23, ст. 253. О дополнении к п. I постановления о Губернских и Транспортных Бюро. С.У. № 23, ст. 255. О производстве работ по постройке жел. дор. Ачинск—Минусинск. С.У. № 25, ст. 294. Об образовании неприкосновенного мобилизационного запаса топлива на жел. дор. С.У. № 26, ст. 298. Об организации в Москве Чрезвычайной разгрузочной Комиссии. С.У. № 26, ст. 312. См отд „Сельское хозяйство“, *Уголов. Процес. Кодекс*, Уголов.-Процесс. Кодекс. С.У. № 20-21, ст. 230. *Угол. Кодекс* Р.С.Ф.С.Р. С.У. № 15, ст. 153. *Утрата документов.* О возобновлении утраченных документов. Изв. 52, 5 мар. *Филателия.* Об образовании экспортного фонда по филателии. Изв. 6, 10 янв. *Финансы государства.* Об отмене постановления ВЦИК от 10 окт. 1921 г. о порядке составления финансовых смет доходов и расходов государства на 1922 г. Изв. № 38, 17 февр. О кассовых операциях государственных предприятий и учреждений. Изв. № 79, 7 апр. Дополнение к декрету от 30 мар. 1922 г. „О кассовых операциях государственных учреждений и предприятий“ Изв. № 121, 2 июня Об укреплении финансового аппарата и расширении полномочий Народного Комиссариата Финансов. Изв. № 136, 22 июня. См. отд., „Денежн. обращение“. *Фото и Кино предприятия.* Передача Фото и Кино предприятий. В ведение ВСНХ. С.У. № 13, ст. 131. *Центроэвак.* О местных органах Центроэвака в автономных республиках Изв. № 71, 29 мар. *Церковные ценности.* Об из'ятии имущества, находящегося в пользовании групп верующих, в целях помощи голодающим. Изв. № 46, 26 февр. Инструкция о порядке из'ятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих. Изв. № 47, 28 февр. О ценностях, находящихся в церквах и монастырях. С.У. № 19. ст. 215. *Часовая стрелка* Перевод часовой стрелки. Изв. № 36, 15 февр. *Штаты.* О предельности количественных норм, устанавливаемых Президиумом ВЦИК для штатов всех центральных и местных органов всех ведомств. Изв. № 126, 2 июня. *Экономич. совещания.* Об изменении и дополнении декрета „О местных экономич. совещ., их отчетности и руководстве наказам СНК и СТО“ напеч. в С.У. 1921 г. № 44. С.У. № 19, ст. 212. *Экспедиции (научные)* Об урегулировании дела снаряжения Научно-Изыскательных Обследовательных и подобного рода экспедиций и отрядов. С.У. № 24, ст. 275. *Электрофикация.* Об электрофикациях; постройка электрических станций и привлечение к делу частных предпринимателей Изв. № 4, 5 янв. *Ярмарка.* Положение об Ирбитской ярмарке. Изв. № 25, 2 февр. Об Ирбитской ярмарке (дополн. постан С.У. № 14, ст. 141). О подготовительных работах по открытию и восстановлению Нижегородской ярмарки. С.У. № 24, ст. 279.

Академическая хроника.

Местный Отдел Румянцевского Музея.

В 1918 г. в Публичной Библиотеке Румянцевского музея был организован местный отдел, которым заведует специалист по административному праву проф. М. Д. Загряцков. На этот отдел была возложена задача систематизировать литературу о местном управлении и хозяйстве, накопившуюся за 58 лет существования Музея, и собирать текущую литературу по местным вопросам.

Сначала отделу удалось осуществить только первую часть задачи — приступить к составлению систематического каталога старой литературы по местным вопросам, так как в годы гражданской войны местная жизнь замерла и новых местных изданий почти не выходило.

Но в последние два года в библиотеку стали поступать в большом количестве местные издания (почти исключительно официальные), дающие довольно полную картину современного экономического и культурного строительства. Особенно полна коллекция отчетов экономсовещаний несмотря на то, что аппарат книжной палаты, автоматически доставляющий в библиотеку музея новые издания, все еще не наладился. В основу систематического каталога положены два принципа: а) территориальный: книги классифицируются по областям, губерниям, уездам, причем специальное внимание обращено на классификацию литературы, посвященной современным так называемым „окраинным государствам", б) логический — основой классификации принимается расчленение изданий по основным проблемам местной жизни. Приводим основные „логические" подразделения каталога. Понятие о местности как единице местного общественного управления (территория и население); местное управление (организация); политика (деятельность) местного управления и специальные ее формы (городское хозяйство, общественное хозяйство губернии, социальное обеспечение, народное образование, социальное страхование, общественная санитария, борьба с алкоголизмом и проституцией, жилищный вопрос). Краевая библиография. Литература систематизирована до буквы Л. и таким образом уже теперь обеспечена некоторая возможность использовать общественный опыт России и Запада в деле благоустройства „местности".

Современная литература классифицируется по следующим признакам: Краеведение. Статистические обзоры по губерниям, областям. Местное управление Р. С. Ф. С. Р. Теоретические работы об ее природе. Административное деление. Организация управления. С'езды, советы, исполкомы. Отделы. Кооперация и профсоюзы на местах. Библиография. Справочные издания.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

1. **Я. А. Канторович** «Правовые идеи в советском законодательстве» 3
2. Проф. **И. Б. Новицкий** «Имущественный наем» 16
3. Проф. **М. М. Агарков** «Юридическая природа железнодорожной перевозки. 29
4. Проф. **М. Д. Загряцков** „Коммунальный Банк и его роль в деле восстановления города 41
5. Проф. **Б. Д. Плетнев** „Законодательство о языках в многонациональном государстве 52
6. Проф. **С. А. Котляревский** „Русско-германский договор в Рапалло" 58
7. Проф. **Н. Н. Полянский.** „Уголовный кодекс Р.С.Ф.С.Р. и германский проект уголовного уложения". *) 63
8. Проф. **П. И. Люблинский.** „Восстановление прокуратуры 73
9. Проф. **М. Н. Гернет** „Народовольцы на эшафоте" 78
10. Проф. **А. Ф. Кони.** „С. С. Манухин" (воспоминания) 84

БИБЛИОГРАФИЯ.

11. **С. А. Франк.** „Очерки методологии общественных наук", 1922 г.; K. de-Maeztu—„Authority, Liberty and Function in the light of the War"; **Н. И. Костомаров** „Авто-биография"; „Устав о Госуд. Герб. Сборе"; „Историко-революц. бюллетень"; „Пролетарская революция"; „Былое"; „Голос минувшего"; Книги, поступившие в Редакцию для отзыва 91

Законодательная хроника и распоряжения правительства.

12. Циркуляры и Инструкции Нар. Ком. Внут. Дел; Циркуляры Нар. Ком. Юстиции; Проект декрета о праве застройки; Сводка декретов, опубликованных с 1-го января 1922 г. до 1 июля 1922 г. 99
13. Академическая хроника 111
14. Об'явления .

---

*) **Примечание к статье Н. Н. Полянского: «Уголовный кодекс Р. С. Ф. С. Р. и германский проект Уголовного уложения».**

В статье, представляющей собою доклад, прочитанный в Московском Юридическом Обществе в мае с. г., отмечено, что Уголовным Кодексом (во время чтения доклада Кодекс был еще только проектом) оставлен открытым вопрос, применимы ли к несовершеннолетним те же меры репрессии, какие предусмотрены в отношении взрослых (вплоть до высшей меры наказания). Постановлением Президиума В.Ц.И.К. от 27-го июля с. г. ст. 33 общей части Угол. Кодекса дополнена примечанием: „*Высшая мера наказания не может быть применена к лицам, не достигшим к моменту совершения преступления 18 летнего возраста*".